

Сергей Григорьевич Максимов Русские воинские традиции

ВВОДНОЕ СЛОВО

Великое несчастие для прямого сына Отечества, ежели он не знает нравов и обычаев своего народа, и крайний стыд, когда он, оказав пренебрежение к получению сего сведения, заимствует из единой суетности нравы и обычаи иностранные, которые делают его в глазах народа смешным и презрительным, а для услуг Отечества не только неспособным, но и опасным.

Граф Воронцов

Истоки нашей культуры находятся в нашей истории. Поэтому нам так важно изучать ее, чтобы не потеряться сейчас и быть уверенным в будущем.

История неоднократно доказывала, что сила и достоинство государства зиждутся, в том числе, на мощи его вооруженных сил. Воины всегда находятся на острие любого столкновения цивилизаций, государств, сообществ и являются важнейшей составляющей любой культуры, рассчитывающей на выживание.

Воинские традиции имеют очень давнюю историю. Первоначально воевали все способные к битве члены племени, включая женщин, затем из них выделились особенно сильные и искусные во главе с вождем, задачей которых стали война с внешними врагами и наведение порядка внутри собственной общины.

С усложнением общественных отношений профессия воина становится одной из наиболее почетных и закрытых для непосвященных, оформляется определенными ритуалами и легендами, например, о нечеловеческих способностях, секретных приемах, связях с потусторонней силой.

Можно уверенно сказать, что эффективность армии, как массового вооруженного формирования, обеспечивается не мастерами боевых единоборств, а выучкой, боевым духом и единством. Настоящая армия образуется после выделения победоносных традиций. Войско не просто состоит из определенного количества индивидуумов, вооруженных определенными навыками и оружием. Войско сильно прежде всего своим единством. А единство это определяют традиции, дисциплина, честь, сила военного духа. Достаточно вспомнить победы монгольской армии Чингисхана над многочисленными, хорошо вооруженными, но уступающими по сплоченности и дисциплине средневековыми войсками разных стран и народов. Этим же умением славились и солдаты непобедимого за 30 лет непрерывной службы генералиссимуса А.В. Суворова.

Представляется уместным привести выдержки из книги князя Александра Александровича Ливена «Дух и дисциплина нашего флота» (1908 г.), капитана 1 го ранга, в дальнейшем вице-адмирала Русского флота:

«В войсках военный дух бывает прямо пропорционален корпоративному... В военном мирозерцании нет отдельных воинов – людей, офицеров, солдат, матросов, есть лишь воины части... Принцип военного дела есть принцип меча. Меч должен состоять из самого крепкого материала, а ударить он должен не плашмя, а острием, чтобы вся живая сила удара сосредоточилась на остром его краю. Так и войско, составляя крепко сплоченную среду, должно сосредоточить всю силу воли всех своих членов на одну указанную цель. Крепости стали соответствовать сплоченность и дух войска, а острию меча – его дисциплина. Вот два отличительных качества хорошего войска».

История породила целые «потомственные», сословные виды войск, которые на протяжении длительного времени играли и играют в своих странах выдающуюся роль, создавая культурные образы, привлекающие внимание писателей, художников, музыкантов и других творцов. Навечно останутся в памяти подвиги отдельных героев, дружин, армий и целых стран. А сколько их не осталось в памяти, стертых неумолимым временем.

Спарта дала миру образ закаленного воина-спартанца. Прообразом современных дисциплинированных армий стали римские легионы, а маневренной, непредсказуемой силой запомнились скифы и казаки. Средневековая Западная Европа дала миру образ рыцаря. Русь знаменита своими богатырями. Кавказ создал образ витязя-горца. Османская империя – янычар. Азия – арабских воинов и монголов. Индия – кшатриев и раджпутов. Китай – просветленных мастеров рукопашной схватки. Япония – самураев и ниндзя. Америка – гордых индейских воинов. Эти воинские группы имеют свою древнейшую историю и традиции, влияющие на все общество. Одновременно

воинство является отражением того общества, которому оно служит.

Любой народ тратит большую или меньшую часть своих жизненных сил и исторического времени на войну, на отстаивание своего права на существование, на защиту им созданного. Не исключение из этого исторического правила и славянские народы, составившие костяк того конгломерата племен и народов, который называется Россией.

Военное дело славян, особенно на территории России и современной Украины, в отечественной и в зарубежной историографии не нашло достаточного отражения. Мало того, делаются планомерные попытки лишить славян славного прошлого, хотя славяне в настоящее время являются самой многочисленной ветвью народов, говорящей на языке индоевропейской языковой семьи, и являются самыми многочисленными в Европе. Воинские традиции восточных славян, где и находятся корни наших воинских устоев, до эпохи образования Киевской Руси (IX в.), практически не рассматривались.

В данном сочинении рассматривается зарождение ратного духа и традиций Руси, которые позволили стране выстоять в тяжелейших условиях, стать и остаться самым большим государством в мире.

Многие материалы и обобщения, особенно касающиеся ранней истории славяно-русов (до Р.Х. и первые столетия н.э.) и воинства Руси (до эпохи Крещения X века), были отрывочны и политизированы, при этом зачастую написаны языком официальной науки, малопонятным неспециалистам.

Древнейшие славяно-русы использовали особенности земли своей и одни из первых в Европе строили протогорода (поселения Трипольской культуры, Аркаим – «Страна городов» на Южном Урале), а в дальнейшем – грандиозные оборонные сооружения (Змиевы и Трояновы валы) для защиты от многочисленных врагов.

В главе «Оружие Древней Руси» кратко повествуется об истории русского оружия.

Традиции и обряды неразделимы, поэтому рассмотрены вопросы обрядовой составляющей воинства: заговорной магии, посвящениям (инициациям) и оборотничеству, воинским союзам, играм, пляскам, музыке, песням...

Материалами для исследователей, изучающих прошлое, служат летописи и старинные сочинения, археологические находки предметов вооружения древних славян, элементы росписи храмов и жилищ. Весьма важной группой источников являются тексты традиционной воинской мифологии: волшебные богатырские сказки, старины-былины, песни, предания, заговоры и т.п. Большую помощь в работе оказывают малые жанры (пословицы, поговорки, загадки и т.д.). Сюжеты многих сказаний и легенд, как в капле воды, отразили архаичный комплекс воинских инициаций, ритуалов и практик, которые преломились через традицию эпического творчества. Показательно, что подобные сюжеты, в народной среде постепенно изменяясь до сказочных, среди воинов-профессионалов становились родом профессионального фольклора, именно об этом свидетельствует богатырская – «врагоборческая» и колдовская, – «оборотническая» тематика многих произведений. Поэтому в книге уделяется достаточно места фольклорной стороне воинской культуры: былинам, сказкам, песням, пословицам и поговоркам.

Рассматривается также наиважнейшее для понимания нашей истории понятие – русский национальный характер и вытекающие из него уникальные особенности воинства российского, позволившие не только устоять народу и государству в небывало трудных условиях существования, но и превратиться в величайшую страну мира.

Во все времена России была свойственна национальная терпимость, в том числе как генетическая память о едином индоевропейском прошлом многих народов. Поэтому верой и правдой служили Руси воины, среди которых были не только сами русские, но и скандинавы, немцы, чудины, берендеи, кипчаки, татары, литвины, грузины, евреи и многие, многие другие.

Специфически русским в нашей воинской традиции был прежде всего ее носитель, и если у человека русское восприятие мира, если он «за Россию», то он является именно русским воином.

Несомненно, вопросы чести являются важнейшими составляющими воинской культуры, позволяющими создать идеологию служения обществу.

Также приведены выдержки из избранных произведений памятников литературы, посвященной данной тематике, и список основной используемой литературы. Этот комплекс источников позволяет выявлять наиболее устойчивые архетипические черты русской воинской культуры, неизменно воспроизводящиеся на протяжении веков. Накапливая и систематизируя разрозненную ин-

формацию, возможно построить достоверную картину развития и формирования на Руси воинской культуры.

Воинский дух присущ не только представителям воинского сословия, но и всякому человеку, сильному в своих убеждениях и делах. Поэтому книга эта может быть полезна не только профессионалам, но и тем людям, которые хотят понять себя и приобрести навыки воина-победителя в этой жизни.

Первое правило этого мира: каждый мужчина – это воин. Второе, весьма желательное правило: воин – это человек, достойный во всем.

Предполагаемый круг читателей обширный – все, кто интересуется воинскими традициями России и ключевых сообществ, боевыми искусствами, психологией и историей, а также вопросами самосовершенствования и самореализации в этой жизни.

Автор оставляет за собой право на оригинальные рассуждения и благодарит всех уважаемых исследователей, фрагменты сочинений которых приведены в этой книге, и напоминает, что данный труд не претендует на роль научного и исчерпывающего. А посему – с благодарностью примет любые замечания и дополнения.

Часть первая **РУСЬ ИЗНАЧАЛЬНАЯ** **КОРНИ СЛАВЯНО-РУСОВ**

История в некотором смысле есть священная книга народов; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего.

Н.М. Карамзин

История Руси уходит корнями в глубокую древность. Родиной наших далеких предков была Русская (Восточно-Европейская) равнина. После великого Бюром-Валдайского оледенения здесь сформировалась единая природная зона от Балтики до Уральского хребта. В это время на территории современной России уже существовали первобытные люди – неандертальцы (*Homo neandertalensis*), – современники мамонтов и шерстистых носорогов.

Около 40 000 лет назад, в начале позднего палеолита, место неандертальцев в Европе занимает их соперник – человек современного физического типа, относящийся к *Homo sapiens* (Человек разумный), – кроманьонец, отличавшийся чертами европоидной расы.

Около 35 тыс. лет назад на Европу надвинулся с севера последний мощный ледник. «Язык» ледника, спустившись от Скандинавии к Альпам, разделил западную и восточную части Европы. Свободными ото льда и пригодными для жизни в Европе оставались южные территории (южнее Пиренейских гор и Альп), а также – Русская равнина (за исключением северо-западных областей), что позволило здесь выжить первым разумным обитателям Европы.

Археологически подтверждено, что на территории современной Центральной России люди расселялись с каменного века (стоянки: Костенки под Воронежем – до 40 тыс. лет до н.э., Сунгирь под Владимиром – до 30 тыс. лет до н.э.), причем о достаточно высоком уровне развития говорят разнообразные орудия труда и охоты, а также большое количество искусно сделанных украшений.

В поисках новых мест обитания в X – VIII тыс. до н.э. часть европейцев перекочевала на юг по дорогам, по которым часть их предков шла на север. Особо важная тропа миграции вела в районы Ближнего Востока.

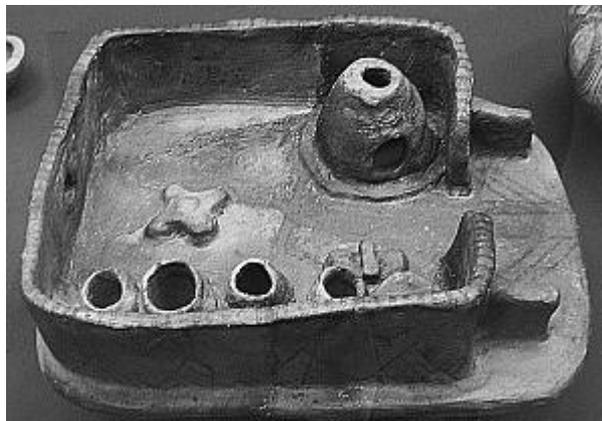
На юге пришельцы организовали Второй Иерихон (на месте разрушенного Первого – около VII тыс. до н.э.), а на Крите самую раннюю европейскую цивилизацию – минойскую, по имени царя Миноса, около IV – II тыс. до н.э., а позднее – государства Шумер, хеттов, микенцев, троянцев, ахейцев.

Возможно, приблизительно с VI тыс. до н.э. на землях современной России и Украины (северное Причерноморье вплоть до Южного Предуралья, Приднепровье) окончательно формируется европейская часть языковой и этнической общности племен, называемая в настоящее время индоевропейцами, индоариями, ариями.

Некоторые исследователи считают, что на рубеже V – IV тыс. до н.э. в этом районе индоевро-

пейцы создали древнейшее на Земле государство – легендарную «Священную страну Аратту», к которой относится «трипольская археологическая культура».

Объединение трипольцев эпохи неолита было достаточно хорошо организованным протогосударством. Найденные в могильниках V тыс. до н.э. с большим искусством выполненные булавы с резной отделкой, шейные цепи и короны указывают на то, что уже тогда существовали структуры правления во главе с вождями.

Керамическая модель трипольского дома. Трипольская культура

Скотоводы-индоевропейцы Каспийско-Черноморских степей впервые приручили коня; вскоре, в середине IV тыс. до н.э., кочевые племена нашли ему применение не только в скотоводстве и охоте, но и в военном деле. Изобретение колесниц дало мощное преимущество ариям, вторгшимся в Индию и на другие территории. Индоевропейцы распространялись всюду, где имели возможность пасти скот и в дальнейшем – возделывать земли и заниматься металлообработкой.

В III – II тыс. до н.э. произошло разделение родственных племен на ариев, расселившихся по Европе, и индоариев, ушедших с прародины через Евразийские степи и Кавказ в Среднюю Азию и далее к северу от Каспия, через степи современного Казахстана и Южный Урал на юг Средней Азии.

При своем движении древние европейцы (культура «шнуровиков» и «боевых топоров») сначала освоили Русскую равнину, дав начало праславянам, затем распространились далее, вбирая в себя местные племена и создавая ядра греков, италиков, кельтов, балтов, германцев и скандинавов.

Предложено несколько вариантов происхождения слов «арий», «арья». Например, его связывают с корнем «ар» – «делать, культивировать, пахать». Отсюда и старорусское «орать» – пахать. Арья, таким образом, может указывать на человека деятельного. Родственным является и русское слово «ярый» – «смелый, неукротимый, победитель». Корневая основа «Ар» означает еще и «солнечный, близкий к солнцу».

Кстати, современное название «Иран» происходит от того же этнонима – «агуа» в род. пад. мн. ч. (авест. *airyanem vaeyu*), буквально «место ариев».

Боевой топор. Культура «боевых топоров»

На юге Русской равнины уже после разделения языковой общности восточноевропейские арии-земледельцы (сколоты) встретились с ираноязычными кочевниками – скифами, организовав Великую Скифию.

В VI – IV вв. до н.э. праславянской (сколотской) знатью заимствовались элементы скифской культуры, а в I в. воспринимались элементы военной культуры новых хозяев степей – сарматов, так же как в дальнейшем готов, аланов, гуннов, аваров, хазар, половцев и монголов. Военный союз с сарматами отразился в римской дорожной карте III в. как надпись «венедо-сарматы», помещенная в степях севернее Дуная.

Как известно, Повесть временных лет начинает повествование всего лишь с 862 г. Но сохранилась информация так называемой Иоакимовой летописи в передаче В.Н. Татищева, освещающая ранние события. Жили некогда два брата-«первопредка»: Словен и Скиф. Словен «иде к полуночи и град великий созда», а Скиф остался «у Почта и Меотиса». Потомок Словена – князь Ванда, у которого были три сына: Избор, Владимир и Столпосвят. Владимир «имел жену от варяг Адвинду» и основал династию, правившую словенями много поколений. Через девять поколений после Владимира Древнего правил словенский князь Гостомысл, после смерти которого и были «призваны» родственник Рюрик и его варяги. Предки новгородской династии и считались «сыновьями князя Ванда».

Эти сведения довольно точно отражают основные этапы исторической жизни славян. Совершенно верно указано о ближайшем генетическом родстве славянских и западных «скифских» народов-земледельцев, причем праславянские племена в конце III – начале II тыс. до н.э. действительно продвинулись «к полуночи», на северо-запад, на территорию современной Германии и Польши. В VII в. произошло обратное движение: славяне «возвратились» на восток, где, сливаясь с балтами, финно-угорскими племенами и славянами – потомками скифов-сколотов, образовали Русь.

Жителей великой Русской равнины в первые века нашей эры античные летописцы называли: северо-западные племена – венедями и склавинами, а юго-восточные – антами.

Римские писатели I в. (Плиний Старший, Тацит) сообщают, что территория к востоку от Вислы и к северу от Дуная в их время была заселена многочисленными племенами венедов. Венеды (предки западных и северной ветви восточных славян), обитавшие, по скудным свидетельствам

древних авторов VII в. до н.э. – II в., были хорошими воинами, как упоминает в «Германии» Корнелий Тацит.

Самая западная группа славян начала нашей эры – венды – была изначально связана с германцами, кельтами и балтами самым тесным образом. Еще в XVIII в. немцы часто называли славян «винды», а эстонцы, соседствовавшие со славянами много веков, до сих пор называют их «вене».

Византийский историк VI в. Прокопий Кесарийский в своем известном труде «Война с готами» писал, что анты и славяне (склавины) были одним народом и что в древности славян называли спорами, т.е. рассеянными, распространенными. Это же подтверждает Иордан, автор «Истории готов», в VI в. он писал: «От истоков реки Вислы на неизмеримых пространствах основалось многолюдное племя венедов. Хотя названия их изменяются теперь в зависимости от различных племен и местностей, однако главным образом они именуется склавины и антами. Склавины живут от города Новиетуна и озера, которое именуется Мурсианским, до Данастра, а на севере до Вислы; анты же, храбрейшие из них, живя на изгибе Понта, простираются от Данастра до Данапра». Иордан отмечал, что это все эти племена – «великий народ», состоящий из «бесчисленных племен».

А вот что пишет академик А.А. Шахматов (1864 – 1920): «Славяне и анты – это две отрасли некогда единого племени. Анты – восточная часть этого распавшегося племени. Все, что мы знаем об антах, с совершенной ясностью ведет нас к признанию их восточными славянами, следовательно, предками русских».

Е.И. Классен в своей работе «Новые материалы для древнейшей истории славян...» пишет, что понтийские греки называли один и тот же народ русами, скифами, троянами и славянами, и даже утверждает, что «просвещение древних русов и старше, и выше греческого...».

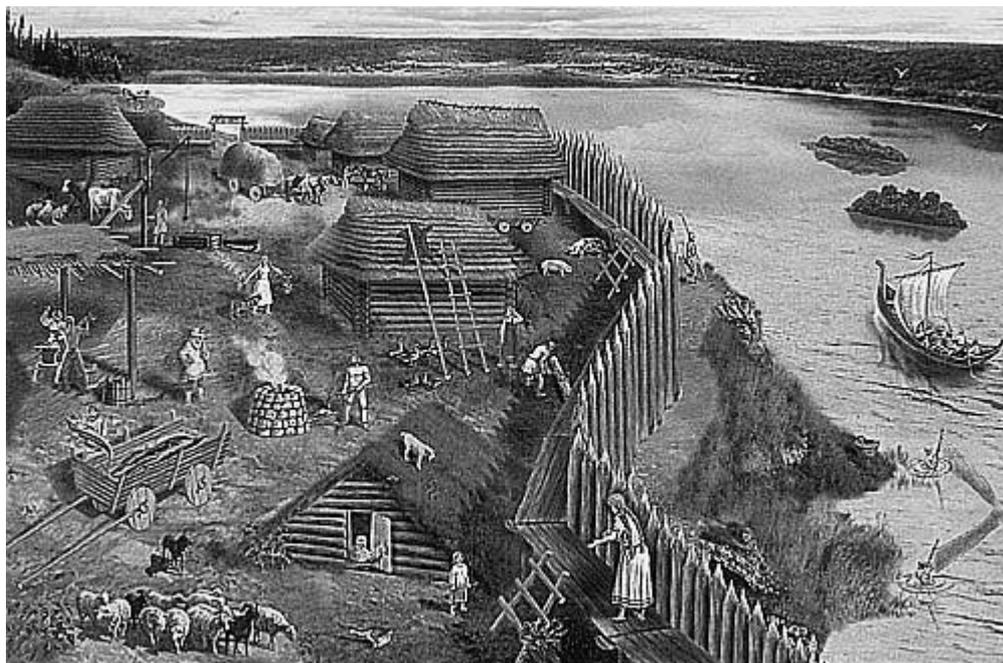
Битва скифов со славянами. Художник В.М. Васнецов

Таким образом, от Азовского моря до Вислы с древнейших времен обитали многочисленные славянские племена.

Начиная с периода IV – VI вв., основными занятиями славянских племен были земледелие (которое к этому времени стало основой жизни славян и достигло значительного развития) и скотоводство, о чем косвенно говорят Прокопий и Маврикий и что подтверждается археологическими данными. Находки удил и стремян свидетельствуют о развитии у них коневодства. Охота, бортничество и рыболовство были подсобными промыслами.

Главным направлением славянского движения середины I тыс. было неудержимое движение на юг, за Дунай, путь, нацеленный на знаменитую «Tropeum Trajani» – «Тропу Трояню», снабжавшую Рим хлебом, до самого юга Балканского полуострова и на запад до Адриатики. Северные славянские племена, вбирая в себя приднепровские и балтские, продвигались к границам Западной и Восточной Римской империи. Наступила пора великого расселения славян. Они двигались и с се-

веро-запада на юго-восток, и с юга (Прикарпатье, Дунай) на северо-запад к Балтийскому морю и на северо-восток – к Ильменю и Верхней Волге. В середине I тысячелетия славянские племена заполнили Балканский полуостров, сложилась новая ветвь славянства – южная.

Поселение древних славян

В VI – VIII вв. славяно-русы заселили заэльбские земли, доходя до Рейна, на востоке они вышли к верховьям Дона и Оки, к берегам Ладожского озера, Неве и Нарове. Сталкиваясь с кельтами, германцами, балтами, финноуграми, тюрками, ираноязычными потомками аланов, они смешивались и частично ассимилировали их. Многочисленные славянские племена начали складываться в народности и вступили на путь образования государства.

Уже во II – I тыс. до н.э., когда закладывались основы славянского сообщества, для двух очагов славянства: балтийского и днепровского, были характерны серьезные различия в путях исторического развития: путях «лесовика – помора» и «лесовика – степняка». В раннем Средневековье определились северославянская общность, сложившаяся в лесах Балтийского бассейна и отчасти Волго-Окского междуречья, и южнославянская, сложившаяся между Карпатами и Балканами, на берегах Дуная, Днестра и Днепра. Объединение их в эпоху расцвета Киевской Руси положило начало восточнославянскому сообществу, создавшему единое государство.

Руины святилища в Арконе

В IX – X вв. были известны две группы славяно-русов: «юго-восточная» – в районе от Среднерусской возвышенности и от Карпат до Причерноморья (Киевская Русь) и «северо-западная» – на славянских землях балтийского Поморья, вблизи устья Одера. Остров Рюген (Ругин) также был заселен русами, из чего следует тождество западных русов и ругов, известных в этих местах еще со времен Тацита. Западная часть славянского Поморья до устья Эльбы и Ютландии именовалась Вагрией, землей варягов. Такое же «раздвоение» происходило и с другим, не менее известным топонимом: земли по Дунаю назывались Словенией и Словакией, так же как и в северо-восточных районах будущего новгородского Приильменя – «Словенская земля».

Чтобы выдержать германо-скандинавский натиск, балтийские славяне создали воинственные княжества (лютическое, ободритское, руянское) со множеством укрепленных городов, наиболее известными из которых были Аркона и Ретра, где большим влиянием обладало жречество – волхвы. Почти все это погибло в XII веке, после падения западнославянских княжеств и обращения их населения в католичество.

Настоящий разрыв славянской общности на западных и восточных произошел только в период принятия христианства.

РУГИ – РОСЫ – РУСЫ – РУСЬ

Длительное время идут дискуссии по поводу происхождения этнонима «Русь». По норманнской теории, его принесли нам скандинавы-варяги после призвания Рюрика в качестве управителя новгородской земли в I в., то есть слово «Русь» появилось в славянских землях вместе с его носителями – скандинавами из племени «Русь». Но такого племени у скандинавов никогда не существовало, поэтому и утверждения эти нелепы.

Еще в глубокой древности скандинавы в своих мифах (сага об Одде Стреле) заселили великанами далекую северную страну Русиланд, что означает «Страна великанов». Возможно, именно название этой страны перешло впоследствии на Русь. Сказание о великанах живет в русских былинах, где огромный Святогор тягается с «тягой земной», не обращая особого внимания на поползновения людей-богатырей (Ильи Муромца).

Задолго до призвания варягов арабский историк и путешественник IX века Ибн Хурдадби пи-

сал, что некие Rus'ы, которых Ибн Хурдадби считал разновидностью славян («Русы суть племя из славян»), торговали издревле на Волге с Византией и Хазарией.

В 375 г. (по данным «Синописиса») некие «русские вои» сражались с императором Феодосием. Константинопольский патриарх Прокулос (434 – 447 гг.) рассказывает о победоносном походе Руси (в союзе с гуннским правителем Ругилой) на Царь-град в 424 г. Арабский писатель ат-Табари приписывал дербентскому правителю Шахрияру (644 г.) следующие слова: «Я нахожусь между двумя врагами: один – хазары, а другой – русы, которые суть враги целому миру, в особенности же арабам, а воевать с ними, кроме местных жителей, никто не умеет».

Морской берег (остров Рюген). Художник Е.Э. Дюккер

Этноним «рус», «рос», «рас» зафиксирован в иранских языках, куда он попал за тысячелетия до нашей эры из праиндоевропейского в значении «светлый». В современном русском языке слово «русый» означает «светловолосый», а тысячу лет назад оно означало еще и «просветленный» – «знающий, понимающий». Отсюда же слова «рослый», «красный», «красивый».

Красный цвет сопутствует древним ариям и русам (росам) на всем протяжении их существования: от ритуального окраса красной охрой захоронений древних индоариев-русов до русских червленых щитов, стягов и Красной площади.

Скорее всего, слово «рус» («рос») неоднократно появлялось на территориях будущей Руси и окончательно утвердилось после призыва правителя и воинов из варягов-русов, имеющих западно-славянское происхождение.

Согласно точке зрения таких авторов, как Кирпичников, Дубов, Лебедев, «русь» означает просто «войско, дружина», отождествляя вначале русов с воинами и правителями, а затем и со всем народом.

Совпадение этнонима «русь» на северо-западе и юго-востоке оказывается тоже не случайным: оно указывает на генетическое родство, ведь венды – вятичи – русские пришли в Центральную Россию в VII – VIII вв. из междуречья Эльбы – Одера – Вислы.

Вполне возможно, что этноним «славяне» является более поздним по отношению к слову «рус». Очевидно, возник он после разделения индоевропейцев в Европе на основные ветви. Славяне являются прямыми потомками и ближайшими родственниками русов, составляющих родовое ядро индоариев по месту их изначального пребывания. Слово «славяне» означает «наделенные словом, понятные своим, славные».

ЗАРОЖДЕНИЕ ВОЕННОГО ДЕЛА

*Не изменяй себе, Великая Россия!
Не верь, не верь чужим, родимый край,
Их ложной мудрости, иль наглым их обманам,
И как Святой Кирилл, и ты не покидай
Великого служения славянам...*

Ф. Тютчев

История военного искусства славян и Древней Руси не могла не отразить в себе все важнейшие этапы истории.

Русь провела большую часть своего существования в войнах. Это позволило накопить огромный опыт боевого искусства. Богатырство на Руси, доблесть и храбрость воинов, их жертвенность ради победы основывались на воспитании и укладе жизни.

Древнее воинское искусство оставило немного письменных следов в связи с тем, что и общепринятой, привычной для нас грамоты не существовало да и в летописях не обращалось особого внимания на обычное и повседневное, тем более – на дохристианское и языческое. Кроме греческих, римских, византийских и арабских упоминаний, ратные традиции отразились в народных танцах и песнях, следы их присутствуют на славянских украшениях и вышивке, в обрядах и символах, в славянских былинах и сказаниях о богатырях и добрых молодцах, в боевых традициях, передаваемых от поколения к поколению. Считается, что в отечественной литературе впервые о ратном искусстве славян упоминается в «Слове о полку Игореве».

представ

Богатырский скак. Фрагмент. Художник В.М. Васнецов

Древнерусское воинское дело развивалось из воинских искусств праславянских племен. Большой интерес представляет военное дело славян – антов, венедов и склавен в начале нашей эры, когда они, переходя реку Дунай, определявшую северо-восточную границу Рима, завоевывали города на Балканском полуострове, зачастую побеждая хорошо вооруженные войска империи. Имя «анты», которое тогда носили племена юго-восточного славянства, родственно, по-видимому, тюркскому «аньда», обозначающему побратимство, что характеризует положение славянских племен и воинов в войске гуннов и аваров.

Битва Игоря Святославича с половцами. Гравюра XX в.

Более подробные сведения о войнах славянских племен относятся к VI – VIII вв., когда славяне вели борьбу с Восточной Римской империей.

В 517 г. крупные силы славян со значительной конницей вторглись в пределы Восточной Римской империи. К началу VII в. многие славянские племена прочно обосновались на Балканском полуострове. В этот период отмечается ряд морских походов славян. Так, в 610 г. славяне с моря и с суши осадили Солунь. В 623 г. славянская флотилия появилась у берегов острова Крит и успешно высадила там свои войска.

В руках славян оказался почти весь Балканский полуостров, и к XVI веку они составили значительную часть населения Греции. Летописцы тех лет отмечали их военное мастерство, умение использовать в своих интересах особенности местности, смелость и воинскую изобретательность.

Византийские монархи содержали отряды гвардии из русо-славян. В 960 – 961 гг. полководец Византии Никифор Фока, возглавлявший отборную армию, которая высадилась на Крит и разгромила главную опорную базу арабских пиратов, в качестве главной причины успеха называет «хорошо обученных к войне росов и тавроскифов».

Луций Корнелий Тацит свидетельствовал о похожести военного дела венедов и германцев, наличии обыденной и мобильной щитоносной пехоты. Конница, как у германцев и скандинавов в то время, использовалась, скорее, в качестве транспортного, а не боевого средства.

Тацит свидетельствует о том, что венеды «носят щиты и продвигаются пешком, и притом с большой быстротой». Отсюда следует, что главную силу в военных столкновениях венедов составляли пешие дружины, вооруженные щитами и копьями. Очевидно, основными тактическими приемами были внезапность нападения, быстрота передвижения.

Славяне-анты были первоклассными воинами, о чем свидетельствуют их многочисленные и успешные набеги на Византию. О подвижности и приспособляемости антов византийский исследователь Йордан пишет: «Они селятся в лесах, у неудобнопроходимых рек, болот и озер, устраивая в своих жилищах много выходов вследствие случающихся с ними, что естественно, опасностей». Он же отмечает, что славяне и анты «... выносливы, легко переносят жар, холод, дождь, наготу, недостаток в пище».

Луций Корнелий Тацит – знаменитый римский историк

В VI в. император Маврикий Стратег писал: «Их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране. Они многочисленны, выносливы, легко переносят жар, холод, дождь, наготу, недостаток в пище... Племена славян... любят свободу и не склонны ни к рабству, ни к повиновению, храбры, в особенности в своей земле, выносливы... юноши их очень искусно владеют оружием».

По свидетельству Прокопия, склавины и анты отличались очень высоким ростом и огромной силой. «Цвет кожи и волос у них не очень белый или золотистый и не совсем черный, но все же они темно-красные». Он же свидетельствует, что анты часто меняли место жительства и не признавали над собой власти ни иноземцев, ни соплеменников и лишь на время обороны или совместных военных походов объединялись под властью одного вождя.

В основе организации славянского войска лежало общественное устройство – деление на родовые и племенные отряды. Родовые и племенные вожди поддерживали в войске необходимую военную дисциплину. Племенные и родовые связи обеспечивали сплоченность воинов в бою. Можно сказать, что общественное устройство славян в VI в. представляло собой военную демократию, власть в которой принадлежала совету старейшин, собранию племени (вече) или собранию племен, в военные времена – князю-военачальнику.

Маврикий отмечает, что у славян существовала межплеменная рознь. «Не имея над собою главы, – писал он, – они враждуют друг с другом; так как между ними нет единомыслия, то они не собираются вместе, а если и соберутся, то не приходят к единому решению, так как никто не хочет уступить другому». Для борьбы со славянами Маврикий рекомендовал пользоваться их межплеменной рознью, натравливать одни племена на другие и этим самым ослаблять их, что и делали в

дальнейшем многие недруги славяно-русов.

Арабский писатель Абу-Обейд-Аль-Бекри в своих трудах отмечает, что, если бы славяне, этот могущественный и страшный народ, не были разделены на множество поколений и родов, никто в мире не мог бы им противостоять.

Прокопий писал, что воины славянского племени «привыкли прятаться даже за маленькими камнями или за первым встречным кустом и ловить неприятелей. Это они не раз проделывали у реки Истр. Во время осады города гот Велитарий вызвал воина славянина и приказал ему добыть пленного. И вот этот славянин, ранним утром пробравшись очень близко к стенам, прикрывшись хворостом и свернувшись в клубочек, спрятался в траве...». Когда подошел к этому месту гот, славянин внезапно схватил его, обезоружил и принес живым в лагерь.

В Восточной Римской империи при Юстиниане на службе находились конные славянские отряды, в частности, у Велитария в коннице служили славяне. Командиром конницы был ант Доброгост.

Отсутствуют лишь данные о характере боевого порядка славян, самый же факт построения для боя древние авторы отмечают неоднократно. Иоанн Эфесский замечал, что славяне «научились вести войну лучше, чем римляне».

Византийцы (IV в.) подчеркивают коренное различие между военным строем римлян и воинским искусством славян, у которых каждый мужчина был воин. Естественное деление среди этого вооруженного народа было возрастное, т.е. по степени овладения воинским искусством. Деление это дожило и до времен Киевской Руси, когда существовали передняя (отцовская) старшая дружина и дружина молодшая.

реши

Велитарий в битве с готами. Гравюра XIX в.

Уступая Риму и Византии в вооружении и строевом умении, славяне превосходили их в мастерстве маневра, использовании условий местности, в гибкости тактики, в оперативной разведке, в засадах и внезапных нападениях, в непредсказуемости – во всем том, что обозначалось термином «скифская», а позднее – «партизанская» война.

Славяне с одинаковым успехом воевали с пешим войском империи и с конницей, научились брать самые неприступные крепости, применяя разного рода военные хитрости.

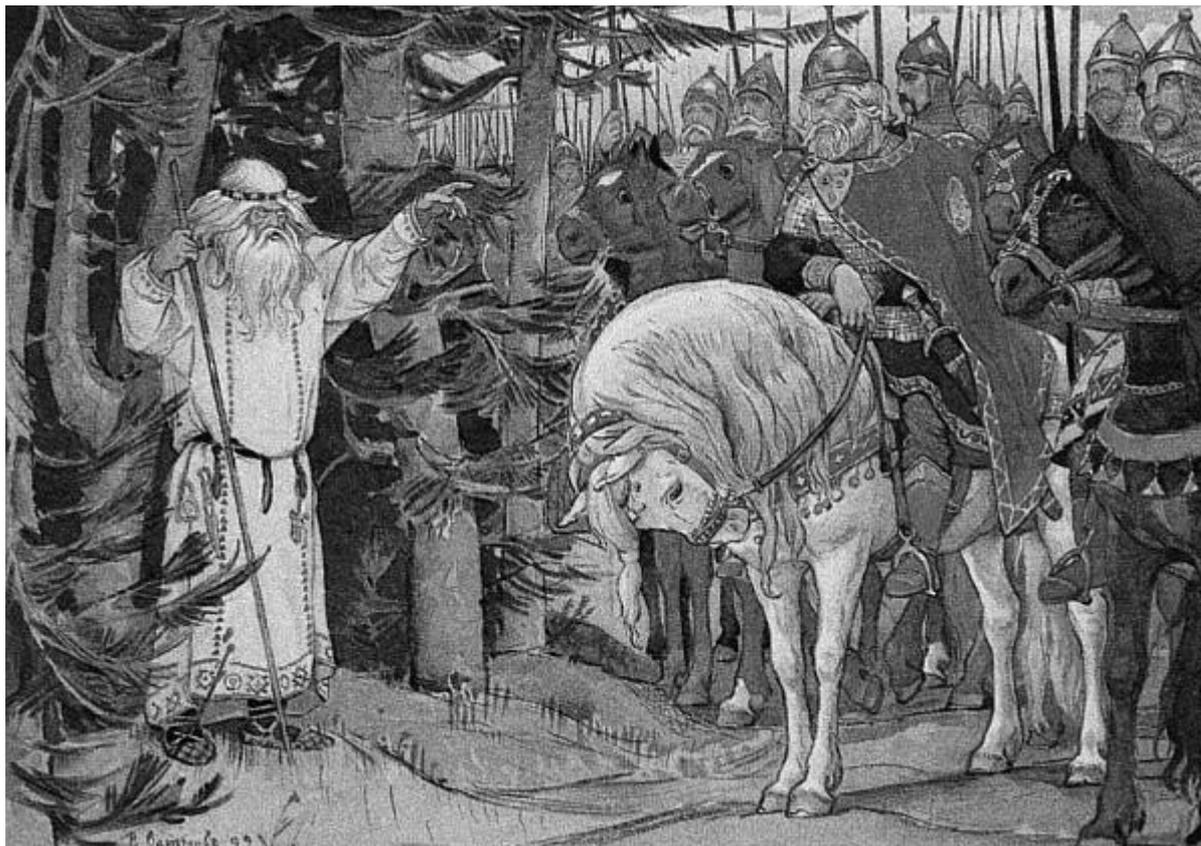
Славянское войско в случае необходимости умело хорошо защищаться. Один из способов защиты с помощью передвижного боевого лагеря – «табора» описывает Феофилакт Симокатта в своей «Истории»: «Так как... столкновение было неизбежным, то они (славяне), составив повозки, устроили из них как бы укрепление лагеря и в середину этого лагеря поместили женщин и детей. Когда римляне приблизились... то не решились вступить в рукопашный бой; они боялись копий, которые бросали варвары в их коней с высоты этого укрепления».

Славяне вполне осознавали свою военную силу в Европе, ибо только в таком случае могло родиться послание славянских старейшин в ответ на требование аваров покориться, дошедшее к нам из «Истории» Менандра: «Родился ли на свете и согревается ли лучами солнца тот человек, который бы подчинил себе силу нашу? Не другие нашу землю, а мы чужую привыкли владеть, и в этом мы уверены, пока будут на свете война и мечи». Недаром император Маврикий рекомендовал византийской армии широко пользоваться славянскими методами ведения войны.

Тактика древних славян заключалась не в изобретении форм построения боевых порядков, чему придавали исключительное значение римляне и византийцы, а в многообразии приемов нападения на врага как при наступлении, так и при обороне, в использовании боевого опыта кочевых и других оседлых народов.

Можно говорить о периодах преобладания воинского настроя в племенах славян, чередующихся с мирным устроением жизни (когда не было прямой угрозы существованию и всеми делами в племени заправляли жрецы-волхвы, а ранее – женщины в эпоху матриархата). В пользу преобладания власти волхвов говорит почти полное отсутствие военной активности восточных и северных славян в VIII в. О господстве «колдунов» в эту эпоху свидетельствует характер культа славян, по данным арабских источников, «они поклоняются быкам» (Гардизи) – т.е. животным, символизирующим жреческую, земледельческую культуру.

Невыраженность признаков военной культуры (отсутствие погребений с оружием, малое число оборонительных сооружений, отсутствие ключевого для славянских воинов змеборческого мотива в находках той эпохи) свидетельствует, что прикарпатские славяне в VIII – начале IX вв. находились под властью волхвов, а «воины» занимали второстепенное положение. Последующая воинственная культура Руси изобилует оружием в погребениях и змеборческими сюжетами.

Песнь о вещем Олеге. Художник В.М. Васнецов

Чередование мирных и военных этапов развития славян можно выразить следующим образом: «колдовской» – «венетско-антско-склавинский» – до VI в., «воинский» – «общеславянский» – VI – 1 я пол. VII в., «колдовской» – «северославянский» – 2 я пол. VII – 1 я пол. IX в., «воинский» – «восточнославянский» – со 2 я пол. IX в.

Это чередование «мирных» и «воинственных» периодов в развитии восточных славян внесло большую сумятицу в рассуждения историков, большинство из которых (норманнская школа) говорят об отсутствии военных умений у славян, другие же – древние историки греков, арабов, римлян

и византийцев – о больших воинских успехах у тех же славян.

Доблесть и мужество воинов славяно-русов знали многие народы, и опыт боев у русских воинов был огромен. Владимир Мономах в «Поучении детям» писал, что в свою жизнь он совершил 83 дальних похода, не говоря уже о ближних. В ходе этих походов он взял в плен и отпустил на волю более 100 лучших половецких князей, а более 200 казнил (в том числе – утопил в реках).

Военная активность славянских племен в первых веках новой эры объясняется переходом от первобытного к классовому обществу, названному периодом военной демократии. Важную роль начинает играть дружина, в которую входило, по существу, все взрослое мужское население той или иной общины. Б.А. Рыбаков говорит о специфической «дружинной культуре» применительно к этому времени.

В одном из лучших отечественных исторических романов, «Русь изначальная» Валентина Иванова, хорошо показана эпоха «военной демократии», возникшая во время разрушения родовой общины. Этот процесс был растянут на 500 лет и послужил смешению праславянских племен не только в рамках отдельных племенных союзов, но и населения Восточной и Центральной Европы в целом.

Смерть Владимира Мономаха. Гравюра XIX в.

В дружину мог вступить всякий мужчина, способный владеть оружием. Славянские дружины, но выражению Маврикия, славились «непобедимым мужеством» и «несметным множеством», костяк ее, несомненно, составляли профессиональные воины во главе с князем или воеводой. Каждый дружинник был в состоянии в силу своей военной подготовки возглавить значительные формирования из населения. Таким образом, уже тогда были заложены традиции подготовки народного ополчения.

Князь Святослав ведет дружину в Адрианополь в 970 г. Гравюра XIX в.

Издревле начали складываться традиции, связанные с открытостью и осознанием чувства собственного достоинства. Например, во время своих походов двадцатилетний князь Святослав Игоревич, не таясь, предупреждал своих врагов: «Иду на вы».

На первом этапе образования Древнерусского государства (VIII – середина IX вв.) происходило складывание межплеменных союзов и их центров, которые упоминаются у восточных авторов.

На втором этапе (2 я пол. IX – середина X вв.) процесс складывания государства ускорился во многом благодаря активному вмешательству внешних сил – хазар и норманнов (варягов). ПВЛ сообщает о набегах воинственных обитателей Северной Европы, вынудивших ильменских словен, кривичей и финноугорские племена чуди и веси платить дань. На Юге хазары собирали дань с полян, северян, радимичей и вятичей.

Становление Древнерусского государства IX – XI вв. сопровождалось возникновением постоянных вооруженных сил в виде дружинного сословия: бояр, мужей, гридней, гостей и военнообязанного земледельческого сословия – кметей («А мои куряне – сведоми кмети...»), связанных воинскими обрядами – подстригом и подстягом, – обязательными для всех мужчин, воинов и защитников Руси.

Уже после образования Киевского государства княжеская дружина выполняла двойную роль: с одной стороны, она была носителем принципа государственности, с другой – сохраняла традиции племенной демократии. Дружинники воспринимали себя не подданными, а соратниками и советниками князя. Владимир «думал» с дружиной «о строем земленем и о ратех», т.е. о делах госу-

дарственных и военных, вынужден был считаться с ее мнением. Так, летописец приводит случай, когда дружина высказала свое недовольство скупостью Владимира, выставившего во время пира деревянную посуду. Князь, посчитав, что потеря уважения у дружины стоит дороже золота и серебра, удовлетворил ее требование.

Наиболее авторитетные, старшие дружинники, составлявшие постоянный совет («думу») князя, назывались боярами (обладающими большой яростью – отвагой). В дальнейшем звание «боярин» стало родовым. Младшие дружинники – рядовые воины – именовались «отроки» и «гриди».

После принятия христианства и укрепления государственности древние родовые традиции постепенно ушли в прошлое, но дольше всего они сохранялись на севере Руси (Великий Новгород).

Постепенно были уничтожены многие носители языческой (ведической) воинской традиции, но основы выучки и воинский дух остались, изменяясь и обогащаясь идеями православия. Русь была посредницей между Западом и Востоком и поэтому выбирала наиболее эффективную тактику близких и дальних стран.

Славяне эпохи родоплеменного строя сражались, в основном, пешими. Лишь раннефеодальное государство выдвинуло конницу, которая повсюду в Европе с течением времени станет решающей силой. Славяне были народом преимущественно земледельческим и более склонным к пешему бою, хотя участие в походах совместно со степными скифами, сарматами, аланами и пр. степными народами заставило славян усесться на коней. В целом же выделение регулярной конницы произошло в IX в. – в первый период существования организованного войска. Причем первоначально конь (наряду с ладьей) использовался, в основном, как средство передвижения до места сражения, биться же славяне, как и другие европейские народы в то время, предпочитали пешими.

Ледовое побоище. Лицевой летописный свод

Во второй половине X в. русские дружины все сильнее испытывают натиск степных кочевников. Все эти обстоятельства способствуют выдвиганию конницы, вооруженной копьями, саблями,

мечами, чеканами, луками. Вместе с тем уменьшается значение пехоты.

Яркими свидетельствами военных успехов русских воинов явились победы над западными захватчиками на Чудском озере и над восточными – на Куликовом поле.

Ледовое побоище произошло на льду Чудского озера в 1242 г. В этом бою новгородские полки под предводительством князя Александра Невского разбили наголову немецких рыцарей. Ледовое побоище известно в истории русского военного искусства как образец быстрых и правильных с военной точки зрения решений, принятых военачальником Александром Невским, а также – умелых действий отдельных отрядов: массы лучников, забрасывавших неприятеля тучей стрел, тяжелооруженных отборных воинов с копьями, мечами и щитами, составлявших центр русского построения, и, наконец, конных отрядов, нападавших на фланги неприятельских групп.

Куликовская битва в 1380 г. является главным боем русского народа за освобождение от монголо-татарского ига. Здесь впервые соединились полки различных русских областей и уделов под предводительством великого князя московского Дмитрия Иоанновича, прозванного за эту битву Донским.

Утро на Куликовом поле. Художник А.П. Бубнов

Куликовская битва памятна русским людям, с одной стороны, как блестящий пример единения разрозненных в то время русских областей с целью поражения врага, вторгшегося в родную землю, а с другой – искусством военачальников, сохранивших дух и резервы в самый важный момент боя, и, самое главное, именно Куликовское сражение явилось отправной точкой для единения русских людей и для возникновения централизованной Московской Руси, а в дальнейшем – России.

Мечта о прочном мире, устремленность к нему характерны для русской традиции. В «Слове о полку Игореве» четко и ясно говорится, что честно – сражаться за Родину и приносить себя в жертву, когда выхода не остается, а бесчестно – предавать и поворачивать оружие против своих братьев:

*Загородите поля ворота своими острыми стрелами
За землю Русскую, за раны Игоревы,
Буйного Святославовича!*

ДРЕВНЕЙШИЕ УКРЕПЛЕНИЯ, ГОРОДА, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

*Укрепиться и терпеть...
Библия*

*Из края в край, из града в град
Могучий вихрь людей метет,
И рад ли ты, или не рад,
Не спросит он... Вперед, вперед!*
Ф. Тютчев

На территории современной России, Украины и Белоруссии древнейшие укрепления появляются со времен незапамятных, хотя в далекие времена люди больше надеялись на рельеф местности и поселения свои располагали в труднодоступных для нападения местах: на крутых холмах, на обрывистых берегах, на островах посреди рек, озер, болот.

Останки жилища из костей мамонта. Костенки

Когда-то универсальными защитными укреплениями, дающими «крышу над головой», служили естественные, а потом и искусственные пещеры. Но род людской разрастался, и пещер стало не хватать. К тому же людям в поисках пищи приходилось перемещаться все дальше от своих крепостей. Это привело к строительству простейших домов – землянок с насыпными крышами. Жилища одного рода строились рядом и обносились примитивной изгородью для защиты от диких зверей и врагов. Далее появились наземные дома, а в болотистых местах и на озерах – дома на сваях.

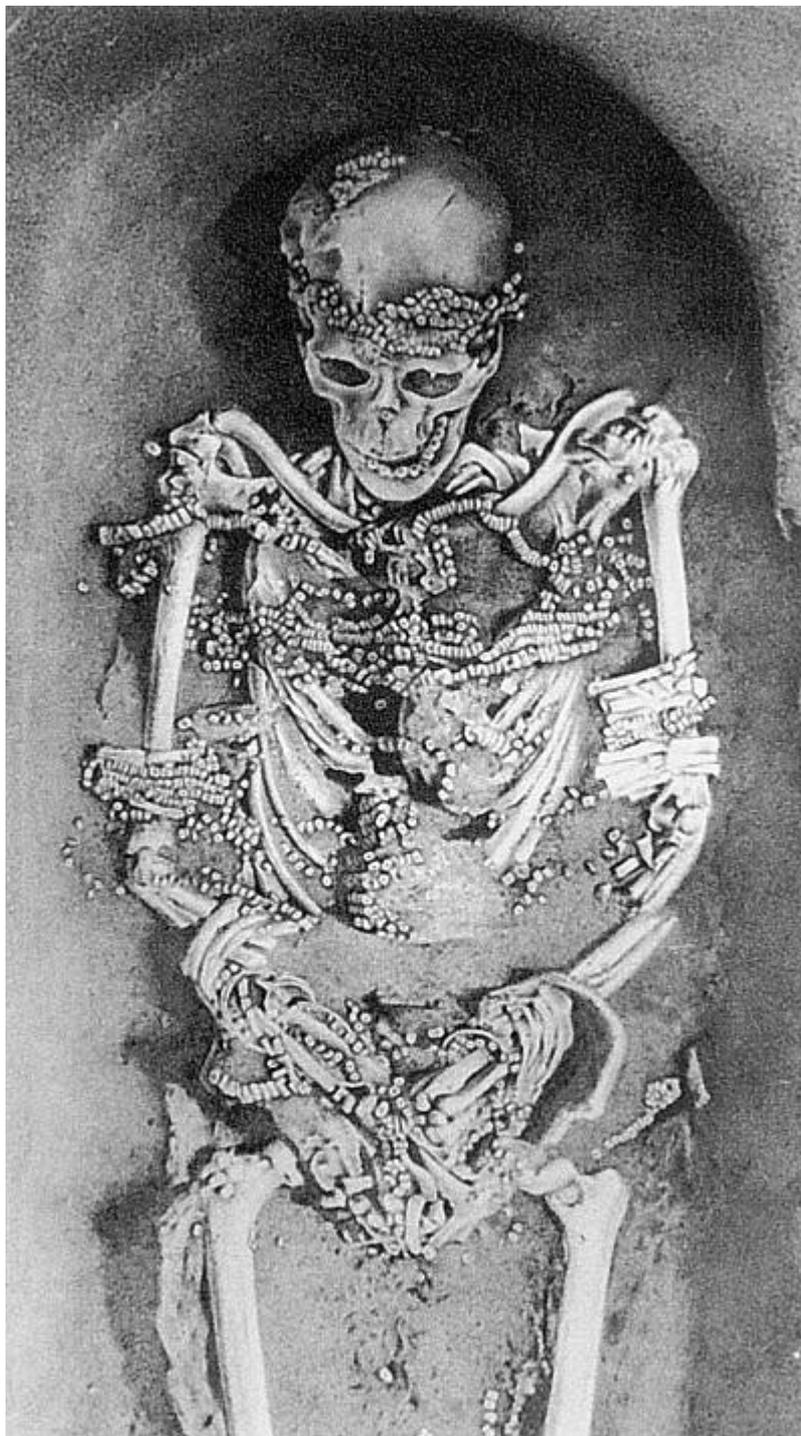
В глубокой древности все члены рода во главе со старейшиной – жрецом и вождем – жили в одном большом доме, который служил и жилищем, и складом, и хлевом, и мастерской. Площадь таких родовых домов была иногда велика – около 500 квадратных метров. Эти родовые поселения еще назывались «печище» (в центре дома было место единого для всех очага) и «вервь» (все члены рода сплетены единой связью). Подобный тип родового поселения, называемый «одадем» (патриархальная домовая община, большая семья, недвижимая собственность которой – общий длинный дом и хуторское хозяйство – передавалась по наследству), мы можем видеть и у наших близких индоевропейских родственников – древних скандинавов.

Жилище древних скандинавов. Реконструкция

Древнейшие поселения наших разумных и умелых предков археологи нашли в с. Костенки Воронежской области (возраст – около 40 тысяч лет), где дома строились в том числе из костей мамонтов; Сунгирь Владимирской области (возраст – около 30 тысяч лет); трипольская археологическая культура, возникшая около 4 тысяч лет до н.э. на территории Приднестровья, современной Молдавии и Румынии; на Южном Урале («Страна городов» Аркаим – около 4 – 5 тысяч лет назад)

...

Захоронение мужчины. Сунгирь

Древнейшие укрепленные поселения на территории будущей Руси несли общие черты: схожесть рабочих материалов (земля, дерево), что обуславливало недолговечность и отсутствие монументальных руин; нахождение во всех перечисленных ниже местах захоронений людей – кроманьонцев с европеоидными чертами, что говорило об их этническом родстве.

Археологические исследования показывают, что жизнь славянских племен протекала очень неравномерно, поэтому приходилось строить и укрепленные города, делать засеки, создавать валы, и только в недолгие мирные времена под защитой племенных союзов – протогосударств – селились они относительно безмятежно.

Далее мы кратко рассмотрим наиболее значимые укрепления, города и ранние государства древнейшей Руси.

ТРИПОЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА

В связи с переменной климата, миграцией животных и появлением навыков начального зем-

леделия центр развития древнейших предков славяно-русов передвигается с территорий современной Центральной России (комплекс стоянок-поселений Костенки, Сунгирь и др.) на юг (Причерноморье), юго-запад (Карпаты) и юго-восток (Южный Урал и далее). «Мы пришли из края зеленого. А до этого были отцы наши на берегах моря у Ра-реки. Так род славен ушел в земли, где Солнце спит в ночи», – так повествует «Велесова книга». Ра – древнее название реки Волги. Из зеленого края, находящегося где-то около Волги, предки древних славян-русичей шли на запад вслед за Солнцем.

Многие исследователи считают, что прародиной индоевропейцев могли быть русские равнины и украинские степи, где и возникла трипольская культура, история которой делится на несколько периодов. Ранний (4000 – 3600 гг. до н.э.) этап трипольской культуры на Правобережье Днепра и в Молдове (в Румынии называется культурой Кукутени). В это время возникают раннетрипольские небольшие поселки, такие, как Лука-Врублевецкая на Днестре, Гайворон и Сабатиновка на Южном Буге. Характерны землянки и дома с глиняными стенами, углубленными в землю. Однако уже тогда строились круговые «улицы», характерные для солнечных культов.

Керамика. Трипольская культура

Средний этап (3600 – 3150 гг. до н.э.) трипольской культуры. Возникают укрупненные поселения, появляются большие протогорода, укрепленные валами и рвами от четырех до десятка гектаров. Строятся даже 2 – 3-этажные дома. Найдены мастерские по обработке кремня, увеличивается количество медных орудий. Для многих трипольских протогородов характерно наличие улиц и тротуаров. В центре находилась большая площадь, окруженная обычно тремя улицами (причем внешний ряд домов соприкасался и образовывал подобие крепостной стены) и менее регулярными застройками; строения были каркасные, в основном, деревянные.

На территории Украины помещаются трипольские поселения: Тальянки, Небеловка, Майдаецкое, Доброводы, Вильховец. Это наибольшие города (протогорода) тогдашнего мира. Они воз-

никли за 500 – 1000 лет до возникновения шумерских и египетских городов, более чем за 1,5 тыс. лет до Вавилона.

Поздний этап (3150 – 2350 г. до н.э.) культуры трипольцев характеризуется упадком и исчезновением ее. Крупные поселения забрасываются и пустеют, происходит переселение трипольцев. К 2200 г. до н.э. трипольская культура исчезает полностью.

Основными причинами упадка трипольской цивилизации были, вероятно: изменение климата, который стал более засушливым и суровым; падение плодородия постоянно обрабатываемой земли; переход трипольского общества к скотоводству с необходимостью кочевать в поисках корма.

Трипольцы перешли постепенно к скотоводству и патриархальному строю с властью мужчин-воинов, с превращением в ямную культуру и культуру «шнуровой» керамики и каменных топоров, которые представляли основную группу праиндоевропейского сообщества.

Есть гипотезы, что индоевропейцы-трипольцы создали древнейшее на Земле государство – «Священную страну земледельцев Арату». Из ее многочисленных святилищ выделяется Каменная Могила – уникальное, подобное пчелиным сотам, геологическое образование: холм из песчаных плит, образующих бесчисленные пещерки, гроты, навесы. На протяжении тысячелетий до новой эры они были едва ли ни сплошь покрыты рисунками и символами, напоминающими письменность.

Каменная Могила – уникальное геологическое образование

Из символов следует, что существовали ритуальные жертвоприношения не только животных и пленных, но и воинов. Подобные обычаи бытовали затем у скифов и галлов; их пережитки обнаруживаются в средневековых надмогильных тризнах и рыцарских турнирах.

Подвижная скотоводческая экономика, распространение колесного транспорта, тягловых животных (быка и коня) и всадничества, переход власти в руки мужского населения (патриархат) – все это создало возможность расселения на гигантской территории, от Среднего Дуная до Алтая.

АРКАИМ – СТРАНА ГОРОДОВ

На Южном Урале известны мастерские и кремнедобывающие выработки в неолитическое время (V – начало III тысячелетия до н.э.), к которым относятся мастерские по обработке камня: Усть-Юрюзанская, Синташта-20, Синташта-21, Карагайлы-1 и многие другие. Работали в этих ма-

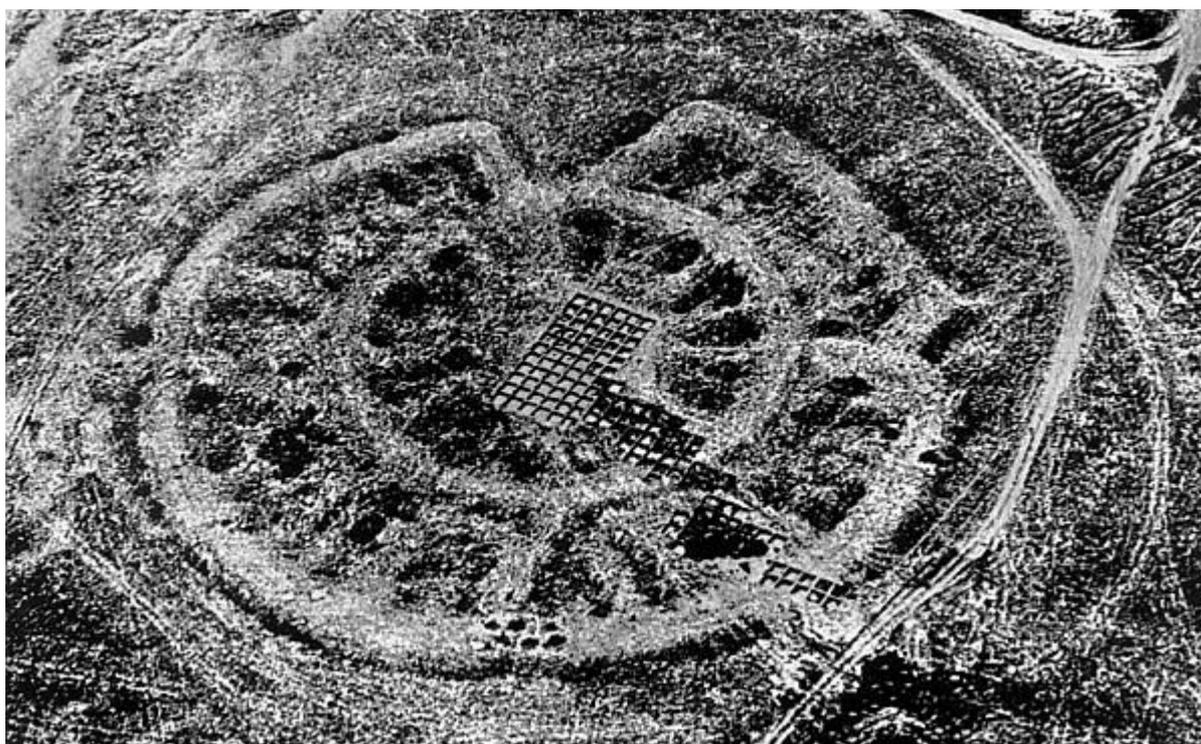
стерских предки индоевропейцев (прарусы-бореалы) по соседству с иными племенами, о чем свидетельствуют захоронения и предметы культуры и быта. Далее в этих же местах возникают металлургические районы по обработке металлов, связанные со многими районами Евразии.

В 1987 г. на Южном Урале, где пролегают легендарные Рифейские горы, были найдены древние протогорода и селения. Чаще всего они занимают возвышенные площадки террас по берегам рек – притоков Урала и Тобола в их верхних течениях. К началу XXI в. их открыли более 20, что дало возможность говорить о «Стране городов», которая обладает протяженностью 350 – 400 км в направлении север-юг и 120 – 150 км в направлении запад-восток и имеет возраст от 3 тысяч лет до н.э.

Работая с материалом археологических раскопок крупных укрепленных поселений, ученые отмечают в них ряд признаков, характеризующих ранний город. Поэтому, по мнению специалистов, при характеристике археологических памятников «Страны городов» можно с уверенностью применять термины «ранняя государственность», «протогород» индоарийского, протославянского, древнего прарусского мира того периода исторического времени. Очевидно, что не все укрепленные поселения этого периода открыты и раскопаны, некоторые навсегда погибли для науки, так и не дождавшись археологов, другие ждут своего часа.

Скорее всего, «Страна городов» возникла именно здесь из-за доступных и добротных медных руд. И крепости были поставлены для защиты металлодобытчиков и ремесленников. По соседству со знаменитой ныне Магниткой действовали рудники и комбинаты бронзового века. Местный металл и орудия шли на «экспорт» далеко за пределы Южноуралья.

Главное поселение этой «Страны городов» – Аркаим – являлся не только городом, но еще и храмом со священным огнем на центральной площади! Здесь жили и вершили обряды жрецы, сюда собирались на священные празднества соплеменники со всей округи.

Аркаим. Съемка из космоса

Крупные укрепленные поселки сходны с трипольскими поселениями, а также со среднеазиатскими и ближневосточными крепостями, что может говорить о преемственности индоевропейской культуры, о приходе на территорию «Страны городов», где уже жило бореальное индоевропейское население, металлодобытчиков-индоевропейцев из других областей, о взаимовлиянии и о загадочном переселении этой культуры в другие места.

Расстояние между укрепленными поселениями составляло 50 – 70 км, что позволяло видеть световые сигналы с помощью костров и дыма и приходиться на помощь друг другу в течение суток.

Каждому укрепленному протогороду соответствовали «земельные округа», радиусы которых достигали 30 км. В этих пределах располагались сезонные стоянки скотоводов, рыболовов, неу-

крепленные поселки, где разводили скотину, сеяли злаки, медные рудники. Найдены даже следы орошения посевных земель.

Общая площадь укрепленного поселения Аркаим с «пригородными постройками и службами» – 20 000 кв.м. Центральное поселение включало десятки жилых помещений-полуземлянок с очагами, погребями, колодцами и металлургическими горнами. Окружал его 2 метровый обводной ров, заполнявшийся водой. Массивная внешняя стена имеет вид двух, вписанных друг в друга колец земляных валов. Внутри внешней стены было множество ходов. При раскопках было видно, что кирпичи, которыми облицовывали внешние стены, имели разный цвет, что придавало округлому городу, закрытому со всех сторон, кроме дыры на месте центральной площади для ритуального костра, и похожему на черепаху, особо красивый вид.

В городе было два входа, которые через лабиринт вели на кольцевую улицу, шириной около 5 метров, отделявшую примыкающие к внешней стене жилища от внутреннего кольца стен. Чтобы подойти к маленькому входу во внутреннее кольцо, нужно было пройти по всей длине кольцевой улицы. Это преследовало не только оборонительную цель, но и имело скрытый смысл. Входящему в город нужно было пройти путь, который проходит солнце.

Центральная площадь имела прямоугольную форму (25×27 метров) и предназначалась, очевидно, для ритуальных действий и общих собраний.

Каждое жилище имело трапециевидную форму и было ориентировано к центру поселка. Здесь расположены колодец, погреб, очаг, совмещенный с металлургической печью. Жилища цитадели обращены выходами к центру поселения. По всей видимости, в хорошо защищенном внутреннем круге находились люди избранные: вожди, жрецы, воины и особые умельцы.

Улица имела бревенчатый настил, под которым по всей ее длине была вырыта 2 метровая канава, сообщающаяся с внешним обводным рвом. Таким образом, город имел ливневую канализацию – излишки воды, просачиваясь сквозь бревенчатую мостовую, попадали в канаву и затем во внешний обводной ров.

Фрагмент стены. Аркаим. Реконструкция

По крышам жилищ можно было передвигаться, т.е. там проходила еще одна улица.

Центрический план Аркаима с идеей круговой обороны мог возникнуть в среде скотоводов-кочевников и у казаков дожил до XIX в. – по кругу ставили жилые повозки, а в центре располагали

скот и женщин с детьми.

Археологический памятник под условным наименованием «Крепость Синташта», входящий в «Страну городов», стал всемирно известен благодаря находке остатков колесницы – самой древней на территории России и всей Европы, как и сама бревенчатая крепость. В синташтинских могильниках ученые обнаружили несколько захоронений колесничих, погребенных вместе с набором вооружения, включающим металлические, каменные и костяные стрелы, иногда бронзовое копье и каменную булаву.

С точки зрения археологической номенклатуры Аркаим – это район распространения памятников синташтинско-андроновской археологической культуры, которая является частью андроновской культуры Южного Урала, Зауралья, Западной Сибири, Казахстана (бронзовый век: II тыс. до н.э. – начало I тыс. до н.э.) и родственна афанасьевской культуре Ю. Сибири (Алтай, Минусинская котловина – энеолит: от середины III тыс. до начала II тыс. до н.э.).

Исходя из вышеизложенного, можно сделать выводы, что около пяти тысяч лет назад существовали единство культуры народов и близкий уровень развития народов на территории южнорусских и приуральских степей, Южного Урала и Сибири.

Аркаим, «Страна городов», безусловно, представляет индоевропейский пласт культуры. Однако с этим древнейшим пластом так или иначе связаны не только индоевропейские, но и многие современные тюркские и угорские народы, населявшие Евразию.

СЕВЕРНАЯ АРТАНИЯ

Сообщения европейских, арабских и других авторов указывают на то, что существовала Русь северо-западная, южнобалтийская – последний оплот североевропейского язычества. Эта Русь имела крупный центр, расположенный на острове Руяне (ныне – Рюген, север Германии), и другое ее название Аркона, по имени главного города – укрепления и крупного сакрального центра поморских славян.

Из сочинения Адама Бременского «Деяния священников Гамбургской церкви» (около 1016 г.): «Славяния – это очень обширная область теперешней Германии... Славянских народов существует много. Среди них наиболее западные – вагры... Три острова должны быть выделены среди тех островов, которые лежат обращенными к славянской земле... Один из (этих) островов зовется Фембре. Он лежит против области вагров, так что его можно видеть из Альдинбурга (Старогорода)... Другой остров (Руян) расположен напротив вильцев (Волин, лютичи). Им владеют ране – храбрейшее славянское племя. Без их решения не положено ничего предпринимать в общественных делах: так их боятся из-за их близких отношений с богами или, скорее, демонами, которым они поклоняются с большим почтением, чем прочие».

Мыс Аркона. Современный вид

Аркона обладала величественным храмом Святовита (Свентовита), который охраняли триста отборных воинов – рыкарей, господствовавших на Балтике. «На острове том живали люди-идолопоклонники, люты, жестоки к бою... таковы вельможны, сильны, храбрые воины бывали, не токмо против недругов своих отстаивались крепко, но и около острова многие грады под свою державу подвели... и всем окрестным государствам грозны и противны были. Язык у них был словенский да виндалской (венетский). Грамотного учения не искали, но и заповедь между собой учинили, чтобы грамоте, не токмо воинским делам прилежные охотники были...» (Герард Меркатор. Космография. XVI в.)

Гельмолд в «Славянских хрониках»: «Ране, у других называемые руанами, – это жестокие племена, обитающие в сердце моря и сверх меры преданные идолопоклонничеству. Они первенствуют среди всех славянских народов, имеют короля и знаменитое святилище. Поэтому благодаря особому почитанию этого святилища они пользуются наибольшим уважением и, на многих налагая иго, сами ничьего ига не испытывают, будучи недоступны, ибо в места их трудно добраться. Племена, которые они оружием себе подчиняют, они заставляют платить дань своему святилищу, жреца у них почитают больше, чем короля. Войско они направляют, куда покажет гадание, а одержав победу, золото и серебро относят в сокровищницу своего бога, остальное же делят между собой».

Сам этноним «руги» известен по крайней мере с конца I в.: именно в западной части южно-балтийского Поморья помещал Тацит некий народ ругиев...

Руины святилища на о. Рюген

В древности остров Рюген был больше, чем сейчас. Этот остров был упомянут впервые в 751 году в англосаксонской хронике Беды Достопочтенного под названием «Rugini».

Титул короля островных ругов «каган» вполне возможно относился к глубокой древности, когда индоевропейцы долгое время (вплоть до начала I тыс. до н.э.) доминировали в Центральной Азии.

Руги и русы – это одно и то же. Недаром княгиню Ольгу – княгиню русичей – германские хроники называют «регина ругорум».

В «Житии...» Оттона Бамбергского сказано, что «руги еще имеют имя русинов и страна их называлась Русиния (Рутения)».

Таким образом, руги – руяне – ране – рутены острова Рюген и южнобалтийского побережья в первую очередь претендуют на место Варяжской Руси.

В начале IX в. славяноязычные варяги и русы, вытесняемые из своих родных земель франками, начали переселяться на восток по побережью Балтийского моря. Нам они более всего известны как варяги-руссы – так их называет Повесть временных лет. А вот судьба варинов-варягов и русов-рутен, оставшихся в своих исконных прибалтийских землях, оказалась трагичной. Несколько столетий вместе с балтийскими славянами они противостояли вторжениям западноевропейских государств: Германии, Дании и других. Захватчиков активно поддерживала Польша, католические правители которой помогали уничтожить братьев по славянскому миру. К XIII в. самобытный мир балтийских славян, русов и варинов, которые известны нам под именем «варяги», был все-таки уничтожен. Почти полностью очищен от памятников древности священный славянский остров Руян (Буян).

В 1308 г. остров Рюген (Руйен) подвергся сильному землетрясению, в результате которого немалая его часть ушла под воду. Судя по всему, после землетрясения значительная часть жителей острова ушла в иные места, оставшиеся были ассимилированы германцами, и славянская речь здесь вскоре исчезла.

Рассмотрим динамику возникновения укрепленных поселений-городов на территории будущей Руси.

В V в. до н.э. на Среднем Днепре и по берегам Буга появились большие укрепленные скифские городища, в которых жили земледельцы, ремесленники и собственно скифы-кочевники, считающиеся главными в Скифии. Они располагались в большинстве случаев на берегах небольших притоков. Наиболее известными городищами являются Пастырское, занимающее площадь около 35 га, Немировское около Винницы, Григорьевское у Могилев-Подольского, Матронинское и Вельское.

На территории современной Центральной России известно Дьяково городище конца I тыс. до н.э. – начала I тыс., давшее название дьяковской культуре. Находится близ с. Дьякова Московской обл. (возле Коломенского, в черте Большой Москвы), на высоком (44 м) обрывистом мысе правого берега Москвы-реки. Со стороны поля укреплено валом в 2 м высотой и рвом.

Подобные древнейшие городища – Старшее Каширское, Калязинское и др. – относятся к середине I тыс. до н.э. Они возникли на грани эпохи бронзы и раннего железа, когда совершался переход от охотничье-рыболовецкого хозяйства к скотоводческо-земледельческому. Каждое городище представляло собой небольшой (площадью 1000 – 3000 кв.м) патриархальный поселок, группа соседних поселков составляла селения одного рода. На площади городищ располагались жилища-землянки, круглые или прямоугольные (размером около 4×7 кв. м). В городищах начала и середины I тыс. – Дьяковском, Берехняковском и др. – велась обработка металлов (железа, бронзы).

Большое количество укрепленных городищ на территории Волго-Окского бассейна в I тыс./до н.э. свидетельствовало о частых столкновениях между отдельными родами и племенами. С первых веков новой эры наряду с городищами возникают открытые поселения – селища, расположенные в местах, удобных для земледелия. В связи с этим можно предполагать, что в этот период создаются обширные объединения типа союзов племен, уменьшавшие возможность военных столкновений.

Церковь в селе Дьяково

На территории Руси западной (Псковской области) обнаружено не менее 400 укрепленных городищ раннего железного века (VIII в. до н.э. – V в.). Эти городища с валом, по которому прохо-

дила оборонительная стена, принадлежат днепродвинской культуре.

Наиболее древними укупленными сооружениями праславян являются также мысовые поселения зарубинецкой культуры начала нашей эры. Они расположены на высоких (до 100 м) речных или овражных мысах в труднодоступных местах. Только на берегах Днепра выявлено около 30 поселений такого типа. Зарубинецкие городища существовали в I в. до н.э. – I в. для защиты от кочевых племен сарматов.

Городище Килиненкова гора, одно из наиболее исследованных и известных в зарубинецкой культуре, имело площадь 15 тыс. кв.м. Оборонительный вал проходил по гребню вершины холма и сохранился до сих пор высотой 1 м при ширине 2,2 – 2,8 м. Склоны за валом были подрезаны на крутизну до 40 – 50 градусов. На вершине вала проходил древний частокол.

Славянские племена в VI в. вели оседлый образ жизни, что подтверждается характером их занятий и устройством поселений, которые обычно находились в лесах, болотах, посреди рек и озер. Это были городища, состоявшие из землянок со многими выходами, чтобы в случае нападения можно было скрыться через один из запасных ходов. Посреди рек и озер сооружались, по-видимому, свайные постройки. Таким образом, поселения славянских племен были надежно укрыты и труднодоступны, а поэтому отсутствовала надобность в строительстве больших оборонительных построек крепостного типа.

Большинство городищ прекратило свое существование в начале VII в. Причину их гибели, в частности, тех, которые расположены на территории Украины, можно видеть в событиях, связанных с поражением славян от кочевых племен аваров. Это тяжелое для славянской истории событие нашло свое отражение в летописи: «Си же обры воеваша на славъни и примучиша дульбы, сушая славъни и насилье творяху женам дулебским».

Власть аварского каганата над славянами была снята к середине VII в., когда авары потерпели ряд крупных поражений от византийцев и племен западных славян.

К VII – IX вв. родовые общины и поселения массово замещаются общинами «соседскими» и приобретают черты, характерные для старорусской северной деревни. В это же время вновь начинается бурный рост укрепленных пунктов («останцы» – на холмах и высоких берегах) и городов (от слов «городить», «ограда», «град»). Именно за эти многочисленные укрепления, расположенные в племенных центрах и на выгодных торговых местах, Русь в ту пору называли Гардарики – страной городов. Примером древнейшего торгового поселения может служить Ладога на реке Волхов, где испокон веков в соседстве жили славяне, финно-угорские племена и балты. Именно на Ладоге в VIII в. была построена первая каменная крепость Руси.

В эпоху образования Древнерусского государства в наиболее крупных городах, огражденных оградой (градом), стали возникать кремли (крепости внутри города), которые еще называли «детинцами».

Часть города за пределами городской стены называлась «посадом», где «садились» на жилье пришлый люд, ремесленники и купцы – все те, кто не принадлежал к проверенному коренному населению.

Кочевники представляли для Руси постоянную опасность. Для защиты ее южных границ Владимир Святославич усилил строительство городов-крепостей. «И рече Володимерь: “Се не добро, еже мало городовъ около Киева. И нача ставити города по Деснь, и по Востри, и по Трубежеви, и по Суль, и по Стугне. И поча нарубати мужь лучшиѣ отъ словень, и от кривичь, и от чюди, и от вятичь, и от сихъ насели грады: бѣ бо рать отъ печенъгъ, и бѣ воюяся с ними и одоля имъ”», – читаем в летописи. Этот рассказ свидетельствует о высоком уровне государственной организации Киевской Руси в X в. Из крепостей, построенных Владимиром для защиты Руси от печенегов, летопись упоминает Белгород на Ирпене, Василев (современный Васильков) на Стугне и Переяслав на Трубеже. Кроме них, было построено много других крепостей, от которых до нашего времени остались многочисленные городища.

Рюриковские укрепления. Старая Ладога. Фото начала XX в.

ЗМИЕВЫ ВАЛЫ

Змиевы валы – народное название древних оборонительных земляных сооружений, проходивших южнее Киева, по обоим берегам Днепра, вдоль его притоков. Остатки валов сохранились по рекам Рось, Вить, Красная, Стugna, Трубеж, Сула и др. Южнее Киева система земляных оборонных сооружений была общей протяженностью 950 км! Оборона была глубоко эшелонированной – валы образуют несколько параллельных линий, которые охватывают Киев гигантскими подковами и достигают местами нескольких десятков километров длины и до 10 м высоты.

Подобные сооружения известны также на Поднестровье – Траяновы валы, по имени древнеримского императора Марка Ульпия Траяна (98 – 117 гг.), во времена которого, очевидно, строительство валов достигло самого широкого размаха.

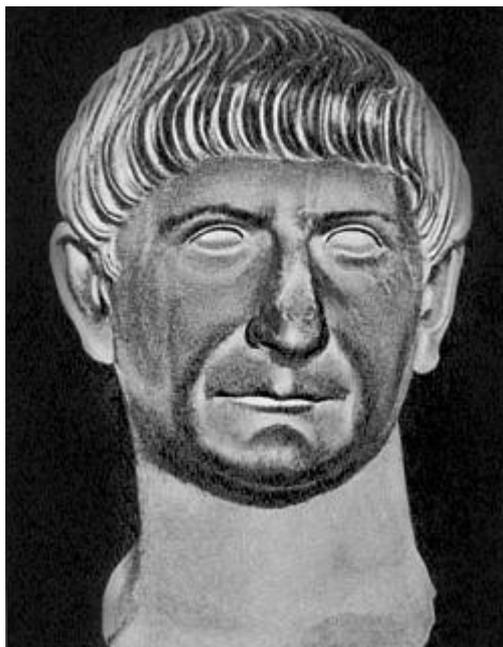
Еще в середине первого тысячелетия до нашей эры Геродот писал, что для защиты от скифов местное население выкопало широкий ров и построило вал от Таврийских гор до Меотийского моря. Вал получил название Киммерийского.

Змиевы валы строились не сразу, а на протяжении целого тысячелетия, конкретно со II в. до н.э. и по XI в., последовательно против сарматов, гуннов, аваров, половцев и постоянно продвигались в направлении Великой Степи.

Само название «Змиев вал» происходит от народных легенд о древнерусских богатырях, усмиривших Змия (аллегория образа грозных кочевников, зла и насилия, олицетворение кочевничей Степи, вспомним хотя бы Тугарина Змеевича).

Никита Кожемяка – герой народной сказки, записанной в нескольких вариантах в разных областях России, Украины и Белоруссии на сюжет змеборства. Змей, опрокинутый Никитой Кожемякой, молит его о пощаде и предлагает разделить с ним землю поровну. Никита сковал соху в 300

пудов, запряг в нее змея и провел борозду от Киева до моря; затем, деля море, он убил змея и утопил его труп, с тех пор та борозда называется Змиевыми валами.

Император Марк Ульпий Траян

Змиевы валы названы так и по своей характерной змеевидной конфигурации расположения на местности и, кроме оборонительного значения, могли являться следами древнейшего культа Великого Змия как символа плодородия и зарождения всего земного, впоследствии забытого. Очевидно, использовали труд тысяч пленных кочевников – отсюда и легенда о запряженном Змие.

Вид со Змиева вала

Часть валов были обновлены и сооружены в X – XI вв. в Киевском государстве при князе Владимире Святославиче и его преемниках для обороны от печенегов и половцев. Епископ Брунон, который направлялся через Киев в печенежскую замлю в 1008 году, написал в письме императору Генриху II, что валы, которые он проезжал, построил князь Владимир Святославич и являют-

ся очень мощным и очень длинным (*firmissima et longissima*) «ограждением» (*sepe*).

Оборонительные сооружения обычно строились между многочисленными реками, разрезающими степь. Укрепление представляло собой искусственно созданные земляные валы, дополнявшиеся рвами. Отдельные их участки состояли из нескольких укрепленных линий, представлявших в совокупности значительные по масштабам строительства и протяженности сооружения. Общая протяженность валов составляла около 1 тыс. км. Создавались они, как правило, фронтом на юг и юго-восток и образовывали единую систему противоконных заграждений, достигавших 10 – 12 м в высоту при ширине основания в 20 м. Для прочности валы усилены дубовыми бревнами. Поверху проходил деревянный частокол, а иногда стены с бойницами и сторожевыми вышками. По вершине вала устанавливали в несколько рядов так называемые рогатки – заостренные бревна, вкопанные с наклоном к внешней стороне вала. Расстояние между соседними рогатками не позволяло пролезть между ними. Протяженность отдельных валов составляла от 1 до 150 км. Параллельно были проложены глубокие рвы.

Археологами были обнаружены остатки городищ, дозорных пунктов позади линии валов, через каждые 6 – 8 км. При такой оборонительной системе на границе не нужно было держать большое войско. На самих валах достаточно было выставить дозоры, а по тревоге зажигать сигнальные костры. Встретив такой вал на пути, кочевники лишались основного своего преимущества – внезапности. Они были вынуждены останавливаться, заваливать рвы и карабкаться вместе с конями вверх, затем срубить все рогатки или частокол на ширину прохода лошади или повозки с добычей, перетащить в поводу всех лошадей в образовавшийся проход, теряя драгоценное время. За эти важные часы население могло спрятаться в городах или уйти в леса. В те времена степняки не умели вести осаду крепостей, значит, лишение их фактора внезапности было равно лишению основной силы.

Строительство Великой славянской стены было прекращено, когда юго-восточные границы Руси стали охранять дружественные и вассальные отряды кочевых народов: союза черных клобуков, половцев, а в дальнейшем казаков, а границы Руси были отодвинуты далеко на восток.

РАННЯЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И «ПРИЗВАНИЕ ВАРЯГОВ»

Арабский историк IX в. ибн Якуб говорит, что «некогда существовало единое славянское государство, которое затем распалось». В другом месте ибн Якуб сообщает про славян, что «они состоят из многочисленных разнообразных племен. И собрал их в былое время некоторый царь, титул которого – Маха (великий), и был он родом из одного из племен, которое называлось “вийнбаба” (венды – венеды)... потом же разделилась их речь, и прекратился их порядок, и племена их стали (отдельными), и воцарился в каждом их племени царь».

Еще задолго до «призвания» варягов на Руси были «княжения»: Полянское, Древлянское, Дреговичское, Словенское и объединение полоцких кривичей. Эти княжения, как выражается летописец, «творяше сами себе закон».

Можно утверждать, что государственное образование на севере России существовало уже с середины VIII в., то есть с самого момента прихода туда с запада словен (славян!), назвавшихся своим именем. Именно с этого времени данные археологии свидетельствуют о появлении в Приильменье так называемой культуры новгородских сопков. Новгородские словене обнаруживали большое сходство с западными группами славян, проживавших в районе Эльбы – Вислы. Центр этого словенского объединения-государства, как уже доказано, первоначально находился в Невограде (Старая Ладога), а Новгород, действительно «Новый город», был построен в конце IX – начале X вв.

На Киевской же земле уже в VII – VIII вв. могло сформироваться раннегосударственное объединение в рамках общего движения славянских племен «пражской керамики» на восток. Больше того, это движение встретило здесь, на юге, местный славяно-аланский субстрат, имевший еще более раннюю традицию государственности, восходящую еще к готскому, аланскому и антскому периодам (III – VI вв.).

В IV в. появляются косвенные подтверждения существования древнейшего восточнославянского государства в зарубежных источниках. По расчетам академика Б.А. Рыбакова, легендарный Кий княжил как раз на рубеже V – VI веков и встречался с византийским императором Анастасием (491 – 518 гг.) от имени Руси. В VI – VII вв. появляется держава волынян-дулебов. Известно и имя

волинского князя – Маждак. Правда, эта держава оказалась непрочной и пала под ударами аварского каганата.

Академик Б.А. Рыбаков на основании многих фактов утверждал, что варяги появились в Восточной Европе тогда, когда Киевское государство (возникшее, в основном, в VI в.) уже сложилось, и использовались они лишь как наемная военная сила. Этноним «Русь», по его мнению, является производным от названия реки Рось (правый приток Днепра южнее Киева).

Русь до ее объединения под властью князей варяжской династии представляла собой конфедерацию 14 княжений, выросших на землях бывших племен. Летопись свидетельствует, что в этих княжениях уже не было народовластия; в них правили князья, такие, как сохраненные преданием Кий, Щек и Хорив у полян и упоминаемые вполне доброкачественными источниками Мал – у древлян, Ходота – у вятичей... Знать отдельных княжений еще не составляла единого общерусского сословия, но подчас основывала союзы. Следы союзов земель южной и северной Руси остались и в летописном делении страны на «верховную» (с центром в Новгороде) и «низовую» (с центром в Киеве).

Прибытие Рюрика в Ладогу. Художник А.М. Васнецов

Русы-варяги, пришедшие путем «из варяг в греки», представляли славян с издревле преобладавшей в их среде кастой воинов, что позволило укрепить власть князей с их дружинами и создать Киевскую Русь.

Более всего путаницы в вопрос происхождения русов внесла немецкая академическая наука в России XVIII – XIX вв. В России немецкие ученые настойчиво проводили концепцию о германоязычии варягов, а поскольку такая концепция противоречила многим фактам, она вызывала противодействие как на научном, так и на идеологическом уровне.

Есть много данных, подтверждающих, что варяги в большинстве своем, как и сам Рюрик с братьями, были западными славянами и родственными им русами-поморами, проживающими по восточным и южным берегам Балтийского моря. Это объясняет ту легкость, с которой немногочисленная дружина варягов Рюрика так быстро объединила вокруг себя северную Русь, не оставив никаких следов чуждой славянам культуры и веры. Ведь, если бы варяги были «завоевателями-преобразователями», насаждая на Руси «государственность» и «культуру», то оставили бы хоть какие-то следы своего пребывания, хоть какой-то намек на скандинавскую мифологию или религию.

Кстати, из всех старых славянских богов варягам больше по душе был Перун. В культе Перуна они видели суровую воинственную веру в огненное преобразование, столь типичное для индоарийских народов. Христиане-варяги крайне почитали св. Илию Пророка – ветхозаветного громовержца, принявшего на себя часть функций грозного бога Перуна.

Русы-варяги помогали братьям-славянам отбивать атаки врагов. Так, при попытке захватить земли славян за рекой Эльбой и на Поморье во время крестового похода против славян 1147 г. именно руяне (жители острова Руян) разгромили большой флот датчан, перерезав морские коммуникации захватчиков. И в дальнейшем варяги доставляли большое беспокойство западным норманнам, не позволяя тем планомерно участвовать в натиске на Русь.

Синеус, Рюрик, Трувор (862 – 879). Художник В.П. Верещагин

С конца VIII в. под натиском германцев население с южного берега Балтики начинает переселяться на восток, в области будущей Северной Руси, полностью ассимилировавшись со славянами. «Русь варяжская» – один из компонентов создания северной Руси Новгородской, послужившей основой (через центральную – Московскую Русь) для возникновения Великороссии. Для южной Киевской Руси, наиболее пострадавшей в дальнейшем от иноземных завоеваний и внутренних распрей, гораздо большее значение имела Русь Дунайская (Ругиланд).

Много споров вызвала фигура Рюрика, которого объединение ильменских славян позвало на княжение в Новгород в 859 г. для завершения борьбы за верховенство в Новгороде, а также – для защиты от переселяющихся с Урала угро-финнов и ватаг воинственных скандинавов. Около 862 г. конунг Рюрик со своей дружиной прибывает в Новгород, где насаждает собственное единоначалие. Согласно летописи, Рюрик умер в 879 г., оставив сына – малолетнего Игоря. Власть же принял воевода по имени Хельги (Олег), которое переводится со скандинавского как «колдун», «вождь». Будущий Олег вещей с Игорем и дружиной двинулся по великому пути «из варяг в греки». В 882 г. варяги подошли к Киеву, где стояла небольшая дружина Аскольда, убили Аскольда и вождя славян Дира и захватили Киев, тем самым объединив Новгородскую и Киевскую Русь. Этот год стал годом основания Древнерусского Киевского государства.

Присяга войска Олега: христиане в соборной церкви (слева), язычники – идолу (справа). Радзивиловская летопись

В XIX в. французский путешественник К. Мармье посетил Мекленбург, который, как известно, в раннем Средневековье представлял собой центр западнославянского племенного союза ободритов. Там он записал свидетельства того, что Рюрик – сын ободритского (одно из племен славян) князя Годлава.

Интересно и само имя «Рюрик», имеющее общее происхождение с этнонимом «ререг». Дело в том, что ободриты назывались еще и «ререгами», т.е. «соколами». Изображение сокола служило в качестве их племенного знака. Так оно же служило и в качестве герба династии Рюриковичей, долгое время правившей нашей страной. Знаменитый трезубец Рюриковичей – это схематизированное изображение сокола.

Рюрик передает под опеку Олегу своего сына Игоря в 879 г. Радзивиловская летопись

К концу IX в. русы владели обширной территорией, простиравшейся от Ладожского озера к югу до Босфора и к востоку от Карпат до Волги. При Святославе, прямом наследнике Рюрика и первом из правителей Киева, принявшем славянское имя, русы подчинили себе хазар и племена

так называемых черных булгар в Поволжье.

Сын Святослава – Владимир – в 988 г., с целью укрепить свои отношения с Византией, принял христианство, расправился со старыми богами и крестил толпы своих подданных в Днепре.

Благодаря обращению в христианство Владимир получил в жены сестру византийского императора. В ответ Владимир направил в Константинополь 6 тысяч воинов-русов. Они составляли костяк гвардии варангов. Кстати, именно викинги-русы позволили отразить натиск викингов-норманнов, обогнувших Европу со стороны Атлантики.

Крещение киевлян. Художник К.В. Лебедев

Главные города Руси – Киев и Новгород – находились на так называемом пути из варяг в греки. По этому водному пути из Балтийского моря в Черное, а затем к городу Константинополю – торговому центру христианского мира – добирались в IX – XII столетиях торговцы из Северо-Западной Европы, что и определяло значение этого пути для Руси и Европы в целом.

Начиная с Рюрика и вплоть до сына Ивана Грозного – Федора, потомки варягов-русов правили самой крупной средневековой державой Европы – Русью.

После монгольского нашествия Киев потерял главенствующее значение. Из Киевской Руси и из других княжеств дееспособные люди уходили вверх по Днепру и оседали в верховьях Днепра, Десны, Волги, Москвы-реки, в итоге князем Юрием Долгоруким был основан город Москва в 1147 году. Сохранившая свои силы Северная Русь стала основой для возникновения Руси Центральной со столицей в Москве.

На основе молодого центрально-русского ядра, дееспособных переселенцев из Южной Руси и возможностей уцелевшей Руси Северной (Новгородской) выросла новая могучая Русь – Московская!

Основание Москвы Юрием Долгоруким. Художник А.М. Васнецов

ВЫВОДЫ

Из всего сказанного можно сделать вывод, что на территории возникновения и расселения славяно-русов с древнейших времен существовала достаточно высокая культура строительства оборонительных сооружений и городов, прерываемая на столетия нашествиями врагов. Нашествия эти, впрочем, не только отбрасывали восточных славян назад в культурном отношении, но и обогащали их возможностями пришельцев, что позволило славяно-русам накопить энергию для дальнейшего стремительного распространения по Евразии.

Сооружения оборонительных рубежей (Змиевы валы и многочисленные города) подобного размаха под силу только мощным государствам. Осуществление такого плана защиты от агрессивных кочевников на протяжении многих сотен лет возможно только для внутренне сильного государственного объединения с достаточно цельной национальной идеей!

Суровость климатических условий Восточной Европы, оторванность от центров античной цивилизации задерживали и замедляли процесс складывания государства. Оно формировалось в результате сложного взаимодействия внутренних и внешних факторов, что и позволило ему появиться, произрастая прежде всего на общинной основе в условиях практически непрерывной борьбы за свое существование.

ОРУЖИЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

*Я облачился перед битвой
В одежды черного слуги,
Вам не спасти себя молитвой,
Остервенелые враги!
Клинок мой дьяволом отточен
Вам на погибель, вам на зло!
Залог побед за мной упрочен*

РАННЕЕ ВООРУЖЕНИЕ

История отечественного оружия отражала в себе важнейшие этапы истории всей Руси.

Начнем с времен доисторических. На территории европейской части России культура боевых топоров представлена среднеднепровской и фатьяновской культурами (археологические условные культуры приблизительно XVIII в. до н.э.). Данные племена получили свои названия по местам их локализации (среднее течение р. Днепр) и по месту их первичного обнаружения (с. Фатьяново Ярославской обл.). Ко времени распространения фатьяновцев территория остальной Русской равнины была населена позднелеолитическими племенами белевской, волосовской, рязанской археологической культур, у которых не существовало ярко выраженного комплекса вооружения, археологически прослеживаются кремневые ножи, кремневые наконечники стрел и дротиков. Правда, уже тогда существовали каменные плиты с бороздками для обработки и центрирования стрел, что повышало дальность и точность их полета и говорило о достаточном развитии стрелкового оружия в некоторых местах. Об этом свидетельствуют и наскальные изображения стрелков из лука примерно III тыс. до н.э., найденные на Русском Севере. Отмечалось также наличие кремневых и каменных сверленых топоров, скорее всего, общего назначения.

Сами же фатьяновцы были вооружены каменными и медными топорами-молотами, дубинами, копьями с кремневыми и медными наконечниками, дротиками, луками и стрелами.

Наиболее распространенным видом оружия у древних славян до скифской эры были копье, дубина, простой лук и нож. Иоанн Эфесский пишет, что славяне «были (когда-то) людьми простыми, которые не осмеливались показаться из лесов и степей и не знали, что такое оружие, исключая двух или трех дротиков, а со временем научились вести войну лучше, чем римляне».

Фатьяновец. Антропологическая реконструкция

В дальнейшем вооружение славян усложнялось. Сильный толчок к развитию военного дела дали сотрудничество и смешивание с племенами скифов, сарматов, готов, антов и гуннов.

Важный шаг в развитии военного дела (и всей материальной культуры) был сделан с введением в обиход железа. Этот металл, относительно новый и очень важный для человечества, считался подарком Богов. Сходные легенды о железе распространены у многих народов, из-за этого некоторые ученые пришли к выводу, что древние люди сперва познакомились с метеоритным железом, а руду стали добывать и обрабатывать позже.

Наиболее ранние железные изделия в Центральной и Южной России могут датироваться 900 г. до н.э. На Руси естественные условия были благоприятны для развития железной индустрии. В Центральной и Северной России было много поверхностных залежей руды, в основном, вблизи озер и топей. Руда выплавлялась примитивными методами, во рвах и ямах.

Оружие славян на рубеже эры составляли лук и стрелы, копья и дротики, мечи и длинные ножи – кинжалы, щиты и кожаные защитные одежды.

Пешие славянские воины в эпоху Великого переселения народов IV – VII вв. использовали копье, топор или палицу, лук со стрелами, редко – короткий меч. Как правило, воин носил с собой несколько видов оружия в наиболее оптимальной комбинации, с учетом своего положения и особенностей ведения боя.

Со временем, железная индустрия значительно усовершенствовалась, уже использовались плавильные печи, что обусловило значительное развитие военного дела у ранних славян: антов, венедов и склавенов.

Византийский летописец VI в. Прокопий Кесарийский в своем известном труде «Война с го-

тами» писал про вооружение славян той эпохи: «Щиты у воинов из бычьей кожи, легкие, и все оружие легкое – копья из крепкого дерева, которому они распариванием и гнутьем умеют придавать прямизну, луки обычные, а колчаны для стрел плетут из ремешков, которые не намокают, мечи длиною в локоть и короткие ножи, а также ножны для них делают искусно... Железо звонкое и такое, что наш меч может рубить, но само не зазубривается... Против нападающих врагов в длинных закрытых колчанах они хранят стрелы, отравленные таким сильным ядом, что если стрела поранит и ухо, с жизнью не успеешь проститься... Панцирей они никогда не надевают, иные не носят и рубашек, а одни только штаны».

В этот период они, переходя реку Дунай, определявшую северо-восточную границу Рима, завоевывали многие земли и города на Балканском полуострове, нагоняя ужас на местных жителей и часто побеждая хорошо вооруженные войска империи.

Один из императоров Византии Маврикий свидетельствовал о славянах: «Они любят свободу, их нельзя склонить к рабству или подчинению. Они легко переносят жар, холод, дождь, наготу, недостаток в пище. Они лучшие воины». Относительно оружия славянских воинов Маврикий писал: «Каждый вооружен двумя небольшими копьями, некоторые имеют также щиты, прочные, но трудно переносимые. Они пользуются также деревянными луками и небольшими стрелами, намоченными особым для стрел ядом, сильно действующим, что если раненый не примет раньше противоядия или (не воспользуется) другими вспомогательными средствами, известными опытным лекарем, или тотчас же не обрежет кругом место ранения, чтобы яд не распространился по остальной части тела, то обязательно умрет». Кроме лука и дротиков для метания, о которых говорит Маврикий, славянский воин имел копьё для удара, секиру, бердыш и обоюдоострый меч.

Интересны сведения епископа Иоанна об осаде славянами с союзниками Фессалоник в 597 г. Осадные машины славян состояли из орудий для метания камней, из «черепаш», железных таранов и крючьев. Метательные машины бросали большие камни. «Черепашки» были покрыты деревом и кожами для защиты воинов. Установив осадные машины, славяне под прикрытием метательных машин и стрелков из лука придвинули «черепашки» вплотную к крепостной стене и расшатывали ее железными таранами и разрушали крючьями. Так пробивались бреши для штурмовых колонн.

В 626 г. славяне в союзе с аварами напали на столицу Византийской империи. Было изготовлено большое количество метательных машин и построено 12 больших штурмовых башен, высота которых достигала высоты стен.

Все эти данные свидетельствуют о высоком развитии воинского искусства и вооружения у славян в те далекие времена, что позволило им сокрушить многочисленных врагов и организовать в дальнейшем собственное могучее государство.

С IX в. на Руси собирались значительные войска, осуществлявшие походы на Восток и Византию. Была сформирована многотысячная, в том числе тяжеловооруженная армия, оснащенная всеми видами наступательных и защитных средств.

Русское войско имело многочисленную надежную пехоту (в отличие от западноевропейских стран) и могло строить свою тактику с учетом этого.

Во время больших военных походов созывалось народное ополчение. Простолюдины ходили на ратный труд с топорами, ножами и копьями, сделанными из кос.

По сообщению ибн Фодлана, мечи славян были широкие, с волнообразными полосками на клинке и украшались различными рисунками.

В славянских городищах VIII – IX вв. археологи нашли кузницы, в которых изготавливались орудия сельского хозяйства, предметы воинского снаряжения и оружие. У славянских воинов преобладало оружие отечественного производства. Знать имела также трофейное или купленное в других странах оружие.

Комплексный металловедческий анализ археологических находок показал, что оружие, в частности, мечи, в большинстве ковалось местными славянскими кузнецами-ковалеями. Мечи с «удивительными и редкостными» узорами, изготовленные русскими кузнецами, пользовались широким спросом и на внешних рынках: в странах Европы и Азии. Арабский писатель ибн Хордадбех в середине IX в. писал: «Что же касается купцов русских – они же суть племя из славян, – то они вывозят меха выдры, меха лисиц и мечи из дальних концов Славонии к Румейскому морю».

Воин умел не только действовать оружием, но и чинить его. В снаряжение ратника входили инструменты, помимо разнообразных походных целей, предназначенные для ремонта оружия.

Изменения военной техники X – XIII вв. очень часто заключались не в изобретении новых

средств (хотя и это имело место), а в усовершенствовании уже существующих. Киевская Русь являлась самой разительной по вооружению из европейских стран. На Руси освоили западный меч и восточную саблю, европейское ланцетовидное копье и стрелы, кочевническую пику, восточный чекан и меровингский сакрамасакс, азиатский шлем и каролингские шпоры, ближневосточные кистени и булавы.

Можно представить следующее деление русского войска времен Киевской Руси по роду оружия XII в.

1. Тяжеловооруженный всадник-копейщик, его снаряжение: копье, меч, сулицы или лук со стрелами, булава или боевой топор, или кистень, из оборонного – шлем, кольчуга и щит.

2. Легковооруженный всадник-лучник степного типа, его главное оружие – лук и стрелы – дополнялось мечом, или саблей, или топором-чеканом и, возможно, копьем, шлемом, щитом; вместо металлических – кожаные доспехи.

3. Тяжеловооруженный пехотинец-копейщик имел копье, сулицы, боевой топор или палицу, редко – меч, также – щит и усиленные доспехи.

4. Легковооруженный пехотинец-лучник (стрелец) был снаряжен луками, основным и запасным, хорошим запасом стрел, клинковым или ударным оружием; доспехи были кожаными или отсутствовали.

5. Временные воины-ополченцы имели произвольное вооружение, среди которого преобладали простые копья, палицы, топоры.

6. Войска союзников: половецкая конница, литовская пехота, легковооруженные «чухонцы» и пр. вооружались соответственно своим самобытным возможностям.

7. Командующий состав имел произвольное хорошее вооружение, но преобладало оружие того рода войск, которым следовало командовать.

В Киевской Руси наряду с простым железом широко применялась углеродистая сталь, из которой изготовлялись режущие орудия труда, оружие и инструменты. Древнерусские письменные памятники упоминают сталь под терминами «оцел» и «харалуг». Во время похода князя Игоря на половцев в 1185 г., воспетого в знаменитом памятнике русского эпоса «Слово о полку Игореве», русские воины-дружинники были вооружены луками, копьями и мечами. «Летают стрелы каленые, гремят мечи о шеломы, трещат харалужные копья». Позднее, в XVI в. в русских источниках появляется новое слово для стали – «уклад», затем «булат».

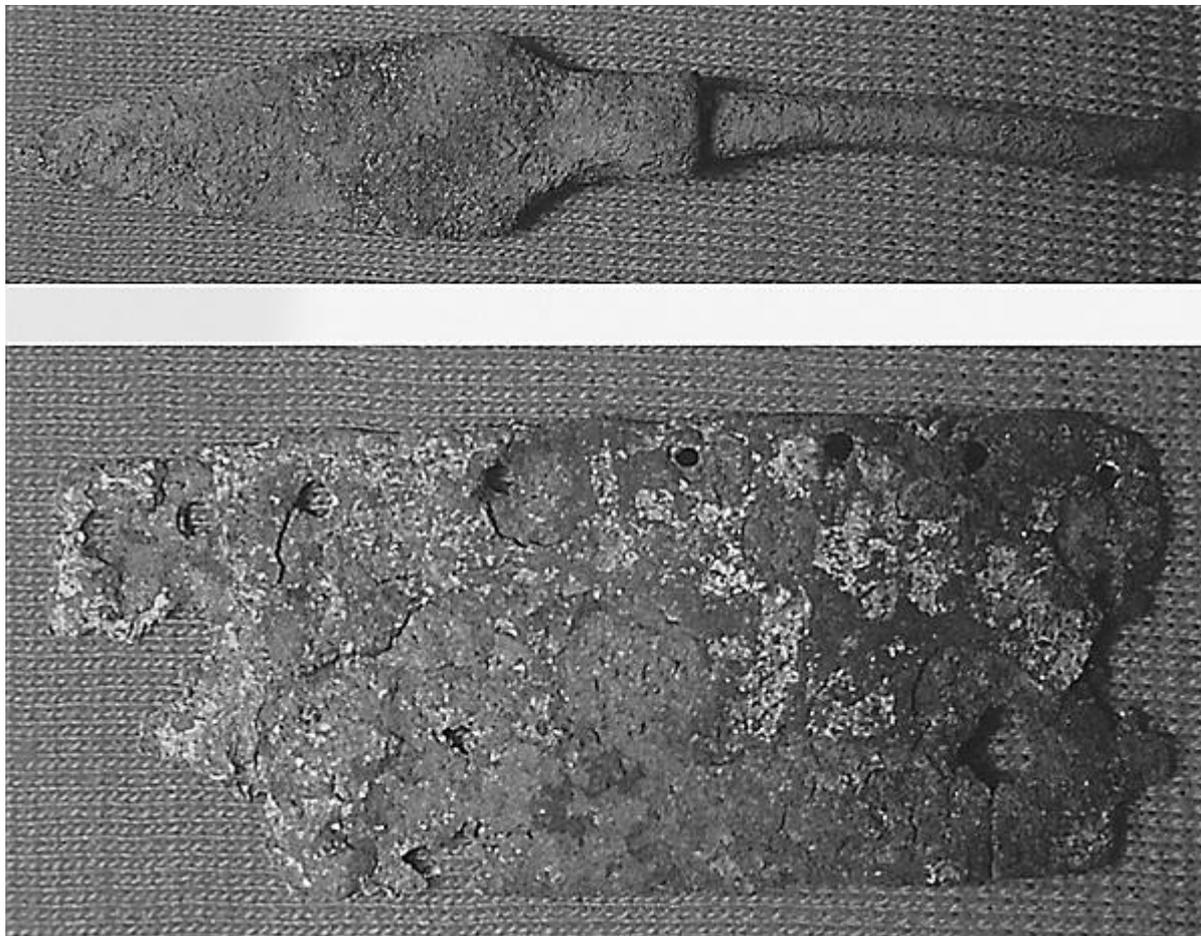

пред

Начало сражения Игоря Святославича с половцами на берегах Каялы и оттеснение русских

войск от воды. Радзивилловская летопись

В рамках «Свода археологических источников СССР» по инициативе Б.А. Рыбакова была осуществлена полная публикация предметов вооружения, относящихся к IX – XIII вв., найденных на территории Древней Руси. Это более 7000 предметов, в их числе 183 меча, 570 боевых топоров и около 1000 рабочих, 100 булав и шестоперов, большое количество наконечников копий и стрел.

Наконечник стрелы и пластина доспеха. XI–XIII вв.

Со второй половины X в. русское оружейное ремесло окрепло настолько, что оно оказалось в состоянии влиять на близкие и далекие страны.

Русь приняла участие в создании необходимых для конной рубки мечей с искривленным на-вершием и перекрестьем. Влиянием русских мастеров объясняется появление в Прибалтике с XI в. однолезвийных мечей-сабель, а в Волжской Болгарии с XII – XIII вв. сабельных гард круговой за-щиты руки. Орнаментальные мотивы, встреченные в отделке киевского оружия, обнаружены на из-делиях Скандинавских стран.

Русь была крупнейшим поставщиком европейского оружия на Восток и сама торговала со многими странами. Известно, как высоко ценились на восточных рынках и в Европе мечи и коль-чуги, привозимые из русских земель. С Руси пошли также шестоперы, наручь, крюк для натягива-ния арбалета, кольчуги с плоскими кольцами, «русские» топоры и пр.

Невская битва. Войско Александра Невского сокрушает шведов. Лицевой летописный свод

Следует сказать и о высоком умении русских лучников. Убойная сила стрелы, пущенной умельцем из хорошего лука, была такова, что на расстоянии 60 – 70 метров пробивалась и кольчуга из булатной стали, и убивался наповал медведь. Именно поэтому лук считался страшным и «лукавым» оружием, которого весьма опасались бронированные рыцари, кольчуженные витязи и свирепые викинги.

На Руси делались луки, которые были пригодны для использования в любую погоду – и в жару, и в дождь, и в мороз. Предварительно вываренная береста, которой оклеивали лук, защищала его от сырости и мороза. В XV в. летописец отметил, что в стычке с татарами в мороз наши лучники успешно обстреливали татар, а их луки не могли стрелять из-за мороза: «От великого мрза... луки их и стрелы ни во что биша».

Упомянем о самострелах (арбалетах), которые были так распространены на Западе и лишь отчасти – у нас на Руси.

Самострелами у нас чаще пользовались не воины, а мирные жители и отроки (молодежь), не имеющие подготовки и физической силы настоящего стрелка.

Примером подобного же превосходства был и разгром шведских рыцарей на Неве в 1240 г. князем Александром – будущим Невским. На вооружении новгородской постоянной дружины князя Александра Невского во время битвы на Чудском озере в 1242 г. были длинные копья, мечи и щиты; кроме тяжеловооруженных дружинников и стрелков, была собрана и рать – ополчение, созывавшееся лишь во время войн; вооружение воинов рати составляли луки, копья, топоры, кистени.

Особенностью вооружения и тактики Древней Руси и государства Российского являлось то,

что Россия выбирала то лучшее и для нее подходящее, что было на Западе и Востоке. Причем с западной интервенцией русские боролись с помощью восточной быстроты и непредсказуемости, а с восточным натиском – пользуясь прозападной регулярностью и технической оснащенностью.

ОБОРОННОЕ СНАРЯЖЕНИЕ

В походах наших далеких предков характерны были применение кожаных одежд и шкур в качестве доспеха или сражения совсем без оных, чем славяне и остальные «варвары» весьма изумляли «культурных» греков и римлян.

Византийский летописец VI в. Прокопий Кесарийский упоминает об отсутствии доспеха в те времена: «Панцирей они никогда не надевают, иные не носят и рубашек, а одни только штаны».

В те времена атрибутом воина на севере и востоке Европы была звериная шкура, чаще всего волчья или медвежья. Шкура крупного хищника, так же как и бурка на Кавказе, могла защитить от излетных стрел или не слишком острого рубящего бронзового оружия. Свидетельствовала она и об отождествлении со зверем-хищником. Отсутствие же доспехов и даже одежды говорило о бесстрашии и готовности воинов к героической смерти – «пришли нагими и ушли тако же».

На рубеже III и II тыс. до н.э. военное ремесло бронзового века достигало промышленного уровня. Значительно совершенствуется наступательное оружие, появляются бронзовые шлемы, ножи, панцири – развитой доспех. Не обошли эти изменения и славян.

В это время территорию южной России и Украины занимала Великая Скифия, одной из наследниц которой явилась в дальнейшем Русь. Традиционный пластинчато-нашивной доспех скифских времен дополняется чешуйчатым и кольчужным, что делало возможным более маневренный бой с применением метательного или иного оружия. Доспехи находят все более широкое применение в дружинах сарматских катафрактов, явившихся прообразом тяжеловооруженной рыцарской конницы Европы.

Изображение сарматских катафрактосов на колонне Траяна

Будучи характерным и для римской, и для степной традиций, чешуйчатый доспех распространяется у франков и галло-римлян, затем проникает на Север, где в V – VI вв. приобрел большую популярность у будущих викингов. Однако он был типичен для ездящей пехоты, а воины Поднепровья уже владели техникой верхового боя, где выживание воина обеспечивалось не столько защитным вооружением, сколько его подвижностью.

В целом развитие металлических доспехов на севере и западе Европы шло медленнее, чем на Юго-Востоке (Римская и Византийская империи, Малая Азия). Упадок городской цивилизации на исходе эпохи Великого переселения (VI – VIII вв.) оставил от нашивного доспеха только кожаную основу, усиленную металлом по мере возможности. На Востоке, на Западе и у славян появляется куртка из многослойного простеганного холста с усилением в виде клепочных шайб-бляшек.

Шишак – остроконечный шлем

Облаченные в стеганые куртки (тегилай) воины могли продолжать боевые действия в холодное время года, тогда как рыцари-латники и степные кочевники в этот период предпочитали не нападать. Вместе со стеганой шапкой (заменителем шлема) эти куртки были достаточно эффективны против рубящих ударов.

Головы княжеских дружинников защищались шишаками – остроконечными шлемами. Также защитные средства включали: щиты, доспех или кольчугу, наручи, поножи и т.д.

Достаточно точно написал о своеобразии и особенностях русского оружия в своем трактате «Политика» (1663 – 1666) книжник Юрий Крижанич: «В способах ратного дела русские занимают среднее место между скифами (подразумеваются турки и татары) и немцами. Скифы особенно сильны только легким, немцы только тяжелым вооружением; мы же удобно пользуемся и тем и другим и с достаточным успехом можем подражать обоим упомянутым народам, хотя и не сравняться с ними. Скифов мы превосходим в вооружении тяжелом, а легким близко к ним подходим; с немцами же совершенно наоборот. А потому против обоих мы должны употреблять обоюдо рода вооружение и создавать преимущество нашего положения».

РАТНЫЕ ОБРЯДЫ, ПОСВЯЩЕНИЯ, ОБОРОТНИЧЕСТВО

*Златится мед, играет меч с мечом...
Обряд исполнили священный,
И, мрачные, воссели пред холмом,
И внемлют арфе вдохновенной.*
А. Одоевский

ОСОБЕННОСТИ

«Обряд – совокупность действий, установленных традицией или ритуалом» (С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова). «Обрядить – приводить в должный вид» (В. Даль).

Любой народ имеет свои ратные традиции, формировавшиеся веками под влиянием множества факторов, важнейшие из которых: географическое положение и климатические условия, определяющие антропологические данные каждой нации, ее обычаи и бытовой уклад.

У древних славян праздничные, календарные обряды приобрели колдовской, магический

смысл. Совершая, например, охотничий танец, люди подражали охоте на зверей или птиц, воспроизводили их движения, повадки. Во время танца поражали копьями и стрелами фигурки или изображения животных, на которых предстояла охота. Люди были уверены, что, правильно совершив этот обряд, они обеспечат удачу в охоте. То же самое – и с воинским делом. Воины прошлого пронзали фигуры нарисованных противников копьями, творя при этом танец, пели заклинания, обращаясь к собственным богам.

В раннем Средневековье общая численность восточных славян не превышала миллиона, язык был практически единым, общение внутри воинского сословия всех славян – понятным и тесным. Рос род славянский, появлялись особенности в языке, культуре, обновлялись способы боя, видоизменялись и единые прежде обряды. Причем корень, архетип боевых обрядов един для всех восточных славян.

Религиозные празднества жителей развивавшихся городов Древней Руси, купечества, воинских дружин, ремесленников, рыбаков, охотников имели некоторые особенности. Эти особенности определялись прежде всего характером жизни этих слоев населения. Строились святилища, призванные охранять жителей данных поселений от напастей.

Традиционный человек не только живет в мире чудесного, но и принимает участие в событиях, которые могут иметь влияние на мир иной. Такой человек склонен соединять воедино историю «действительную» с историей «мифологической».

Былины и летописи, народные сказки и побывальщины сохранили исторические свидетельства существования на Руси самобытных ратных традиций. Обряды пронизывали всю жизнь древнего воина, поскольку с помощью их старался он отодвинуть неминуемую злодейку-смерть, защищаясь от страха и сохраняя относительное спокойствие, необходимое для выживания и выполнения «боевой задачи».

Мужские боевые обряды имеют свои характерные особенности, зачастую уникальные, для разных местностей и социальных групп.

Особую, священную ценность для воинов имеет оружие, оно символизирует божественное начало. Оружие в центре всех основных моментов жизни юноши-воина. Оно дается ему как дар, когда он вступает в возраст совершеннолетия. Коль скоро юноша-воин в состоянии владеть оружием, то оно – свидетельство о его повзрослевшем состоянии. Особый вид присяги на оружии знаменует у северных народов вступление в военную дружину вождя.

Одновременно с обрядом посвящения-инициацией (см. далее) наиболее древним видом ритуальных боевых игр является тризна. Погребение в древности всегда сопровождалось шумным действием. Здесь отразилась идея борьбы с демоническими силами, способными в момент «отхода» души умершего завладеть ею. На Руси языческая тризна просуществовала до XV в., хотя отголоски ее существуют и в настоящее время в виде сидений на кладбище в поминальные дни.

*Тризна дружинников Святослава после боя под Доростолом в 971 году. Художник Г.И. Семи-
радский*

По мнению авторитетного знатока Древней Руси Б.А. Рыбакова, тризна – это не только поминальный пир по умершему (носивший название «страва»), а боевые игры, ристания, особые обряды, призванные отгонять смерть от оставшихся в живых, демонстрация их жизнеспособности. И в памятниках XI в. «тризна» означает борьбу, состязание, а «тризнице» – место состязаний.

Существовавшие на Руси ритуальные поединки славили богов и бойцов. Те, которые хотели обратить на себя внимание богов, проходили без доспехов; чаще противники дрались вообще обнаженными по пояс.

Присутствие в обряде ритуального боя, иногда оканчивающегося смертью и всегда сопровождающегося противостоянием миру потустороннему, служит для обострения пограничного состояния бойца, вызывая измененное восприятие реальности и обучая правильному эпическому поведению воина на «границе миров».

Бытовали и состязания борцов на свадьбах, когда выходят бороться и от жениха, и от невесты. Этот древний обычай кое-где жив до сих пор. С течением времени во многом изменился смысл этих игр: некогда символизируя борьбу природных сил, он приобрел развлекательный характер молодецких потех и забав.

Базлов Г.Н.: «Обрядовые действия постоянно воспроизводили древние архетипические образы славянской мифологии, тем самым сохраняя в народе традиционное восприятие времени и привычную пространственную космогоническую систему. Не исключено, что в древности кулачные бои были призваны не только поддерживать обороноспособность боевой родовой дружины, но и защищать от “темных сил” на уровне мистическом».

Обрядовые пляски «Буза» или «Скобарь» сопровождалась комплексом ритуальных действий, выраженных в песнях (вызывающих частушках), символике одежды, в телодвижениях и в обращении с оружием. Особое «ломание» перерастает в ритуальный поединок, часто происходящий в состоянии измененного сознания. Обрядовый бой обставлен целым рядом обрядовых действий, что подчеркивает его древнюю сакральность.

Велико значение символа стойкости и доблести войска – воинского стяга. Стягом на Древней Руси, вобравшей многое от степных народов, служил шест с укрепленным на нем пучком конских волос, клином яркой ткани или другим предметом, хорошо видимым издали. С IX в. роль воинских знамен выполняют прикрепленные к древку полотнища.

Стяг или знамя служили для руководства войсками и указывали на состояние дел командования. Сворачивание знамени означало отбой или отход, утеря (пленение) его – позорное поражение. В древности роль воинских знамен выполняли помещенные наверху древка фигуры богов, сов, орлов и других тотемных животных.

Многие дружинники носили красные щиты с разнообразными изображениями коловрата. Такие щиты несли не только прямую функциональную нагрузку, защищая от стрел и от ударов мечей и копий, но и сам магический символ коловрата защищал воина. Соляные знаки у славян часто составляли и орнамент плаща воина, помогая «быть своим» в своей среде.

Несомненное обрядовое значение имела и одежда воина. Так, на одежде имелись особые узелки (пережиток древнего узелкового письма) на подвязках малой походной сумки, на крепеже брони и оружия. Частью костюма русского воина являлся также и нож, который, помимо основных функций, являлся также и хорошим оберегом.

Каждый поступок традиционного воина, тем более вождя-военачальника имел особое значение. Если вспомнить историю мести княгини Ольги древлянам, необходимо вспомнить, что не Ольга командует войском, а трехлетний Святослав и он все-таки начал сражение. Он бросил копье в сторону врага, правда, копье пролетело только через голову коня и упало у его ног. Но летописец отметил следующие слова дружинников: «Князь почал, пора и нам». Так началось победное сражение с древлянами.

Каждый воинский поход, каждая серьезная война начинались с целого ряда действий, которые осуществлял русский князь-государь перед самым тем моментом, когда он наконец выходил из Кремля.

Дмитрий Донской собирает свои полки на Девичьем поле. И вот с Девичьего поля войска рано утром выходили, проходили через всю Москву, входили в Кремль, затем выходили через другие ворота Кремля и уходили уже в поход.

Возвращение из похода тоже имело сакральное значение, как и факт очищения после битвы. Сохранилось описание этого действия на примере возвращения царя Ивана Грозного после Казани. Последнюю остановку Иван Грозный делает в Сретенском монастыре, где происходит церемония перемены одежд. Он снимает с себя воинские одежды, надевает царские. И пешком идет в Кремль по коридору из войск и народа, которые приветствуют его, понимая, что именно теперь поход закончился.

Княгиня Ольга (945 – 964). Художник В.П. Верещагин

Все обряды на Руси и в славянских землях начинались с какого-нибудь действия. Даже действо на Ивана Купала было, как ни странно, воинским, потому в различных древнеславянских ведах Светлый Бог-богатырь отбивает Богиню – Жизнь от великого зла (чаще всего от Змея или Чернобога). По древнему сценарию, для этого выбирают женщину, которая олицетворяет из себя Богиню Живу или Ладу, ее символически привязывают к дереву. Мужчины же делятся на две части: с одной стороны Светлый богатырь-герой «со товарищами», с другой – слуги темного (обратного) мира. Освободители обычно одеты в национальные одежды и вооружены традиционным оружием славян, то слуги чернобоговы одеваются в темные одежды и лохмотья. Избирается и богатырь, который обращается с требованием освобождения Живы. Слуги темной силы корчат рожи, прыгают, высмеивают богатыря. За это он с товарищами нападает на них, происходит «бой-игрище», в котором побеждает богатырь и освобождает деву от древа. Это означает возвращение богини Жизни в свое «светлое царство», после чего Земля начинает активно плодоносить и дарить радость людям.

Далее начинается обряд очищения места проведения праздника. Жрецы, ведущие праздник, стараются этим обрядом охватить как можно больше заранее отобранного, специального места, расположенного в лесу на берегу реки. В круговом движении они замыкают круг (Коло). При этом читаются определенные заговоры-обереги и поются песни. Затем круговым движением разбрасываются зерна злаковых растений (пшеницы, овса) – символически засеивая землю, и призывают всю силу Матери-Земли в месте проведения праздника.

«В славянских обрядах мы знаем похороны Ярилы (Ивана) как олицетворение мужского начала, уже давшего новую жизнь и потому ставшего бесполезным, и похороны Костромы, Купалы, изображения которых, одетые в женскую одежду, провожали похоронным плачем, а потом топили

в воде» (Рыбаков Б.А.).

Обряд «братины» – братание через совместное питье и вкушение. Авторитетный историк XIX в. И.И. Костомаров в книге «Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях» пишет: «Братина, как самое ее название указывает, был сосуд, предназначенный для братской, товарищеской попойки, наподобие горшка с крышкой. Из них пили, черпая чумками, черпальцами и ковшами. Братины были разной величины: небольшие употреблялись даже прямо для питья из них и назывались братинками».

Важную роль играла братина в обрядах древнего воинства и казачества, наиболее полно сохранивших эти традиции. Практика дружинных пиров прямо вытекает из языческого культа. Недаром глагол «жрать» означал «священнодействовать», «приносить жертву».

Братина и ковш. Мастерские Московского Кремля. XVII в.

Круговая чаша отражала основные правила боевого товарищества: равенство всех перед смертью, «семейное» положение братьев-воинов, относительное равенство, социальное и материальное (взносы на братину делались сообща, по возможностям каждого), взаимное доверие, неприкосновенность к хмельному (каждый пьет, сколько желает, или просто подносит чашу к губам), возможность за чарой высказаться откровенно и обсудить наиболее важные дела. Пирья являлись и формой заседания боярской думы киевского князя.

В дальнейшем обряд питья из братины посвящался различным праздникам, царским дням и другим важным событиям, для чего изготовлялись особые братины с надписями. Пить чашу чью-либо значило пить в честь кого-нибудь или за чье-либо здоровье. Таким образом, говорилось: «Государева чаша, Патриаршая чаша» (Костомаров).

Учитывая традиции казачества, московские государи жаловали атаманов за службу наградами братинами (ковшами), украшенными государственным гербом, христианскими символами и надписями духовного содержания. Некоторые из них сохранились в различных собраниях.

ПОСВЯЩЕНИЯ – ИНИЦИАЦИИ

*Я вижу призрак Святовита
Меж облаков,
Кругом него – святая свита
Родных богов.*
К. Бальмонт

Инициация (Initiation от лат. Initium – «начало») или посвящение – начало новой жизни, повторное рождение.

Инициация предназначена для перехода человека из одного статуса в другой, в частности, включение в некоторое сообщество. Обряды или ритуалы инициации также называются переходными или посвятельными (посвящение).

Корни обряда можно проследить в глубокой древности, практически у всех народов. Инициация обычно сопровождается праздничным обрядом, нередко с различными, часто мучительными испытаниями (например, нанесение татуировок, телесных повреждений, укусы муравьев, хирургические вмешательства и т.д.) Нередко применялись различные средства, вызывающие сонливость или значительное снижение болевой чувствительности, благодаря чему создавались условия для преодоления болезненных испытаний. Мифы и предания древнего периода истории свидетельствуют о многообразии обрядов.

Л. Леви-Брюль дал одно из определений сущности инициации: «Церемонии посвящения имеют целью сделать индивида “совершенным”, способным исполнять все функции законного члена племени».

В древнерусском «миру» сохранялось представление о строгой цикличности жизненного процесса, и эти циклы можно описать так: до 7 лет – дѣтя (или робя). В 7 лет ребенка отдавали в ученичество, и шло посвящение во взрослую жизнь, с работой и военным служением в границах дома, рода-племени или государства; затем наступала пора покоя, постепенное отступление в мир предков – старь дѣдь или стара баба. И, наконец, сама смерть – уход в мир иной.

Ритуалы перехода, существующие в различных культурах и знаменующие важные биологические и социальные перемены, вращаются вокруг триады рождения, совершеннолетия (для любви, хозяйственной и воинской деятельности) и смерти. В ритуалах совершеннолетия юноши и девушки рассматриваются как умирающие для роли детей и рождающиеся в качестве взрослых.

Возрастное разделение, обусловленное военной организацией общества, характерно для народов, находившихся на заключительных этапах разложения первобытно-общинного строя с рождением государственных форм. Подобные явления имели широкое распространение у народов, часто живших в условиях войны.

Когда-то, чтобы стать членом племени, ребенок должен был пройти поэтапную инициацию. Происходила она в три ступени. Первая – непосредственно при рождении, когда повитуха обрезала пуповину наконечником боевой стрелы, в случае с мальчиком, либо ножницами, в случае с девочкой, и пеленала ребенка в пеленку со знаками рода.

По достижении мальчиком трех лет он проходил подстягу – т.е. его сажали на коня, опоясывали мечом и три раза обвозили вокруг двора. После этого его начинали учить собственно мужским обязанностям. Девочке в три года впервые давали веретено и прялку.

В двенадцать-тринадцать лет, по достижении брачного возраста, мальчиков и девочек приводили в мужской и женский дома, где они получали набор сакральных знаний, необходимых им в жизни. После этого девушка надевала поневу (род юбки, носившийся поверх рубахи и говоривший о зрелости). Юноша после посвящения и присяги получал право носить боевое оружие и вступать в брак.

Инициации в общих чертах одинаковы для всего мира. По всей видимости, причина этого в том, что данные посвящения являются оптимальным способом стимулировать развитие человека в данном возрасте.

Л. Леви-Брюль начертил ставшую классической схему мировых систем инициации юноши на право называться мужчиной: «Новопосвящаемые отделяются от женщин и детей, с которыми они

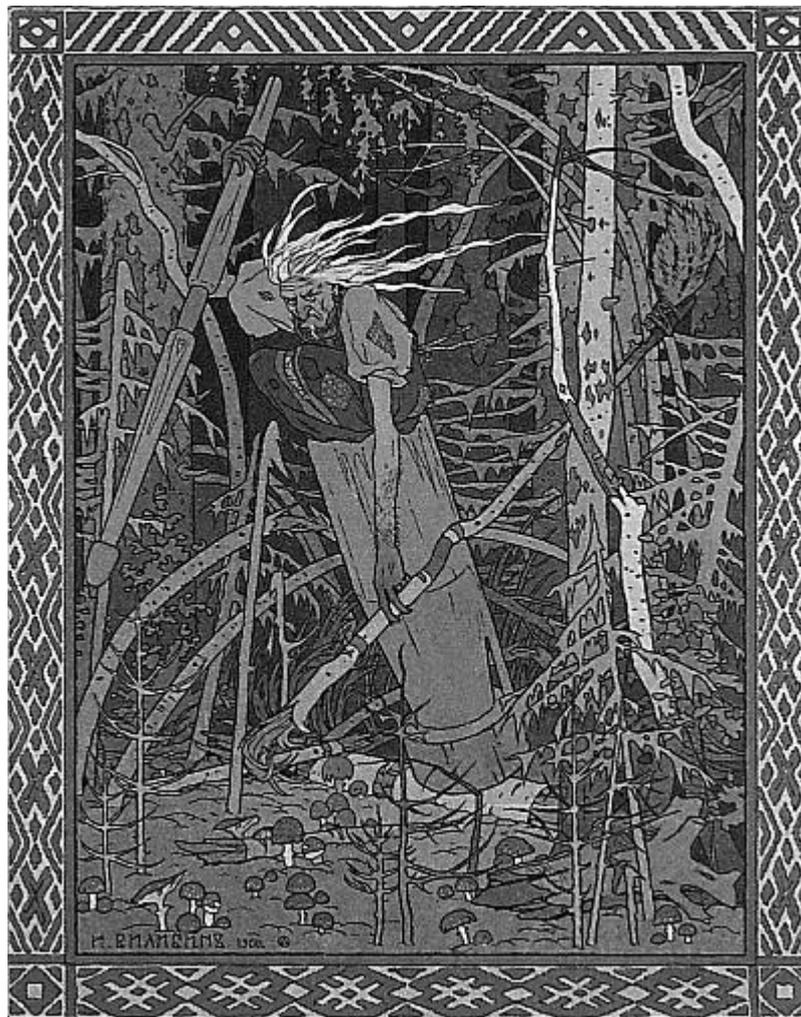
жили до этого времени. Обычно отделение совершается внезапно и неожиданно. Будучи вверены попечению и наблюдению определенно взрослого мужчины, с которым они часто находятся в известной родственной связи, новопосвящаемые обязаны пассивно подчиниться всему, что с ними делают, и переносить без каких бы то ни было жалоб всякую боль, испытания являются долгими и мучительными, а порой доходят до настоящих пыток. Так мы встречаем и лишение сна, пищи, бичевание и сечение палками, удары дубиной по голове, выщипывание волос, соскабливание кожи, вырывание зубов, обрезание, подрезание, кровопускание, укусы ядовитых муравьев, душение дымом, подвешивание при помощи крючков, вонзаемых в тело, испытание огнем и т.д.»

Наставники проводили инициации так, что у молодых людей происходила коренная перестройка психики, снимались глубинные страхи, вырабатывались и закреплялись на бессознательном уровне навыки взаимодействия с новыми товарищами. Подростки становились взрослыми и, как следствие, получали статус полноправного члена общества – и новые права: право быть воином, право иметь жену, право заниматься созидательной магией.

Всякая серьезная инициация (или посвящение), как известно, делится на несколько фаз: выделение личности из привычного общества, пограничный период, испытания и ритуал посвящения, вхождение в новое сообщество или возвращение в коллектив, но уже в новом качестве.

Проведение инициаций за пределами своей территории, особенно в лесу, является характерной чертой этого обряда у многих народов. Мифологически выход за пределы своей территории приравнивается к смерти. А нахождение в лесу воспринималось как пребывание на том свете. Отсюда большая роль, которая отводилась в восточнославянской инициации божествам потустороннего мира. Отображением одного из таких божеств в сказках является Баба-яга. По мнению немецкой исследовательницы Беккер, образ яги восходит к древнеславянской богине Мокоши, Макоши, символизирующей древнюю пору матриархата. Среди ее функций были: определение судьбы человека и владычество над миром мертвых.

В лесу юноши жили в так называемых мужских домах для посвящений, где и проходили ученичество, испытание, «умирание» в старом качестве и посвящение в более «продвинутого» человека. Как показывают исследования, в древнюю эпоху у славян в ходе брачных ритуалов совершались обрядовые действия у реки. Она служила символическим рубежом перехода молодых людей в иной мир.

Баба-яга. Художник И.Я. Билибин

Из восточнославянских сказок видно, что при инициациях имело место не просто символическое умерщвление иницируемого, но и проглатывание его чудовищем, что придавало поэтическую трагичность происходящему. Для этой фазы испытаний как раз и характерны физические проверки посвящаемых: нанесение им болезненных ударов, ран, лишение пищи и всяческое унижение. Юноши в те времена знали, на что шли, и гордились своим умением преодолевать боль и трудности.

Из так называемых инициационных сказок можно узнать об оставлении мальчиками дома в семь лет (сказки о «семилетке» и др.). Герой одной из самых архаичных былин Волх Всеславьевич ушел из дому «десяти годов», собирал дружину (юношеский союз древней эпохи) «двенадцати годов» и обучал ее военным и охотничьим «премудростям» до «пятнадцати годов».

В русском фольклоре мы находим упоминания об остаточных формах ритуального похищения детей для прохождения обряда инициации. Соответственно, черт, леший, русалки, банник или гуси-лебеди, похищающие детей в сказках и былинах, являются мифологическими масками участников инициационного обряда. Причем реальный обряд представлял из себя особенную ролевую игру, часто с нешуточными испытаниями, в которой все участники разыгрывают установленные традицией роли.

Особо выделяются сказки с участием черта. На основе этимологических реконструкций слова «черт» можно построить модель ритуала посвящения у славян: посвящаемый символически уходит от прежней жизни, от семьи «за черту, к черту», в некоторое условное сообщество, где он временно превращается в «чужого» для прежнего общества, обучается необычному и возвращается в общину уже приобретшим особый статус посвященного.

Любая инициация «молодой – взрослый» строится по схеме «умри – воскресни». Иначе говоря, прежде чем перейти на новый качественный уровень, человек должен испытать частичное разрушение, подавление, агрессивное воздействие извне. Таковой в условиях инициации является символическая деградация человека до состояния зверя.

Экстремальное сообщество подростков, противопоставленное «обычному» миру, можно сравнить с волчьей стаей. У славян, как и у других индоевропейцев, подобные союзы часто и называли «волчьими», а самих участников – «волками». Этнографически зафиксированы случаи, когда иницилируемые наряжались волками, носили одежду из шкур, при вступлении в союз обязаны были кусаться и выть. «Волчьи союзы» противопоставляют себя обыденному миру; как это и подобает хищникам, они похищают в деревнях продукты, хулиганят, дерутся и воюют с соперниками.

Обряды инициации при вступлении в воинские союзы включали нанесение себе ритуальных ран, а также единоборство с опасным зверем. Зверь должен был быть совсем не любим – и одной победой над ним смысл обряда не ограничивался. Победитель зачастую ел мясо и пил кровь убитого зверя, «приобретая» тем самым его магические качества...

Повествуя о воинских обычаях европейских скифов, называемых «цивилизованными» греками «волками и псами» и являющихся одними из предков современных славян, Геродот указывает: «Когда скиф убивает первого врага, он пьет его кровь. Головы всех убитых им в бою скифский воин приносит царю. Ведь только принесший голову врага получает свою долю добычи, а иначе нет» (Геродот, 1972). При комментировании этого отрывка Г.А. Стратановский указал со ссылкой на «Золотую ветвь» Д. Фрэзера, что кровь врага когда-то пили воины почти всех народов, «чтобы вместе с кровью всосать его силу».

Память об инициационных практиках встречается в волшебных сказках, причем испытания и приключения героев и героинь волшебных сказок почти всегда переводимы на язык посвящения. В одной из сказок молодая женщина совершила ошибку, вследствие которой ее возлюбленный «ушел» к товарищам. Героиня отправилась искать его – «пошла в поле, и зашла в пустой дом, и ухоронилась. И вот топотня, топотня, бегут сорок волков, и стали развешиваться кругом столба по солнышку, и развернулись, и очутились все добрыми молодцами...»

В ритуалах посвящения будущего воина особое место занимают обряды, целью которых было придание телу воина неуязвимости как от оружия, так и от яда и болезней. Будущий воин проходил через процедуры закаливания тела снаружи и изнутри и по окончании обрядов подвергался испытаниям на неуязвимость с применением различного рода оружия.

Часто этапами мужского посвящения руководил жрец-кузнец. В русской сказке расчленением и оживлением героя также обычно занимается кузнец (вспомним хотя бы о кузнеце, выковавшем волку-воину новый голос). Широко известен сказочный сюжет, где инициационным обрядам подвергаются несчастные «козлята», которых у матери отнимает волк – тотемный предок, который потом возвращает их после испытаний.

Кузнечная магия – это уже более высшая ступень по сравнению с аграрной магией, поскольку именно кузнец впервые по-настоящему получает способность переработать и усовершенствовать то, что земля неспешно вынашивает в себе в течение тысяч лет. После посвящения с ритуальным умиранием и воскресением вся последующая жизнь воина как в мифе, так и в реальной жизни представляет собой цепочку подвигов-испытаний, в основе которых опять-таки лежат фрагменты или варианты инициационных испытаний.

Подготовка к инициации в ее древнейшем виде длилась в течение многих лет и представляла собой некий поток, в ходе следования по которому человек двигался от пассивного состояния ребенка к активному состоянию полноправного деятеля, будущего родителя и творца. За время своего многолетнего иницилирующего обучения мужчина – будущий воин получал сакральные знания о таинствах мира и человеческого существования. Через мифы, переданные в ходе инициации, он узнавал священную историю племени, космогонические деяния богов и предков, которые было жизненно необходимо знать и которым надлежало неукоснительно следовать. Обучение военной магии и искусству занимало, естественно, центральное место в процессе подготовки воина.

Сведения об обрядах посвящения древнерусских дружинников содержит целый ряд былин.

Воинская дружина являла из себя большую семью со своими особыми обычаями, с практически родственными отношениями, сложившимися и укрепившимися в сражениях и ратных заботах, где все стоят друг за друга горой и где каждый готов защитить соратника-брата.

Новичок, желающий влиться в дружину, должен был иметь достойных поручителей из числа опытных воинов или уважаемых старейшин. Волхвы-целители удостоверяли его здоровье и верность заветам предков.

Истинное выделение юноши из общества, в котором он до тех пор воспитывался, происходи-

ло при проходах его ко двору князя или крупного боярина, где молодому человеку предстояло служить воином-дружинником. Из текстов песен мы видим, что молодых людей, которые шли в войско, провожали, как покойников на тот свет, и проводы новобранца носили в давние времена чисто погребальный характер, поскольку воин умирал прежде всего для своей семьи поскольку переходил в другую.

По прибытии в воинскую дружину молодые люди попадали в число младших отроков. Княжеская или воеводская дружина подразделялась на старшую и младшую. К старшей принадлежали бояре и дружинники, младшую составляли молодежь: отроки и гридни.

Прибыв к княжескому двору, юноша представлялся воеводе и его дружине в определенной обрядовой форме. Об этом можно судить по представлению былинных богатырей князю. Так, Илья Муромец «Крест-от клал ен по писаному, / Вел поклоны по-ученому. / На все три, на четыре на сторонки низко кланялся, / Самому князю Владимиру в особину, / Еще всим его князьям он подколенным».

Затем, после принятия молодого воина в дружину, начиналась пора ученичества.

«Молодой воин, – указывает И.П. Крипякевич, – должен был познать всякие роды оружия, различные способы борьбы и рыцарских упражнений, должен был научиться бросать копье, стрелять из лука, владеть мечом и саблей, рубить топором, ездить верхом на коне, ходить на охоту, грести веслами, бороться врукопашную». В былинах имеются примеры обучения воинскому делу младших богатырей старшими: «Выучил Святогор Илью всем похваткам, / Поездкам богатырским».

В.Г. Балушок рассматривает свидетельства о существовании молодежных объединений в славянской среде в былинах: «Волх Всеславьевич ушел из дому “десяти годов”, собирал дружину (юношеский союз древней эпохи) “двенадцати годов” и обучал ее военным и охотничьим “премудростям” до “пятнадцати годов”».

У древних германцев к физическим испытаниям молодых воинов во время их инициаций принадлежали особые пляски между мечей и копий. «Голые молодые люди – это исключительно их потеха – между мечей и угрожающих копий занимаются пляскою». Подобные танцы между мечей и копий в прошлом входили в состав посвящений в воины-дружинники и у других европейских народов, в том числе у древних славян-русичей.

Главным испытанием будущих дружинников было их участие в воинских поединках и в битвах в качестве простых воинов. Об этом говорится в летописях, которые сообщают нам об «оружных» отроках, участвующих в военных действиях. Богатыри в былинах совершают свои подвиги дважды: один раз «по молодечеству», второй раз – уже «по службе».

Само Воинское посвящение происходило в несколько Кругов.

Первый Круг – проверка на физическую и духовную выносливость, стойкость к испытаниям и истязаниям. Способов проверки здесь могло быть весьма и весьма много, они подобны испытаниям воина у всех народов.

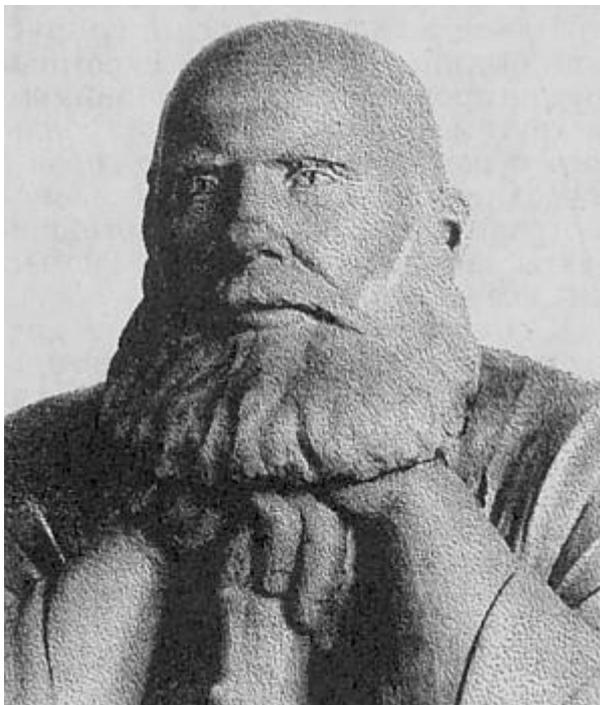
Вторым Кругом была проверка стихиями: Огнем, Землей и Водой. Огонь – стихия, покровительствующая всему Воинству. Новичку нужно было пройти босиком по огненной реке – дорожке из горячих углей и при этом не обжечь себе ног или хотя бы не показать вида боли. Сильные ожоги и жалобы говорили о недостаточной силе духа посвящаемого. Для более высокого уровня воинов одним из испытаний было проведение ночи на лысой горе с поднятым мечом в грозу. Испытание Водой заключало в себя умение плавать и подолгу скрываться в воде и под водой. И наконец, испытание Землей ознаменовало собой временное умирание – человека помещали в яму, которую забрасывали ветвями, в ней необходимо было провести без еды хотя бы полный дневной цикл (сутки), невзирая на темноту, голод и пугающие звуки, доносящиеся сверху.

Третьим Кругом была проверка на собственно воинское умение. Здесь новичка заставляли вести бой с опытными дружинниками, скрываться от погони, догонять самому. Бой велся как голыми руками, так и при помощи оружия. При этом смотрели, как новичок держит удары, как терпит боль, насколько он ловок, не поддается ли панике и слепому безумству...

Если новичок проходил с честью все три Круга, в урочный день вся дружина собиралась на капище, где жрец проводил над ним обряд Воинского посвящения. Здесь молодому воину давалось новое имя, что знаменовало новое рождение человека. О получении посвящаемым нового имени свидетельствуют былины. «Теперь будь-ко ты, Илья, до по имени, / Ишше будь-то ты свет да Мурамец, / Поэтому мы тебя назвали шьчо – Мурамец», – говорят посвящающие Илью калики пере-

хожие (волхвы).

После того, как будущий воин доказал свою пригодность, он дает клятву-присягу богам или князю, олицетворяющему божественную власть, и приносит жертву – Требу. Своеобразным отголоском обряда инициации является принятие воинской присяги. Слова такой присяги донесли до нас былины: «Уш ты гой еси, великий князь чернигофский! / Мы постараемсе тибе служить правдой-верою. / Правдой-верою служить да неизменною».

Илья Муромец. Антропологическая реконструкция

После поры учения и успешного прохождения всех испытаний, наступала пора вознаграждения оружием, конем, упряжью, одеждой и защитными доспехами. Д.С. Лихачев указывал, что на Руси бытовал обычай препоясывания мечом посвящаемых в дружинники, недаром для него существовал и специальный местный термин – «пасти мечом». Ритуальное переодевание посвящаемых совместно с получением новых имен символизировало их новое рождение.

О вручении дружинникам воинских атрибутов свидетельствуют былины: «По своей силы имей ты палицу тяжелую, / Не забудь ты ише да сабли вострою, / Ты тово ишше ножа да все булатнаго».

Затем происходило Кровное братание молодого воина со старыми дружинниками (такое Братство порой почиталось выше единоутробного) и далее – пир-братчина.

О нем мы можем судить по ритуалу братания нового богатыря, принимаемого в богатырскую дружину: «Золотыми крестами поменялися, / Обнялися они, поцеловалися, / Святогор-богатырь да будет больший брат, / Илья Муромец да будет меньший брат, / Хлеба-соли тут оно откушали, / Белой лебеди порушали».

Воинское посвящение чаще всего устраивали в летний Ярилин день, праздник проводился в два этапа – вечерний зачин и утренний. Можно было проводить обряд и на Перунов день либо любой другой славянский праздник по согласованию с волхвом общины или же воеводой дружины. Необходимо помнить, что существовало множество различных вариаций этого обряда, хотя в различных славянских племенах и местностях существовали основополагающие ритуалы.

Как известно, Перун, который в мифической битве с Велесом проходил инициационное испытание, был богом воинов. Можно допустить, что участие молодых воинов в походах, где они побеждали своих первых противников, осмысливалось как аналог древнеславянского мифа о поединке Громовержца-Перуна и Змея-Велеса. Недаром миф о поединке Громовержца с Велесом лег в основу многих фольклорных сюжетов о древнерусских воинах-богатырях. Не случайно Илья Муромец, Добрыня, Алеша Попович и другие богатыри имеют змееподобных противников, выступая в качестве Громовержца.

Многие воинские ритуалы древности долгое время сохранялись в среде казачества. Большое

значение для казаков имели воинские обряды инициации – испытание новоприбывших в Войско казачье и их подготовка. Обряды инициации по своему смыслу напоминали древнеславянские «волчьи союзы»: юноши, проходя ритуал «перерождения», становились «волками» – молодыми воинами, обязанными определенное время жить в лесу, отдельно от людей, «волчьей жизнью». «Юнец», или «джур», вступая в сечевое общество, должен был «переродиться», то есть отречься от своей предыдущей жизни и быть постоянно готовым к смерти. Нередко на определенное время его поселяли в отдельный курень – для испытания.

Курс обучения военному делу длился семь лет. Кроме физических тренировок, юнец должен был «богу добре молитись, на коні “реп'яхом” сидіти, шаблею рубати і відбиватися, з рушниці зірко стріляти і шписою добре колоти...». После подготовительного курса проводилось испытание-экзамен, который включал и умение пить водку, и преодоление порогов на лодке, и неприметное «хождение», и укрощение коня. Одолев эти испытания, юнец получал право принимать участие в походе и мог считаться казаком.

Малороссийский казак начала XVIII в. Художник А.В. Висковатов

Официальное зачисление в казаки осуществлялось через обряд приема. Новичок, который прошел все испытания, обращался к куренному атаману, крестился, кланялся ему и просил принять в общество. По обычаю, атаман просил обрядового согласия у повара куреня (древний обычай степняков-охотников), и когда тот соглашался, новичок платил повару определенную сумму денег «на довольствие». Затем посвящаемый должен был привести на обряд поручителей – выдавших виды казаков, которые хорошо знали его. Постановление обрядовой комиссии утверждал кошевой атаман. Новичку давались новое имя и прозвище, которое означало его новое рождение, – новый казак отказывается от своего прошлого, отрекается от супружеской жизни, обязуясь строго блюсти законы боевого казачества, в том числе безбрачие.

В случае нарушения обета или казацкой этики сечевика выгоняли из Сечи. Подобные решения принимались Советом казаков после расследования проступков.

При исследовании обрядов посвящения у казаков мы можем увидеть тождественность их во многом древним русским обрядам воинских инициаций.

ОБОРОТНИЧЕСТВО

*Среди лесов, в глуши далекой
Живут седые колдуны;
К предметам мудрости высокой
Все мысли их устремлены;
Все слышит голос их ужасный,
Что было и что будет вновь,
И грозной воле их подвластны
И гроб и самая любовь.*
А. Пушкин

В древних мифах индоевропейских народов вожди и воины выступают в образах волков, имея способность к такому превращению. Воины-славяне были издревле знакомы с умением вызывать у себя состояние особой психофизиологической активности, отождествляя себя с каким-либо животным (волком, собакой, медведем). В этом состоянии боец не чувствует боли, способен мгновенно уклониться от летящего в него оружия, находясь в боевом трансе, становится не уязвимым для врага. Многие могут вспомнить замечательную русскую сказку, главным героем которой является Вольга-богатырь. В ходе повествования богатырь подпрыгивает вверх и, троекратно перевернувшись через себя, оборачивается серым волком.

Самым известным оборотнем русской древности можно назвать знаменитого Всеслава Брючиславича, князя Полоцкого (? – 1101). В «Слове о полку Игореве» читаем:

*Всеслав Князь людем судяше,
Князем грады рядяше,
А сам в ночь вльком рыскаше;
Из Кыева дорискаше до Кур Тмутороканя;
Великому хрьсови вльком путь прерыскаше.
Тому в Полотске позвониша заутреннюю рано
У Святъя Софеи в колоколы;
А он в Киеве звон слыша.*

Летописи действительно указывают на природу «необычных» способностей Всеслава Полоцкого: «Мать же родила его от волхвования. Когда мать его родила, на голове его была язва. Волхвы сказали матери: “Завяжи эту язву, и пусть носит <повязку> до конца жизни” (пересказ по: Полное собрание русских летописей. Т. 9). И носил ее Всеслав до смертного дня; сего ради он и не милостлив на кровопролитие». Наложение повязки на голову князя Всеслава сходно с накладыванием наузы – одним из колдовских способов обращения в зверя.

В родственной славянской скандинавской традиции известны берсерки – воины, в бою впадающие в особое исступление и приобретающие качества хищных зверей – волков или медведей. И на Руси Святослав – покоритель хазар и «черных болгар» – брил голову, оставляя лишь прядь волос на лбу, и носил в одном ухе серьгу из двух жемчужин и рубина. Утверждают, что на поле боя он дрался рыча, как зверь, а его воины «издавали дикий, пугающий вой».

Битва на р. Немига. Поражение и бегство Всеслава Полоцкого. Радзивилловская летопись

Сохранился заговор XV в., записанный на полях «Псалтыри»: «Се аз, зверь юн, очи мои звери, а гроза моя ц(а) р(е) ва, блудитесь меня, кр(е) стьяне, аки овцы волка...»

Самое древнее литературное упоминание об оборотничестве у праславян принадлежит «отцу истории» Геродоту: «Каждый невр ежегодно на несколько дней обращается в волка, а затем снова принимает человеческий облик». Невры – племя, жившее к северо-западу от Черного моря и сопоставляемое с праславянской милоградской археологической культурой.

Рассказ Геродота более чем через два тысячелетия смыкается с многочисленными этнографическими данными о волколаках, верования в которых были живы до самого недавнего времени. Вообще же культ волка у индоевропейских народов очень древний и сложный и напрямую связан с воинскими функциями.

Перстень полоцкого князя Всеслава Брючиславича, прозванного Чародеем

В связи с темой оборотничества А.Н. Афанасьев в своих сочинениях приводит представления о вовкулаках (вукодлаках) и им подобных, а также об оборотнях, колдовских способах превращения людей и целых свадеб в волков и др. животных и о лесных пастырях. Приводятся фольклорные примеры оборотничества, в частности, сказки о заклятых персонажах. Афанасьев же рассмат-

ривает метафору «ветер-собака» в различных традициях и приводит представления о псиглавцах (кинокефалах), почерпнутые из разных источников, в частности, существует легенда о св. Христофоре, который в восточных преданиях имеет песью голову. Из образа ветров – охотничьих псов Афанасьев выводит германские сказания о т.н. дикой охоте, возглавляемой языческим богом Вуотаном (Воданом) в развевающемся плаще. Бог скачет на белом коне (или едет на огненной колеснице) в окружении поезда душ мертвых воинов. За поездом бегут черные псы.

Уже в христианские времена устанавливается мифологическая связь собаки со смертью, Афанасьев А.Н. объясняет ее тем, что собака символизирует вихрь, ветер, а он, по древним воззрениям, переносит смертельные заразные болезни. Отсюда и зловещее значение, приписываемое вою собаки и рытью ею ям во дворе. Также подчеркивается враждебность волка человеку, который считается олицетворением «нечистой силы ночного мрака, потемняющих небо туч и зимних туманов», врагом небесных стад весеннего Перуна и богини Утренней Зори. Соответственно интерпретируются и поверья об оборотнях-волколаках, съедающих солнце и луну во время затмений. (Даже затемнение небесных светил облаками, по Афанасьеву, объяснялось в древности как поедание волками скота; отсюда же, наоборот, славянские поверья о том, что реальные волки пожирают огонь.) Волк в народных представлениях – вор и лютый разбойник. С символикой тучи связывается и сказочный серый волк – помощник, переносящий героя с быстротой ветра. Подчеркиваются мифологическая связь волка с громовержцем, а также отождествление его с дьяволом.

Иконописное изображение св. Христофора

Для того чтобы полностью отринуть «старый» мир и впитать в себя силу и мужество воинов-хищников, в различных посвящениях в закрытые общества (жреческие, воинские...) применялся обряд оборотничества, связанный с мифологическими древними представлениями о возможном перевоплощении. Развитие мышления человека в разных районах земного шара происходило по одинаковым законам, поэтому мифы, легенды, сказания-сказки бывают удивительно схожими по сути.

Посвящения и оборотничество нужны были затем, чтобы человек смог перейти в новое качество и отделиться от непосвященных и «чужих». К примеру, уйдя в волка, соединить в себе черты неутомимого и грозного хищника, и разумного человека, вернувшись к древней идее единства природы и человека, и, в конечном счете, лучше понять, что же это такое – человек.

Обычно воины в качестве своего покровителя избирали сильных, воинственных животных-хищников: волк, медведь, собака, ягуар, леопард, лев, орел, сокол, ястреб, сова... согласуясь с ореолом распространения этих животных. Воины часто считали именно этих животных священными, общались с ними, молились, просили покровительства, а при необходимости и просто «превращались» в них, «приобретая» силу, ловкость, свирепость этих зверей. В психотерапии это называется «образная мобилизация внутренних ресурсов».

В колдовской и целительской практике также обращались к животным, причем не столько сильным, сколько мудрым: ворон, филин, змея, кошка и опять же – волк, медведь, собака, поскольку знахари также считались воителями со злой силой.

«Волк-пес» является стражем подземного мира и проводником в царстве умерших, т.е. посредником между миром живых и мертвых. С момента «облачения в волчью шкуру» воин был уже не человеком, а хищником и был обязан жить «волчьей жизнью». Он становился жестоким, непобедимым воином, охваченным неистовой яростью в бою, а также, находясь в особом воинском коллективе – своеобразной «волчьей стае», – жил по правилам этой воинской стаи, а не обычных людей.

В славянской мифологии волк тесно связан с собакой. В славянских поверьях волки находятся в подчинении лешего, который кормит и командует ими, как «своими собаками». У гуцулов волки – «собаки мужских и женских лесных духов». Очевидно, когда-то воинами-волками повелевали их вожди-жрецы.

Волк почитался как тотемный предок и родоначальник племени. В древних мифах вождь племени часто выступает в образе волка или обладает способностью превращаться в волка.

Покровителем волков у крещеных славян считался святой Егорий (Георгий, Григорий), который накануне Юрьева дня собирает волков и ездит на них верхом («русский волк – Юрова собака»). Св. Георгий заменил собою в пантеоне Перуна. В языческие времена образ громовержца представляли в сопровождении двух волков, считавшихся его хортами (псами). У славян же используются заговоры, обращенные к лешему, к святым – повелителям волков, с тем чтобы они уняли «волков-псов».

Во время инициаций часто божество-покровитель у славян выступало в ипостаси Железного Волка, как и у некоторых родственных славянам народов, например, у иранцев. О волчьей ипостаси божества-покровителя свидетельствуют и восточнославянские сказки, в которых Волк заменяет Змея. В связи с этим следует указать, что в мифологии индоевропейских, в том числе славянских, народов образы Змея и Волка взаимозаменяемы.

Вместе с тем у некоторых славянских племен или общин, очевидно, параллельно бытовало и ритуальное перерождение в медведей, хотя оно и было менее распространено.

Ритуал «превращения» человека в зверя включал надевание звериной шкуры, особые экзотические танцы, а также употребление особых веществ, создававших у иницируемых эффект такого перерождения. В частности, алкоголь применяли запорожские казаки при своих посвящениях.

У славян наблюдается сходство быличек о волке-оборотне и собаке-оборотне, аналогичны обереги от волков и собак. В славянском фольклоре были распространены представления о попеременном превращении людей то в волков, то в собак. Известны сказочные мотивы, в которых герой является «сыном собаки».

Пройдя обряды превращения в волков, псов или медведей, юноши становились членами «звериных» союзов, о которых подробно говорится в разделе «Воинские союзы».

Будущий воин в ходе древней славянской инициации учится перерождаться в тотемного животного и становится членом мужского союза. Проводились специальные звериные игры и испытания. Ритуальное перерождение иницируемых в волков или псов, медведей в древности было характерно для многих индоевропейских народов – в частности, для праславян, балтов, германцев, кельтов и индоиранцев.

Важно было понять состояние перехода из словесного уровня восприятия мира, то есть человеческого, в бессловесное, то есть звериное. Это умение было необходимо еще и для того, чтобы научиться отключать мышление в трудной ситуации, когда времени на обдумывание уже не было и нужно было делать то, что было единственно необходимым для выживания.

Подобные обряды, равно как и воинские, охотничьи и другие ритуальные действия, требовали от человека серьезной подготовки. Поэтому воинская подготовка становится повседневным явлением. Возникают постоянные ритуальные центры для проведения церемоний посвящения, известны их места расположения, обособляются группы лиц, ответственных за проведение церемоний посвящения, проводивших испытания.

Волка на Руси и боялись, и почитали

Посвященные наставники делали все необходимое, чтобы посвящаемый мог превысить свои возможности, обильно черпая силы и сноровку у хтонического зверя. Не удивительно, что и многие древние европейские, азиатские и американские мужские и воинские союзы называли себя волками. Знаменитый Чингисхан постоянно использовал практические приемы охоты волчьей стаи в тактике управления войсками.

Известны описания способов оборотничества: «Стоит лишь найти в лесу гладко срубленный пень, воткнуть в него с приговорами нож и перекувырнуться через него – станешь вовкудлаком. Порыскав волком, надо забежать с противной стороны пня и перекувырнуться обратно; если же нож кем-нибудь похищен, то придется оставаться перевертышом навек волком». Или: «Надо воткнуть два ножа в рот, прочитать заклинание и три раза перевернуться». «Для того чтобы обернуть другого человека, необходимо с приговором набросить на него звериную шкуру или же специальную наузу – обернутый станет человеком только тогда, когда науза истлеет. Также обернуть можно ударом палки, плети, кнута».

Разные типы оборачивания можно встретить в былинке «Волх Всеславьевич», когда Волх «об-

ворачивается» то серым волком, то ясным соколом, то гнедым туром – золотые рога, то мурашиком (муравьем). С тем же оборачиванием имеют дело и сказочные герои, к примеру, в сказке «Финист – ясный сокол», когда перо оборачивается царевичем, а царевич, ударившись о землю, – ясным соколом, или же в сказке «Бой на Калиновом мосту», когда Иван Сучкин сын оборачивается котиком, чтобы подслушать разговор змеиных жен.

Волчья символика просматривается в вольных казачьих братствах: кубанские пластуны (пешие воины) прикрепляли к своим шапкам волчьи хвосты. «Волчий след» выявляется и в донской казачьей традиции: еще в XIX в. здесь бытовали атаманские угощения для казаков, называемые «бирючьими обедами». Вместе с тем нельзя не отметить, что в целом для Дона образ волка применительно к мужским сообществам совершенно не характерен; фольклорная традиция прочно связала донского воина-казака с символом хищной птицы – сокола или орла.

Кстати, традиция в качестве важнейшего атаманского атрибута называет именно овчинную шапку-трухменку. Можно предположить, что овчина стала поздним заменителем звериной шкуры, что могло быть связано с забвением древней традиции. Можно вспомнить и конский хвост, служивший, по словам Н. Сементовского, «наиважнейшим штандартом казацкого рыцарства» и связанный с атаманской насекой. Можно вспомнить также и о таком элементе погребального инвентаря русских княжеских погребений, как туры рога, и о связи былинных богатырей с образом тура. Вполне возможно, что «волчья» стадия в обряде воинских инициаций была когда-то обязательной и предшествовала становлению воина-сокола.

Интересно, однако, что атаманская овчинка (вообще «скотий мех») выводит нас на образ все того же Чудовища-Змея-Велеса. Так, с шерстью (овечьим руном) связаны заговорные змеиные цари: «На море на Окиане, на острове Буяне стоит дуб, под тем дубом ракитовый куст, под тем кустом лежит бел камень, на том камне лежит рунцо, под тем рунцом лежит змея скорпея».

Различается значение шкуры – «съемной» личины для «подневольных» и для врожденных и «сознательных» оборотней. «Сознательные» оборотни Иван Кобылин или Волх Всеславьевич во все в такой вспомогательной «съемной» шкуре не нуждаются и в своих превращениях совершенно свободны. Так же не нуждаются в шкурках и прочих средствах для превращения и древние оборотни – способность превращения является их природной чертой, сущностной особенностью. Оборачивающиеся «подневольные», то есть околдованные помимо желания типа Царевны-лягушки, Финиста – Ясна сокола или превращенных колдунами в вовкулаков (людей-волков) людей, с уничтожением шкурки принимают свой прежний, естественный вид и освобождаются от чар. И напротив, освобождение от чар для них означает исчезновение шкурки. Это еще раз подтверждает – то, что не мило, прочным не бывает. Настоящий воин должен принимать сознательно и добровольно свою судьбу.

Иван-царевич и Серый Волк. Художник И.Я. Билибин

В качестве иллюстративного постскриптума приведем интересный отрывок из книги этнографа А. Андреева. В отрывке повествуется, как в один из вечеров автор в сопровождении знающего деда Похани и его жены отправляется в лес, где обучается от них волчьему вою. «Он вывел меня все на ту же дорогу и велел спуститься вниз. Теперь луна была точно вверху над холмом, и его фигура была хорошо освещена на взгорке. Он приподнял руку и показал, чтобы я остановился. Я встал и почувствовал, что меня охватывает легкий трепет от наползающего ночного холодка. Похання постоял немного на освещенном яркой луной взгорке меж слегка шевелящихся серебристо-черных стен деревьев и поманил меня рукой. Я медленно и спокойно пошел к нему наверх. Он не двигался, хотя словно бы стал пониже. Ничего не происходило, только вдруг у меня задрожало ядро. Я подумал, что это ночная прохлада пробрала меня, и попытался унять эту дрожь, но тут вдруг на меня обрушилась нарастающая волна жуткого волчьего воя. Я едва удержался на ногах. Идти вперед не было никакой возможности, и я замер, позабыв себя. Похання присел, пуская звук вниз по склону холма, а потом вой начал подниматься вверх, в небо, и у меня пришло ощущение, что я словно поднимаюсь вместе с ним, а пригорок уходит из-под ног. Я хотел понять это, хотел включить пропавший разум и начал бороться с охватившим меня страхом. Но в этот миг тьма словно взорвалась там, где стоял Похання, и он исчез. Просто пропал из глаз. А в следующий миг дорога была пуста и залита лунным светом. Кроме Похани, все было по-прежнему: и холм, и деревья, и луна вверху... даже вой все еще звучал каким-то образом в пространстве! И он звучал, пока... у меня хватало

воздуха. Только тогда я понял, что это мой вой! Почему-то я знал, что должен довести его до конца, удержал в этот раз колебания и из последних сил закончил, как учила тетя Катя. Потом мы с ней еще посидели в молчании у костра, слушая, как со всех концов мира лают и воют деревенские собаки, и, так и не дождавшись Похани, побрели домой, дымя головешками».

В связи с ролью волков (уничтожающих по велению Бога нечистую силу) в русской истории упоминаются опричники Ивана Грозного, называвшие себя государевы псы, с их «песьеголовой» символикой и клятвой «грызть» изменников и врагов.

Опричники. Художник М.И. Авилов

Недаром в русских волшебных сказках именно волк помогает Ивану-царевичу добыть для себя счастье.

ВОИНСКИЕ СОЮЗЫ: ДРЕВНИЕ БРАТСТВА, ДРУЖИНЫ, АРТЕЛИ, ШКОЛЫ

*И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...
А. Блок*

МЕЖПЛЕМЕННЫЕ СОЮЗЫ

История мужских воинских союзов уходит своими корнями в глубокую древность. Некоторые исследователи относят их возникновение к временам неолита, когда отдельные племена перешли к оседлому образу жизни. Для защиты собственности из племени выделяется группа людей, служащая ядром для формирования в дальнейшем воинского сообщества.

Воинские межплеменные союзы – характерная особенность организации индоевропейских народов в догосударственный период. Тацит пишет о межплеменных воинских группах «собакоголовых» у германцев, у древних ирландцев существовали «фении», отмечены союзы у иранцев и скифов. У сарматов женщины-воины были примером женских межплеменных воинских союзов, так как сохранялись многие черты матриархата. По законам сарматов для того, чтобы вступить в

брак, девушке необходимо было представить доказательство своей зрелости – отрубленную голову врага... Конечно же, существовали воинские объединения и у славянских племен.

Кроме воинского товарищества представителей одного роду-племени и временных (на время войны) союзов воинов близких племен, существовали и профессиональные межплеменные объединения, куда входили воины, посвятившие себя служению богам войны, и изгои, совершившие какие-то проступки в своем племени (скажем, убийство, за которое не смогли заплатить виру, или не желающие трудиться и выполнять приказы старейшин) и которые готовы были в товариществе таких же отчаянных людей найти новую семью. Существовали и тайные союзы, которые исподволь направляли дела племени в нужном направлении, хотя племя могло быть недовольно двойной жизнью этих воинов-оборотней. Межплеменные объединения воинов были независимы от племен, из которых выходили их члены, но поддерживали с ними связь, оказывали помощь в военных действиях, за что им предоставлялись территория для проживания, пища и ремесленные изделия. И в дальнейшем профессиональные воины старались жить обособленно от «мирного» населения, по своим законам верности и чести.

Древнейшие воинские союзы носили тайный и мистический характер, поскольку воины участвовали в сражениях, убивали и проливали кровь. Считалось, что человек, убивший любое живое существо, и в особенности другого человека, делают проходимым для мстительной нечисти барьер между мирами умерших и живых. Повреждение это затягивается в течение какого-то времени, и кто знает, какие злые силы успеют сквозь нее проскочить. Не говоря уже о душах погубленных врагов, которые постараются всячески отомстить убийце, а заодно и всем, кто окажется поблизости. Одним словом, человек, совершивший убийство, пусть даже в бою, сражаясь за «своих», объявлялся «нечистым» и должен был пройти определенный карантин, совершить очистительные обряды перед тем, как быть допущенным в нормальное общество.

Все эти причины вынуждали воинов селиться отдельно, в особых домах (в наши дни – в казармах), куда посторонние не допускались. Археологами было раскопано много древних укреплений, и все данные говорят о том, что жизнь в этих крепостях была организована как раз по принципам профессионально-мистического воинского братства.

В период Великого переселения народов (и даже раньше) начали возникать международные коалиции (пример – коалиция Аттилы). В киевский период на службу к Рюриковичам переходили целые племена тюрок (торки, половцы, черные клобуки...), они расселялись на окраинах Киевской державы компактно, с условием несения пограничной службы (в статусе воинских союзов). Шло взаимопроникновение военных культур, что привело в результате к возникновению в Евразии единой межнациональной «дружинной культуры»...

«ЗВЕРИНЫЕ» СОЮЗЫ

Воинские сообщества почти всегда окружались ореолом силы и таинственности. Чтобы попасть в них, необходимо было пройти определенные ступени обучения, испытания и посвящения (инициации), подробно описанные в соответствующей главе.

Посвящение в мужчин-воинов происходило через определенные ступени. Благодаря общей цели – стать полноправным членом племени (общины) и постоянным испытаниям со стороны взрослых и старшей молодежи группа посвящаемых приобретала сплоченность и готовилась к прохождению обрядов инициации. Пройдя эти обряды, они становились членами объединения старших юношей, а затем – взрослых мужчин.

Исследователи полагают, что индоевропейские народы разделяли общую систему верований и ритуалов, характерную для воинских братств молодых людей. Главными занятиями членов молодежных союзов были: охота, добыча пропитания, состязания с соперниками из другого союза, ловкое воровство, а также обучение у старых охотников-воинов. Часто эти действия проходили в форме ритуалов и игр.

Одним из важнейших моментов юношеской инициации было ритуальное перерождение в темных животных, после чего молодые люди становились членами соответствующих союзов. В традиции воинского тайнопосвящения, кроме основных тотемов, волка и медведя, могли существовать и другие: на западных землях – культ вепря, схожий с верованиями германцев, на северо-восточных – уподобление лосю или рыси. Медведь отличается грузной мощью, но не нападает на лесных соседей почем зря. Волк, как правило, живет в стае; в природе он умен и жесток, но строго

соблюдает правила своей стаи. Волк всегда тщательно подготавливает свою атаку и атакует наверняка. Если волк загнан в угол, то дерется «до последнего». В кровожадности волку нет равных: если волк залезает в овчарню, то, как правило, он режет всех, до последнего ягненка. Рысь в живой природе выживает там, где не могут выжить медведь и волк. Она может долго не давать себя обнаружить, но атака ее для врага внезапна, в случае невозможности одолеть противника рысь покидает «поле боя» и быстро уходит, дабы сохранить свою жизнь и силы до следующей, более удачной охоты. Вепрь знаменит своей свирепостью и неумолимостью действий, всегда доводит дело до конца. Лось является древнейшим тотемом у народов леса и лесостепи, знаменуя собой силу, подвижность и благородство.

Рысь выживает там, где не могут выжить волк и медведь

Известно, что многие повадки и приемы, которые подсматривали на охоте воины за животными, использовались в ратном деле (например, существуют приемы: «волчья поступь» или «медвежий» удар оплеухой)... Избирая своим тотемом определенного зверя, молодые воины перенимали и повадки его в зависимости от обстоятельств окружающего мира. Вполне возможно, что в племени одновременно существовало несколько молодежных союзов, куда определяли юношей по наклонностям и возможностям. Союзы соревновались между собой, а в дальнейшем выполняли определенную военную работу: «рыси» участвовали в разведке и скрытых рейдах в лесу; «волки» становились основной частью войска, не знающей усталости и страха; «медведи» составляли ударную группу силачей, основной задачей которых были участие в поединках и подтверждение богатырского статуса дружины; «вепри» проламывали строй противника и неумолимо добивались своего...

Все дееспособные подростки общины (племени, рода) в период приобщения к миру взрослых жили «по-волчьи», отдельно от прочих сородичей, обучались войне и охоте, шли в бой в первых рядах племенного ополчения и считались принадлежащими не общине, а воинскому братству и грозным богам. «Волчьи союзы» полноценно сохранялись у славян до VII века, пока господствовала подсечная система земледелия, а потом, надо думать, эти объединения подростков стали играть меньшую роль в связи со сменой типа хозяйствования на пашенное и переложное земледелие и усиление товарообмена между племенами, когда понадобилась постоянная рабочая сила. Остатки этих обрядов сохранялись еще долгое время в общинном воинстве, преобразуясь в малую кня-

жескую дружину в профессиональном воинстве.

«Воинские союзы» подростков отразились в фольклоре славян. Например, в образах мертвой царевны и семи богатырей, учеников колдуна (на семь лет), скитаниях по лесам младшего царевича Ивана...

ДРУЖИНЫ И БРАТСТВА

Воинский союз предполагает разрыв с прежней семьей (общиной) и образование новой семьи на основе воинского братства, позднее нашедшего свое выражение в таких воинских объединениях, как княжеские дружины, рыцарские ордена, казачьи станицы, разбойничьи вольницы. Следы этих организаций этнографы отмечали еще в начале XX в. у большей части европейских народов, к примеру – артели кулачных бойцов и казачьи товарищества.

В основе воинских союзов лежит архетип древней родовой формы общества восточных славян. Не случайно в большинстве воинских союзов члены групп находятся в ритуальном родстве. Перечислим наиболее известные воинские объединения язычества и Руси периода Средневековья:

1. Древние храмовые и тайные объединения.

Очевидно, в языческие времена были и союзы воинов-жрецов, объединенных вокруг тотемов змеи и быка как наиболее древних символов плодородия. В мифологии славянских народов в качестве божества-покровителя выступают образы Змея и Волка, часто заменяющие друг друга. Кроме того, в мифах и религиях различных народов волк связан с конем и солнцем. Он является спутником божества – Солнца (недаром солнечные символы изображали на щитах древнеславянские воины), иногда заменяя ему коня.

Вспомним о существовании города Аркона на Балтике, в котором находился священный для всех русо-славян храм Свентовида, куда приносили дары со всех славянских земель. При храме Свентовида находились триста рыкарей (рыцарей), которые охраняли храм, наводили ужас и утихомиривали многих воинственных обитателей побережья Балтики. Такими же воинами был славен и храм Радогоста в городе Ретра.

Легенды рассказывают о существовании сообщества особых храмовых ведунов-ратоборцев братства Симурана (Симуран – Крылатый пес бога Семаргла, верховного Огнебога). В виде Симурана Семаргл кружил над полем боя, собирая души погибших воинов, доставляя их в Ирий, в чертоги Перуновы.

Семаргл под именами Радогоста или Волха (Огненного волка) у славян занимал место Бога воинской доблести, Бога праведных войн в славянском языческом пантеоне.

В связи с этим можно вспомнить образ Серого волка в более поздних православных народных сказках, помогавшего богатырю дойти до поставленной перед ним благородной цели, выручавшего богатыря из разных бед и передряг...

С приходом христианства храмовые ратники, как и прочие хранители старой веры, были поставлены вне закона и вынуждены были скрываться или растворяться среди остального населения, внешне стараясь ничем не отличаться от прочих, окружающих их людей. По сути, они превратились в особую группу в обществе, не признающее большинства норм законной власти, подчиняющееся только своим вождям-жрецам, сохранявшим старую веру. По одной из легенд, они организовались в сообщества волкодлаков (людей-оборотней) и выработали свою структуру и формы поведения, наиболее подходящие для их целей и выживания.

«В старые времена волкодлаков называли Божьими Псами, потому что сам бог их очень любил. За это волки каждое утро ему молились в условленном месте».

Выдержки судебных протоколов процессов против ведьм и волкодлаков XVI – XVII веков, проходивших в Прибалтике (перевод Страуберса и Земзариса): «Между Литвой, Жемантией и Курляндией есть стена в руинах старого замка, где раз в год собираются несколько тысяч волкодлаков и проверяют свою ловкость... Среди них есть и дворяне... У волкодлаков, как и у волков, были свои предводители, которых знали все. Они заботились о своих подчиненных, давали им инструкции: где добыча, где и как опять стать людьми... Волкодлаки понимали язык зверей, но сами говорить на нем не могли. Ими, как и волками, руководил вождь – “лесной отец”. Без его ведома никто не смел даже мышью тронуть... Кто хочет стать волкодлаком, должен до восхода солнца в день Яниса (летнее солнцестояние – Купало) идти в лес, найти павший дуб, воткнуть два ножа, раздеться голым и сделать три кувырка между лезвий... В разное время года они питались по-разному, и не

всегда мясом... Иногда волкодакам нельзя было есть мясо. Один месяц они питались сладким хлебом, что падает с неба, на другой месяц только ветер глотали...»

Возникновение явных и тайных объединений взрослых воинов было связано с богами, к примеру – «Братство Перуна», о котором упоминается в некоторых литературных источниках. Дохристианские «Братства Перуна», объединяющие воинов, были весьма распространены и сохранялись дольше всего в Новгороде, о степени военной подготовки братства свидетельствуют «Великая дидактика» Яна Амоса Коменского (XVI в.) и орденские летописи.

Считалось, что к подобным языческим объединениям относились многие герои сказаний. Это и Олег Темный, возглавивший в XIV – XV вв. пиратскую республику на Балтике. Это – братство Кудияров, существовавшее на протяжении четырехсот лет. Это знаменитый на Украине и чтимый казачеством Иван Серко – Козак Мамай, умеющий заколдовывать врагов и пули, ставший национальным героем казачества.

2. Княжеская дружина.

Еще до начала активного использования Балтийско-Днепровского пути «из варяг в греки», происходит становление дружинного строя – «дружины-братства», сменившейся впоследствии княжеской, феодальной дружиной.

Княжеская дружина оформилась в эпоху складывания Древнерусского государства в X – XI вв. Именно тогда сложились возможности для того, чтобы подходящие люди, отрываясь от своих общин, сплачивались вокруг военного вождя, создавая межнациональную дружинную культуру, что подтверждается богатым археологическим материалом.

Портрет Ивана Серко. Художник И.И. Репин

В «старшую» дружину входят богатые и влиятельные бояре, военачальники, знатные воины и «дядьки», воспитывающие отроков из «младшей» дружины.

Младшая дружина набиралась с отроческих лет (с 10 – 12) и выполняла вначале роль прислужников, в военное время – воинов, а затем постепенно занимала место старшей дружины.

Ратное дело, как и всякая профессия в то время, было делом потомственным. Род был самой

первой и самой живучей формой общественной организации. Человек не мыслил себя иначе как в роду, поэтому очень желал, чтобы рядом по-прежнему были, хотя бы и названные, отец, дядья и братья, готовые прийти на помощь. Старшие дружинники – *дядьки*. Им подчиняется младшая дружина – *отроки (дети)*. Князь – «отец родной», глава князей воинской семьи. Во всех этих случаях подчиненность и отношения описываются в терминах родства. Дядька понимался в этом деле не как родственник, а как наставник боевого искусства и правильной жизни в целом, по отношению к которому все молодые люди рода являлись племянниками и сынками. Между собой молодые люди объявлялись братьями, отцом-командиром же являлся вождь или в дальнейшем – князь. Членов дружины летописи именуют еще «чадью», то есть в буквальном переводе «детьми» князя. Воинов князя Василька, например, так и называют «васильковичами», не имея в виду прямое родство.

В дружинах подготовка носила комплексный, прикладной характер. Воинов обучали верховой езде, стрельбе из лука, владению копьем, мечом, секирой и другими видами оружия. Одной из форм обучения были и воинские обряды, например, поминальные игрища, которые устраивались на курганах при погребении товарищей (тризна). Помимо тризны и общих календарных праздников, дружина участвовала в кулачных боях на княжеских потехах. Видимо, до определенного возраста кулачки и борьба были основной формой воинского обучения младшей дружины.

Воинская подготовка дружинников была весьма серьезной. Из летописей видно, что при усобицах против одного дружинника выставляли 10 – 20 ополченцев, которые тоже не впервые оружие в руках держали.

Князь использовал дружину в своих целях (для войны и устрашения соседей, для удержания общины в повиновении), содержал ее и набирал новичков, прежде всего из среды потомственных воинов.

Считается, что высшая школа боя когда-то была присуща боярству – потомственным профессиональным воинам. Интересно, что князья и бояре Киевской Руси (а после – казачество), как и древнеиндийские кшатрии, носили чуб – символ своей касты. Бояре в боеспособном возрасте обязательно участвовали в текущих войнах.

Князь Мстислав Удалой ведет новгородцев на битву с суздальцами. Художник Н.А. Кошелев

3. Ратники-ополченцы, «вои», набираемые из простого люда. Мужчины-воины не по профессии, а по необходимости совмещали мирный и ратный труд и объединялись по всей Руси в само-

действующие полувоенные организации, защищающие свой род и населенный пункт. Вначале они были полностью самостоятельные (пока от города, князя и соседей помощи дождешься...), но постепенно эти организации стали подчиняться князю и профессиональной княжеской дружине. Эта была так называемая тысячная организация, когда воины древнерусских племен и земель объединялись в десятки, сотни и тысячи во главе с десятскими, сотскими и тысяцкими.

Когда-то эти объединения народных воинов были значимой преградой для небольших отрядов хищных кочевников и разбойников, а также отрезвляющим фактором для неумных княжеских и посадских сборщиков дани-оброка. И в дальнейшем эти организации вкупе с ватагами «справедливых» разбойников становились основой для крестьянских бунтов, периодически потрясавших основы царской власти, а поэтому сила эта постепенно уничтожалась центральной властью.

Отголосками существования «первичных ячеек» воинских народных союзов стали бойцовские артели-ватаги (см. дальше), существовавшие на селе почти до середины XX в.

4. Казачий круг.

Это сообщество свободных казаков, усаживающихся в круг вокруг огня (коша) с кошевым атаманом во главе.

Запорожская Сечь, как и Донское казачество, была межнациональным воинским «товариществом», имеющим в своем начале в том числе воинскую культуру бродников.

Запорожцы. Гравюра XIX в.

Более двух столетий (с середины XVI в. до 1775 г.) в низовьях Днепра действовала регулярная военная организация с независимой политикой, с которой приходилось считаться управителям Украины и их соседям: Польше, Турции, Крыму, Литве Молдавии и России. Запорожская Сечь была создана, прежде всего для борьбы с «поляцким гнетом».

Ряды запорожцев пополнялись за счет притока соискателей не только с земель Малой и Червонной Руси, но и из многих других стран Восточной и даже Западной Европы. В какой-то мере

Сечь существовала на уровне интернациональной воинской корпорации, полумонашеского ордена (с обетом безбрачия и повиновением особым правилам), что не позволяло казакам скатиться до положения простой разбойничьей вольницы. Образ «лыцаря»-запорожца лег в основу народного идеала свободного воина.

Запорожская Сечь стала своеобразным хранителем «волчьего» культа. «Само звание и прозвище “атаман”, имеет волчье-собачью этимологию и является одним из наиболее распространенных в Украине собачьих имен» (Балушок, 1996). Остров Хортица, на котором расположилась изначально Запорожская Сечь, был древним культовым местом, он был упомянут Константином Багрянородным как остров св. Григория. Он же сообщает, что когда россы, спускаясь вниз по Днепру, минуют последний порог, то на этом острове совершают жертвоприношения, связанные ритуалом с дубом, стрелами, принесением в жертву животных (Константин Багрянородный, 1991).

В отличие от рыцарских западных орденов, принявших форму строительного цеха, Запорожская Сечь, как и Донское казачество, имела структуру пастушьего кочевья, как это было у скифских племен и у современников казачества – янычар, что выражалось в командной структуре и в соответствующей атрибутике.

Глава казачьего общества – *атаман-отаман*, он же батька. Этимология слова «отаман» – «ота» по-тюркски «отец», единый корень в русском слове «отец», «тата». Обращение, принятое друг к другу у казаков, – «братцы», «братья».

Само название главной ставки Запорожья – Кош, родственно тюркскому «кхош» – «укрепленный табор». Наиболее сведущий пастух становился начальником пастухов объединенного стада и получал при этом титул одамана, у казаков – атамана.

5. Монастырские братства и церковные приходы.

После Крещения Руси стало появляться и «воинство Христово» – монашество. В древние времена после Крещения Руси монастыри на Руси играли значительную роль. Это были мощные религиозно-культурные и просветительские центры. Там писались летописи, церковная литература. Здесь сберегались древние сокровища и церковные реликвии.

С возникновением и упрочением христианства и монастырей боевые традиции приобретают и монахи. Как известно, монахами были Пересвет и Ослябя, посланные Сергием Радонежским на поле Куликово. Многие профессиональные дружинники и бояре (как тот же Пересвет), постригаясь в монашество для замаливания грехов, могли при нужде организовать оборону монастыря. Сохранять воинский дух им помогали кулачные бои, в которых, по описанию современников, часто принимали участие семинаристы и священники.

Поединок Пересвета с Челубеем. Художник М.И. Авилов

Глава церковного прихода был одним из инициаторов созыва народного ополчения, нередко

представители духовенства и сами брались за оружие. Духовный руководитель в монастыре и в приходе назывался «батюшка», кормящий своих чад (детей) пищей духовной. Внутри монастыря и прихода принято обращение друг к другу – «братья и сестры» во Христе, к старшим по возрасту и положению – «отец и матушка».

6. Братчины ушкуйников.

Традиции межплеменных союзов ярко проявились в период Средневековья в Новгородской, Тверской и Псковской землях, где сформировался «ушкуйно-вольничий боевой уклад общинной культуры» в XIV – XV вв.

Ушкуйник – повольник, вольный человек, совершающий набеги с вооруженной дружиной и промышляющий на ушкуях (новгородские лодки особого типа, длинные и легкие, приспособленные к речному плаванию и перетаскиванию по суше). В этих лодках «охочие» новгородские молодцы на свой страх и риск («без слова новгородского») ходили в «лихие» походы.

Значительную роль в движении ушкуйников играли дружинники, купцы и свободолюбивые новгородские низы, в том числе и шильники.

Оборона Троице-Сергиевой лавры. Художник С.Д. Милорадович

Шильники – первоначально название ремесленной специальности. Потом так стали называть в Новгороде различного рода подозрительных людей: плутов, мошенников, бродяг, которых надо было куда-то деть. Вполне возможно, что оных полупринудительно отправляли в ушкуйные походы, чтобы избавиться от их присутствия.

Устойчивые религиозно-военные союзы ушкуйников-повольников называются «братчины» (пример – «братчина Никольщина» в Новгороде). Новгородские былины сохранили описание многих черт артельного уклада воинов и мирных людей (например, про Илью Муромца в содружестве с Добрыней Никитичем и Алешой Поповичем, «Василий Буслаев», «Костя Новоторжанин и атама-ны» и др.).

Новгородские ушкуйники осваивали побережье Студеного моря, большие реки севера и востока Руси. Организовывались вооруженные дружины и братчины, которые отправлялись наказывать обидчиков, торговать, захватывать земли, грабить суда на Волге и других реках.

В XIV столетии ушкуйники совершили ряд победоносных походов на Волгу, взяли ряд городов, вплоть до столицы Золотой Орды – Сарая, но закрепиться на Волге не смогли. Ханы Золотой Орды жаловались на них московским князьям, а те требовали с Новгорода возмещения убытков в пользу обиженных.

Об организованности части ушкуйников говорит тот факт, что именно они организовали своеобразную Вятскую республику, напоминающую по устройству сам Новгород. Вятский край исторически сформировался в глухих лесах северо-востока Европейской России. Он являлся связу-

ющим звеном между Севером и Поволжьем, между центром страны и Уралом. В XI – XIII вв. южные удмурты и горные марийцы стали подданными Волжской Булгарии, и в это же время начались и в дальнейшем усилились русское проникновение и обустройство. Новгородцы-ушкуйники перемещались по рекам Моломе и Вятке. При слиянии рек Хлыновицы и Вятки был построен кремль с земляным валом и рвами, названный Хлынов. Отсюда и город назывался – Хлынов, хотя чаще употреблялось более древнее название – Вятка. Несмотря на то что право владения Вятской землей в разное время переходило в разные руки (булгары, суздальские, нижегородские, галицкие князья и московские власти), вятчане с подачи новгородцев пользовались выборным правлением. Политическое устройство более походило на вечевую республику. Это была своеобразная «лесная вольница». В таких условиях шло взаимообогащение языков, этносов, традиций.

Вятский край – связующее звено между Севером и Поволжьем

Московская политика централизации Российского государства и экспансия по отношению к северо-западным княжествам постепенно разрушали устоявшийся ушкуйно-повольничий уклад боевой общинной культуры Новгородской, Вятской, Тверской, Псковской, Вологодской и части Смоленской территорий. К XV в. ушкуйные походы практически прекратились. Начинается медленное переселение вольного люда подальше от Московского государства. Считается, что по этой же причине совершается сибирский поход Ермака Тимофеевича, причем значительная часть его атаманов происходили с верхней Волги и из новгородских земель. По убеждению М.В. Ломоносова и А.Н. Радищева, главная заслуга в освоении Сибири принадлежала казакам и поморам.

С укреплением Московского государства в боевых товариществах и в родовой дружине произошли изменения. Часть носителей этих воинских культур участвовали в формировании наиболее родственной культуры казаков Дона, Черноморья и Кубани, Урала и Сибири. Оставшееся же на исконных территориях обитания мужское население продолжало трудиться, а для мужицких боевых потех создавались деревенские артели (ватаги, шайки) кулачных бойцов.

7. Разбойничьи союзы и шайки.

сар

Ермак Тимофеевич – покоритель Сибири. Лубок

История русских разбойников древняя и многослойная, еще с набегов совместно с кочевыми союзниками (скифами, сарматами, гуннами, аланами), а затем и с европейскими готами и викингами на южные империи греков и римлян, на страны Европы и Азии. Особенно преуспели в этом деле казаки, которые самой судьбой были поставлены на пограничье Руси для защиты и кормления. На северном порубежье тем же занимались ватаги лихих ушкуйников, которые затем также ушли в казаки, завоевывать для русского царя Сибирь.

Поначалу грабили чужих («ходили») в чужие города и страны). Привыкнув к разбою, начинали грабить и своих: московских и прочих купцов, а то и любого другого. Против таких «лихих людей» посылали карательные экспедиции, ловили, наказывали, казнили, но оставшиеся в живых уходили все дальше в леса, а затем возвращались с новыми силами, поскольку обиженных и обездоленных на Руси хватало всегда.

После народных бунтов под руководством «вольных» казаков под руководством Разина и Пугачева разбойничья вольница стала мельчать, обосновываясь и на кочевых границах России, и уже все чаще в лесах, вблизи больших дорог. Менялся и тип разбойника. Из семейного, «станичного» он становился уже не народным мстителем, а душегубом и грабителем, правда, частично сохраняя древнее правило – грабить преимущественно жестоких и богатых, не убивать без нужды.

Большие разбойничьи ватаги почти повторяли казачью структуру, но без таких строгих правил, как у казаков, что не давало возможности им долго существовать. Первоначальный облик и обычай казака сохранялись и в названии вожаков: «атаман», «есаул», и в их выборности, и в форме дележа добычи, в способах нападения. И даже была своя поэзия, сохраняющая дух непокорной вольности и силы.

*За Уралом, за рекой
Казаки гуляют,
Они всю-то ночь не спят,
В поле разъезжают.
Казаки не простаки,
Славные ребята,
На них шапки-тумаки,
Все живут богато.
Как сибирские купцы
Едут с соболями,
А мы, хваты-молодцы,
Налетим орлами,
Всю добычу разнесем,*

*Сядем, попируем,
Бражнй ковш пойдет вокруг,
Все горе забудем.*

В «разбойнички» уходили и представители любых иных артелей и воинских объединений, не могущие найти себе место в жизни «мирной». Постепенно сложилась целая структура «воровского мира» со своим языком, традициями и законами.

АРТЕЛИ И ВАТАГИ

Можно сказать, что артельность – сущность русского общества, соборное устремление русского народа к Арте – Правде и Порядку.

Еще одна теория происхождения слова «артель». «Тель» – по-русски «тело», это то, что наполняет материя. «Тельный» – значит «имеющий материю». «Артель» – тело Ра (Бога).

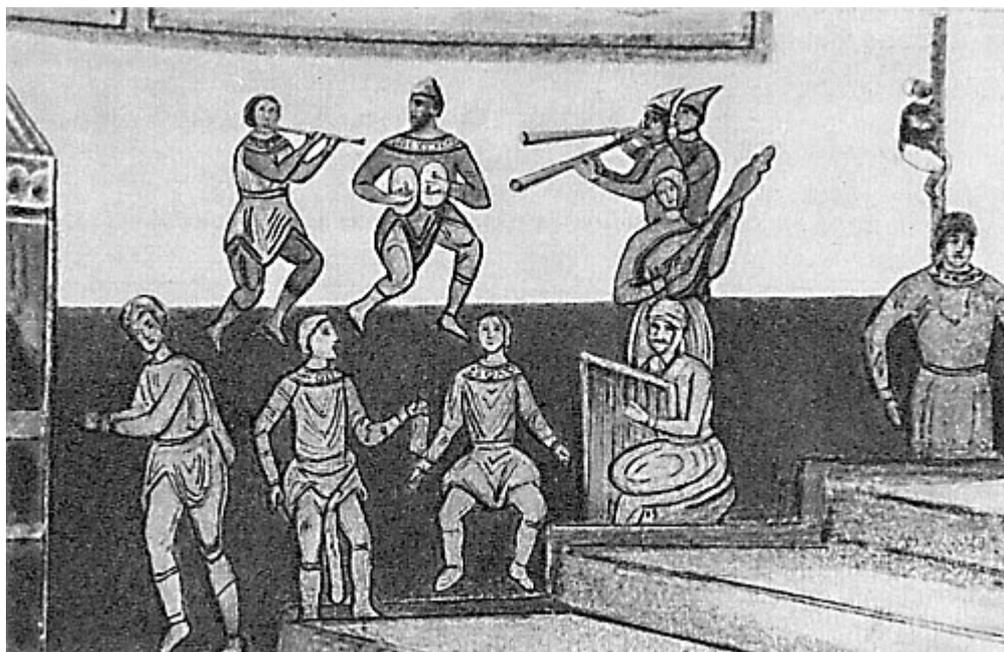
По В. Далю, слова *артель* и *рота* происходят от одного древнего слова *ротитися* (*клясться, присягать*) и обозначают *товарищество, братство, дружина, община, ватага, шайка, скопище народа...*

Можно перечислить следующие артели непрофессиональных воителей «по случаю» из бытовавших на Руси как в Средневековье, так и в поздние времена, взяв за основу систематику Г.Н. Базлова:

1. Артели паломников, которым приходилось быть и воинами, как в былине «Сорок калик со каликою». Эти объединения возникали временно (как, например, паломничество Аники-воина, Василия Буслаева и др.) для совершения паломничества и потом распались. Вероятно, дружины каликов, среди которых было много калек – инвалидов войн, были еще и неким звеном, связывающим воинские и религиозные общины в единую социальную структуру, сохраняющим традиции и способствующим «отмыванию» грехов действующего и отставного воинства.

2. Скоморошьи ватаги, как в былине «Вавила и скоморохи». Скоморохи скоморошничали обычно в составе ватаги. Как и всякие «люди дороги», они умели обороняться от «лихих людей», тем более что скоморохи несут древние традиции «ходячего» волховства (потомков переходящих жрецов плодородия), имеющего и «особые знания» по боевому колдовству.

Скоморохи всегда были людьми вне закона: независимые, с собственным мировоззрением, недаром напоминающим язычество. Известно, что на Москве скоморохи вполне законно промышляли как наемные бойцы в судебных поединках. Недаром чуть не в каждой былине богатыри или оборачиваются, приходя на пир, скоморохами, или ведут себя соответственно им.

Скоморохи. Фреска из собора Св. Софии

Иногда ватаги скоморохов и тех, кто называл себя скоморохами с примкнувшими к ним, занимались воровством и разбоем. На разбой многих людей, в том числе и скоморохов, толкали государство и церковное преследование: «...у которого сотского в его сотской выймут скомороха или волхва или бабу-ворожею... на том сотском... взяти пени десять рублей денег, а скомороха бив да ограбив, выбита из волости вон, а прохожих скоморохов в волость не пущать!» (Приговорная грамота Троице-Сергиева монастыря, 1555 год.)

Существовали «сидячие», «бродячие» и «походные» скоморохи. Скоморох Ондрушка Тимофеев, скоморох с сыном Галактионом, родом из Смоленска, сопровождал в походах князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского – героя Смутного времени. Помимо развлечения князя и дружины, исполнения старинных и героических песен, призванных поднять боевой дух воинов, очевидно, «походные скоморохи» участвовали в тризнах по погибшим воям, веселили уцелевших, пели героические песни для поднятия духа и подавали звуковые сигналы для руководства войсками.

3. Всевозможные профессиональные артели, в том числе: нищих, воров, музыкантов, плотников и других ремесленников, офеней и других торговцев...

Так, у Мискина Р.В. в статье «Кобзари и лирники – тайное братство, тайный язык...» мы можем узнать: «Народные лирники и кобзари объединялись в организации с особым устройством, своеобразной системой обрядов вступления новых членов, условиями их подготовки, обучением и особенностями поведения. Эти организации назывались кобзарскими (лирницкими) “братствами”, или “гуртами”, в которых были свои “отаманы” (предводители, атаманы), свои “сотники” и “десятники”, “суди” (судьи), “скарбники” (казначей), что полностью повторяет сечевое устройство самого запорожского братства, или Коша. Таинственность информации, которая передавалась устно, обряды посвящения, ритуальное поведение и т.д. уподобляли эти организации языческим общинам жрецов. Такими они были на ранних этапах развития. Возможно, частично с этим связан тот факт, что до конца 18 ст. почти не сохранилось сведений о кобзарях». Существовало важное воинское и сакральное значение неперемного атрибута нищенствующего кобзаря или лирника – «костура» или «костурця», т.е. дорожного посоха, который не только позволял сражаться с неприятелем, но и указывал на ранг владельца. «Помимо дорожного “костура”, кобзари и лирники умело управлялись с “махланником” (ножом), а также в кулачных боях, которые, хоть и проводились незрячими, тем не менее, по свидетельствам очевидцев, отличались большим умением и мастерством».

Кобзарь. Художник Г.И. Нарбут

4. Деревенские и городские артели кулачных бойцов, подробно описанные Г.Н. Базловым. Они также назывались «ватага», «шайка», «партия», «шараевка» или «шарага» и объединялись единой бойцовой этикой и воинской мифологией. Заметный след такого архаичного социального образования мы встречаем на северо-западе Руси, в областях традиционного проживания славянских племен кривичей и новгородских славян.

Принимаемый в боевую артель проходил испытания моральные и физические (издевательства, избиения) и получал символы принадлежности к данной группе, которыми обычно являлись растительный орнамент и эмблемы тотемного животного, что напрямую восходит к «звериным» союзам молодежи.

Наименьшим числом участников артели, способным оптимально вести бой, была группа из трех человек. Главной фигурой в ней был «надежа», который принимал на себя главный удар и служил главной «пробивной» силой группы. Его с боков и сзади прикрывали «побратейнички» («братаны»). В крупных селениях число бойцов было больше, а во главе стоял «атаман» со своими особо доверенными лицами.

Артель выполняла мобилизующую, защитную и воспитательную задачи, обеспечивала порядок внутри общины. При необходимости она могла вырастать до значительных размеров и участвовать в боевых действиях, что мы можем видеть на примерах народных бунтов или партизанщины в отечественных войнах.

В XX в., во время индустриализации страны и после выдачи паспортов крестьянам, очень многие люди уехали в города. Покидая свои родимые места и артель, люди полностью порывали с той средой, внутри которой появилась и дожила до конца второго тысячелетия архаичная культура общинного воинства, в городах же обстановка не благоприятствовала подобным образованиям, поскольку приехавшие не могли больше применять сложившиеся когда-то нормы и традиции боя, песен, плясок, верований и обрядов.

ВЫВОДЫ

Артельная форма существования характерна для русского народа. Боевая артель является одной из самых архаичных форм восточнославянских военных союзов. Она близка к своему прототипу – славянской родовой дружине и дожила в селах до середины XX в.

Усиление и разрастание артельной воинской структуры почти всегда протекали на фоне временного ослабления государственной власти в периоды «смутных времен», заменяя в какой-то мере ослабленные государственные структуры. Артельные братства способствовали сохранению в целом военных возможностей страны, что является одним из факторов сохранения целостности и естества России.

ВОИНСКИЕ УМЕНИЯ И РУКОПАШНЫЙ БОЙ

*Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой...*
М.Ю. Лермонтов

ЗНАЧЕНИЕ ВОИНСКИХ НАВЫКОВ

Искусство воинской схватки старо, как история человечества, и нет ни одного народа, который не был бы с ним знаком. Существовало оно и на Руси, почти постоянно находящейся в состоянии войны вследствие своего положения на стыке Запада и Востока, Севера и Юга. Свидетельство тому – летописи, литературные свидетельства, былины, песни, народные заговоры-обереги: «Ино будь сбережен: от топора, от пищали, от татарския пики, от стрелы каленая, от борца, от кулачного бойца».

Сегодня, когда усиливается интерес к духовному наследию наших предков и предпринимаются попытки возродить традиции русского военного умения и рукопашной схватки, полной ясности в этом вопросе нет. Данная глава представляет собой попытку сопоставления народных представлений о ратном ремесле с историческими данными и отголосками рукопашной схватки, переданных по традиции современным мастерам.

Большинство исследователей русской истории единогласно сходятся в общем мнении о существовании на Руси национальной культуры боевых единоборств, имеющей свои отличительные особенности. Возможно, даже существовал институт подготовки особых «магических» воинов, играющих в судьбе своих соплеменников роль символа божественного покровительства и воплощения священной силы рода. По сей день во многих воинских искусствах, имеющих древние корни, мы видим ритуальные движения, имеющие некий магический смысл.

Ратоборство, бой, игрища, ристания, тризна, схватка, борьба, единоборство – далеко не полный набор слов, означающих мужские боевые игры, состязания наших давних предков.

Воинское умение было частью народной жизни и помогало быть готовым в любой момент встать на защиту родной земли. Многие определяют такое понятие, как «род»: где ты родился, кто твои предки, в какой культуре воспитывался. Русские боевые системы – это лишь один из пластов, срезов русской культуры.

Мы почти не встречаем в русской письменности описания воинской подготовки древних ратоборцев – тех, кто еще до принятия христианства защищал нашу землю и отодвигал границы опасности, создав самую большую в мире державу. Почему так получилось?

Одна из причин – древнейшие устремления предков к изустной передаче сокровенных знаний, к ним относились и боевые искусства. Многому в этой области возможно обучить только на телесном уровне (показать, передать, поправить), на уровне «чувствования» и «видения».

Огромное значение имела и борьба с языческими традициями. У древних славян покровителем воинов считался грозный Перун. В его честь устраивали состязания в ратном мастерстве. На этих игрищах и служениях постепенно складывалась своя система боя, оттачивалось воинское взаимодействие, передавались традиции. Победившее христианство повело непримиримую борьбу с

языческими обрядами. Свержение Перуна поставило вне закона посвященные ему ратные игры и служения. Не касались «бесовских игрищ», как и связанных с ними воинских затей, и монахи-летописцы. Но, невзирая на запреты, многие древние воинские традиции и игры («стенка на стенку», «кулачный бой», «взятие городка») остались.

Когда-то боевое искусство явилось результатом развития внутриплеменного (брачного, состязательного, судебного) и межплеменного (захват лучших территорий для собирания, охоты и земледелия) общения, особенно при переходе от общины к государству. Это ясно видно из традиции разрешения территориальных споров.

На Руси вплоть до Куликовской битвы (1380 г.) сражение предварялось единоборством. Вот как свидетельствует Повесть временных лет: «В год 992... подъехал князь печенежский, вызвал Владимира: выпусти ты своего мужа, а я своего, и пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю, то не будем воевать три года, а если мой – то будем разорять вас три года... И удавил муж печенежина руками до смерти. И бросил оземь. Раздался крик, и побежали печенеги, и гнались за ними русские, избивая их...»

У славян-воинов, вооруженных холодным оружием, преобладала техника, получившая название сечи, когда движения воина определялись траекторией меча или сабли. Русский мужик-ополченец успешно мог использовать заостренную палку, дубину или камни, поскольку в условиях почти постоянного натиска с разных сторон было не до красивых воинских ритуалов.

Взятие снежного городка. Художник В.И. Суриков

Во все времена бой с оружием имел огромное преимущество по отношению к невооруженному единоборству, безоружный бой развивался на заре своего появления больше как угодная богам обрядовая игра, проходящая без пролития родственной крови.

Оружие являлось обязательной частью религиозных обрядов древних воинов, а танец с оружием, изображающий боевые движения, имел культовый характер и передавался как знание из поколения в поколение, сохраняя преемственность воинских традиций.

Из-за своей сложности боевое искусство не было достоянием широких народных масс. Во времена становления и укрепления государственности простолюдином, занятым работой, было просто некогда совершенствовать свои навыки боя, да им просто не позволили бы делать это профессиональные воины. Лишь в воинских союзах, дружинах и регулярной армии людям прививались навыки, необходимые для ведения боя с оружием, преподавались основы настоящего рукопашного боя. После распада первобытно-общинного строя, при созыве ополчения обычно выдавалось простейшее оружие, ополченцы обучались простейшим приемам боя, и судьба данного войска была незавидной.

Основными качествами, на которые рассчитывал русский воин той эпохи в бою, являлись ловкость, гибкость и быстрота реакции.

В период тяжелого защитного снаряжения и оружия уместными были прежде всего силовые навыки борьбы, позволяющие повредить противника через доспехи, а также – захватить противника, вывести его из равновесия, свалить на землю. Более редки были удары, так как пробить кулаком кожаные и железные доспехи во время суматохи боя вряд ли кто мог.

В дальнейшем, с появлением «огненного боя», резко меняется тактика войск, появляются новые, относительно сложные формы выучки солдат, несколько уменьшается значение контактного боя, но суть воинства остается прежней.

Необходимо различать мастерство профессиональных воинов, вооруженных смертоносным оружием, и народный рукопашный бой, существующий для поддержания боевого духа и выяснения отношений на уровне почти бытовом. Для народного ополчения характерен именно второй вид боя, хотя существовали богатыри из народа без профессиональной выучки да и сами воины-дружинники (профессионалы) не гнушались народной забавой. Чаще всего именно народные «кулачки» являлись основой для всех дальнейших достижений воинства, да и сами вооруженные вои являлись по большей части выходцами из того же самого крестьянства.

Кулачным боем наряду с оружейным умением владели многие офицеры Русской армии буквально до последних лет ее существования (до революции 1917 г.), и в настоящее время необходимо возрождение этой традиции.

Стоит также указать на некоторое различие в терминах «воинское» и «боевое» искусство. Воин и боец – не совсем одно и то же. Вообще бойцами на Руси раньше называли забойщиков скота. Боец в более позднем народном понимании – это человек, искусно владеющий кулачным боем или боем палочным. Из этих бойцов еще надо было сделать настоящих воинов.

РУКОПАШНЫЙ НАРОДНЫЙ БОЙ

В дохристианской Руси игровые бои обязательно включались в магическую обрядность, связанную с земледельческими событиями календарного года, со свадебными, похоронными и другими ритуальными действиями. Тогда, как описывал известный этнограф прошлого века И.П. Сахаров, «девицы разыгрывают хороводы, а молодцы бьются «на кулачки» и борются один на один».

Поединок был распространенным способом выяснить отношения, доказать свою невиновность, добиться чего-либо. Поединку обязательно предшествовал вызов. Отказаться от вызова – значит покрыть себя позором. Поединок являлся священнодействием, и оба участника должны были относиться к нему соответственно. Он мог проходить как со свидетелями, так и без оных, как на равном оружии, так и не очень, но чаще «среди своих» – без оружия, сохраняя жизни воинов.

Великий собиратель русского языка В. Даль так говорит о борьбе: «Борьба – усилие одолеть противника, состязание двух сил, единоборство без оружия и без побоев и драки, где противники только стараются побороть друг друга, свалить с ног... Борьба, как ристание, единоборство, различна по обычаям и условиям: русские борются либо с носка – одной рукой друг друга за ворот, а другой не хватать; либо накрест руками, через плечо и под силки и валяют через ногу, подламывают под себя и, припадая на колено, перекидывают через себя... Борец, единоборец, искусный в борьбе или питающий в ней силы... Боритель, борец, победитель, поборовший противника. Борбище, ристалище, борьба как зрелище, потеха, место, поприще борьбы...»

Борьбу, кулачный поединок можно рассматривать как форму ритуального противоборства; вид спортивной игры; характерная особенность поведения некоторых мифологических персонажей; фольклорный мотив. Ритуальные поединки между двумя сторонами, представляющими родовые, территориальные или социально-возрастные объединения, символизируют борьбу двух начал (добра и зла, зимы и лета) и совершаются, как правило, на переломе старого и нового годов, на рубеже календарных сезонов.

Существует и такое понятие, как «драка» – беспорядочные поединки вне связи с обрядовой стороной, возникающие чаще всего на бытовой почве. «Бой, битва, побоище, потасовка, схватка, рукопашная ссора, кулачная свалка» (Даль В.И.), «взаимные побои» (Ожегов С.И.).

При Ярославе Мудром появились первые профессиональные кулачные бойцы. Согласно «Русской Правде» (своду общественных законов, просуществовавшему около 600 лет), судебную тяжбу допускалось разрешать на судном поле. Спорящий либо выходил биться сам, либо выставлял родственника. Богатые, как правило, покупали бойца и нахлобучивали на него свою шапку, что означало родовую связь. Образовались целые переулки наемных бойцов, например, в Новгороде

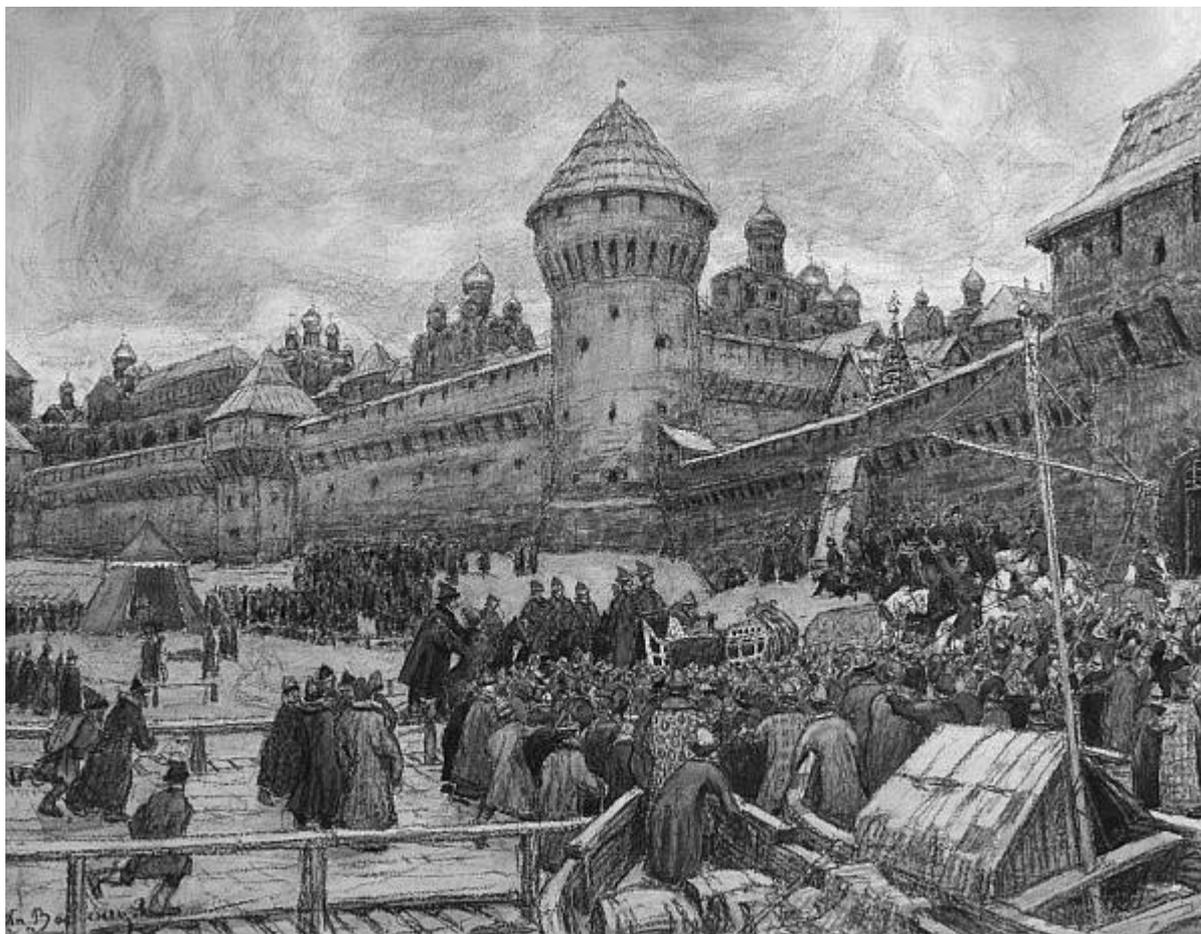
этим славился Неревской конец.

У Ключевского упоминается легенда о том, как во время Крещения Руси в Новгороде сбросили в реку идол бога Перуна. От него оторвалась щепка, которая зацепилась за Волховский мост. И именно на Волховском мосту стали биться на палках. От множества удалого народу деревянный мост постоянно рушился, и его постоянно восстанавливали за счет купцов-доброхотов, любящих эти лихие состязания.

Кулачные бои в Средние века на Руси являлись одним из способов поддержания боевого духа и подготовки воинов к сражениям. Высокий уровень подготовки русских воинов обеспечивался тем, что молодежь получала необходимую подготовку в единоборствах во время боевых игр и игрищ. Бои кулачные и палочные составляли для детей и подростков потеху, увеселение.

Мальчик, едва научившись ползать, начинал браться (бороться). После семи лет мальчики уже выходили на «затравку» перед настоящими бойцами. Далее они проходили определенные ступени «стеношных бойцов»: «выростки» (подростки во взрослой стенке); «бойцы»; «старики» (опытные бойцы); «клиновые»; «надежа-бойцы», заканчивая атаманами и «дедами», судящими бой и обучающими молодежь.

Существовали разные виды рукопашного боя: одиночные («сам на сам») – один на один, «охотничий»; «палочный бой» и групповые: «сцеплялка-свалка» (каждый среди многих за себя); «круговой» (один против всех) и наиболее организованный и сложный вид схватки – «стенка на стенку».

Старая Москва. Разъезд после кулачного боя. Художник А.М. Васнецов

Для боев «сам на сам» и «стенка на стенку» в России периода Средних веков часто использовались ножи, палки, посохи, кистени и разнообразные заначки в рукавицах. В связи с необходимостью в потешных сражениях имитировать вооруженное столкновение получили распространение специальные дубинки и шесты для кулачного боя, известные по исследованиям культуры Древнего Новгорода.

Наиболее характерным для русского общинного народа был «стеношный бой» как среди профессионального воинства (дружины, стрельцы), так и среди сельских и городских общин, хотя основной носительницей обрядов и традиций в культуре Руси была крестьянская община, она же и

донесла это древнее действо до XX в.

На Руси, несмотря на противодействие церкви молодецким потехам и забавам как отголоскам языческих времен, эти увлечения были так сильны, что в 1064 г. Московскому патриарху Иову один из его служителей сообщил, что «безместные» (т.е. без прихода, без места) попы и дьяконы собираются у Фроловского (Спасского) моста и «боролись и в кулачки бились».

Выдержка из «Оды кулачному бойцу» Ивана Баркова:

*Как тучи с тучами сперлися,
Секут огнем друг друга мрак,
Как силны вихри сорвалися,
Валят древа, туманят зрак –
Стеной так в стену ударяют,
Меж щек, сверх глав тычки сверкают.*

Часто перед боем пелись боевые песни и частушки с насмешками и угрозами.

В некоторых местах, чтобы быть признанным бойцом, нужно было обязательно владеть особым «рыком» и традиционным мужским боевым плясом, который демонстрировал силу и ловкость танцора.

Существовал общепринятый сценарий традиционного обряда кулачного боя (хотя он мог и не соблюдаться):

- подготовка к гуляньям и бою;
- начало (сбор, проход по селу под песни и пляски, подход к определенному месту встречи);
- игровая часть гулянья (танцы, песни, игры, прыгание через костер, купания и пр. действия, принятые на данном празднике, позднее встреча могла начаться прямо с боя, в некоторых случаях бой предшествовал гулянке и велся сторонами за право ее проведения);
- борьба и кулачный бой;
- замирение (в поздние времена могло отсутствовать) и «братчина» (еда, питье с разбором боя, советами, смехом и прибаутками).

Бои обычно проводили в праздничные и выходные дни на окраинах жилых мест, а зимой – чаще всего на льду, хотя часто боролись и бились не только в отведенные часы и по праздникам. «А и будет дело к вечеру, от малого до старого начали уже ребята бороться», – сказано в былинке «Василий Буслаевич и мужики новгородские».

Обычно начинали бой ребята. Часто начинались кулачные бои с «затравки»: подростки затевали «сцеплялку» или борьбу, а заканчивались «стенкой». По сигналу бросались один на другого с криком для возбуждения, нередко тут же били в бубны, гудели в свистелки, женщины для задора пели и плясали. Затем начинали биться и взрослые. Записные и надежа-бойцы стояли в отдаленности, наблюдая за бьющимися; представители каждой из противных сторон уговаривали этих бойцов перейти на их сторону, обещая им большие подарки и вина. Когда договаривались, а иногда и без договора надежа-боец, засучив рукава, налетал диким зверем, с распущенными волосами (как тут не вспомнить волколавков и берсерков) и помогал проломить противную стенку.

В таких стеношных боях отрабатывалась военная тактика, шла постоянная смена бойцов первого ряда бойцами, стоящими во втором и третьем рядах. Также отрабатывалось умение держать строй и перестраиваться по команде атамана и его помощников. Команды подавались голосом, свистом, бубном или барабаном, трещалками и дуделками. При маневрировании использовались вполне военные приемы: удар «свиньей» (клином), удар «с крыла» (флангом), отступление, мнимое отступление и т.д.

Победителем признавалась стенка, выгнавшая основную массу противника с поля боя (со льда реки – на берег, за границу, обозначенную чертой, и т.д.) или «положившая» всех или большую часть супротивных бойцов к сигналу окончания схватки.

Часто по пробитии стенки оставались на месте самые стойкие бойцы – молодцы. Они бились до упаду. Почетным считалось стоять под ударами как можно дольше. По окончании боя поклонники вели своих бойцов-победителей по улице при пении громких песен и уводили их обычно в питейный дом.

В древние времена и у казаков «ходить в стенку» для мужчины было делом обязательным. Перейдя в категорию «дедов», мужики наблюдали бой уже как советчики и судьи.

На Масленицу стеношные бои длились целую неделю, а сам бой часто длился с конца утренней службы до начала вечерней (т.е. до 6 часов). Находились богачи, одевавшие каждую из стенок на свой манер: кушаки, шапки, рукавицы – одним синие, другим красные, например.

Заключительным моментом кулачного обряда было «замирение» противников, что особенно уместно в Прощеное воскресенье на Масленицу. Завершался этот праздник определенным обрядовым действием, связанным с земледельческим календарем, с культом Солнца и культом предков. Например, в день летнего солнцеворота с горы спускали в реку горящее колесо, как символ середины года – «заката солнца». А на Масленицу (победа дня над ночью) сжигали чучело зимы и поднимали колесо на шест. Колесо – олицетворение вечного оборота в природе, Коловорот. Сохранилась поговорка: «Жил в лесу – молился колесу».

К несомненным плюсам энергосберегающего рукопашного боя можно отнести относительную простоту, особую размашистую технику ударов и защиты, основанной на силе инерции. Умение вести бой не требует больших мышечных затрат, и даже ослабленный человек способен, владея этой методикой, отбиться от незамысловатых нападающих.

Так в наши дни празднуют Масленицу

На «продвинутом» уровне не было заученных приемов. Была пластичность, причем делалось именно то, что необходимо в данный момент, подготовленное тело само выделяло то, что нужно, – это результат знания (умственного и телесного) и чувствования (видения). Была необходимость в непосредственном восприятии окружающей действительности, что позволяло мгновенно принять единственно правильное решение. Существовала и ритуализированная последовательность технических действий, связанная с древними обрядами (хороводы, пляски, бой под музыку и пение и т.д.).

Особенность традиционной пластики состоит также во взаимодействии с землей. Эта закономерность проявляется даже в том, что бой на Руси называется рукопашным. Наш народ не зря связал воедино эти первичные понятия в своем языке, а значит, в своем сознании. Пашню связывают и с душой русского человека. Недаром говорят: «Душа нараспашку»; распашнутый, распашанный – значит открытый. Русские эпические богатыри Илья Муромец и Микула Селянинович – крестьяне-пахари. Вся дружина Вольги не может «бросить сошку» Микулы за ракитовый куст.

Приемы схваток были разнообразны. Подтверждением тому служат старинные русские выражения, как, например, «Москва бьет с носка», имеется в виду удар носком ноги, широко использовавшиеся в «увечных» кулачных поединках. Интересны названия приемов: «подломить», «зало-

мить», «за плеча сграбиться», «метнуть через грудь», «взять на косу бедру», «поставить на голову», «сбить с кирпичей мост», «в кучу скласть», «сложить», которые свидетельствуют о разнообразии приемов и подходов.

Особой формой боя был бой круговой (один или немногие против остальных), который являлся общинным действием, отголоском коллективной магии. Пляска в кругу, переходящая в бой (в древние времена – имитация охоты), превратилась позже в тренировочную и боевую схватку.

Одна из разновидностей парных поединков, проводимых на Руси, получила название «охотничьи бои», для них были характерны высокие открытые стойки, отсутствие уклонов, уходов и нырков, лишь изредка использовались подсечки. Одним из главных достоинств бойца считалось умение держать удары и терпеть боль. В «охотничьих боях» преимущественно использовались удары кулаками, на которые иногда одевали рукавицы, обшитые металлическими бляхами. Решающими факторами в таком бою были сила удара, терпение и выносливость.

В различных местностях России имелись свои названия борьбы. Один из видов борьбы назывался «в схватку», «в охалку». Название этой борьбы определялось тем, что борцы захватывали друг друга «наискось», сцепляя свои руки на спине противника. В этом виде борьбы не разрешалось цеплять ногами, захватывать за одежду, разве что по взаимному уговору. Для победы надо было или прижать противника спиной к земле, а иногда даже развести руки крестом или бросить его на землю, оставаясь на ногах. Допускались схватки, позволяющие проводить любые приемы, но без увечий: «по-всякому», «на вольную». Боролись, как это было издревле принято в русских игрищах, до трех раз. По древнему обычаю, выходили «на круг», образованный зрителями.

Существовала разновидность борьбы, называемая «на щипок». В тех же песнях о Кострюке, про его схватки с братьями Калашниковыми поется: «Кто кого сможет рвать-щипать / Того рвать-щипать, до нага обдирать».

На лубочной картине XVII в. изображена ситуация, когда борцы взяли одной рукой за ворот друга, а другая рука – за спиной или свободна. Такой вид борьбы назывался «за вороток» или «об одну ручку».

В различных районах рукопашный бой назывался по-разному (у владимирцев – кружало, у псковичей – скобарь, в Твери – буза и т.д.), и в каждой местности вырабатывались свои излюбленные приемы.

В любой борьбе соблюдались общие правила, к примеру: не биться «по-увечному», не бить лежащих – и «уговоры», устанавливающие выбор ударов и продолжительность схватки непосредственно перед боем. Захваты и броски больше применялись в «сцеплялке». Удары ногами разрешались в старину в «охотничьем» и в «вольном» бою и не допускались в «стенке». Запрещались удары в пах, в спину, удары по лежащему. Тот, кто нарушал эти правила, подвергался осмеянию и общественному презрению. Если борцы, недовольные исходом схватки, начинали лезть в драку, буйнить, то их растаскивали, а сильно буйных и вязали.

Большое значение имел уговор, в котором определялся исход боя. По уговору могли бороться «на буйну голову», то есть до потери сознания. В одном из вариантов известной песни о Кострюке поется: «Они билися-рубился об своих буйных головушках».

Известен был уговор бороться «за проклад» – просто так, ради развлечения, дабы ловкость да силушку показать.

Другим видом уговора было бороться «на цветно платье», то есть в схватке оборвать, сорвать одежду у противника – «на срам пустить, честным людям на посмеяние»: «Он и цветное платье с него сшиб, / Пустил его косо-набосо».

Наряду с состязательными, «честными» приемами боя существовали и «увечные» техники, принятые не для дружеских потасовок, а для серьезных драк и войны. В таких случаях бойцы наносили удары не только руками, но и головой, и ногами. В «Оде» подчеркивается, что надежда-боец владел этой техникой боя в совершенстве. Арсенал бойцовских ударов и защит заслуживает особого внимания. 250 лет назад техника кулачного боя уже была хорошо разработана и разнообразна. В «Оде» упоминаются удары ногами, руками и головой в уязвимые части тела. Используют уклоны, сваливания, броски и толчки, а иногда и оружие: камни, гирьки, палки и ножи.

Определенный отпечаток на технику наложила русская обувь – каблучная, с острым краем, русский сапог. Носок являлся грозным оружием в «увечных» схватках, а каблук – центром вращения и главной опорой бойца.

Иногда кулачные бои превращались в массовые побоища с использованием дубинок, кисте-

ней, камней и ножей.

Были попытки запретить кулачные бои. Так, указами 1684 и 1686 годов они строго запрещались. В 1726 г. Екатерина I в своем указе попыталась смягчить и утвердить древние обычаи проведения кулачных боев, потребовав прекратить драться до увечий. Впрочем, особого влияние эти указы не оказали, продемонстрировав еще раз стойкость традиций.

На чем основывалось столь высокая боеспособность русских воинов во все времена? Сила наших бойцов всегда была не только в личных способностях, но и в умении действовать сообща, вместе с товарищами, единым отрядом (дружиной). Алексей Толстой, описывая портовые кварталы европейских городов, отмечал: «Здесь же происходили главные бои между моряками разных флотов. В довоенное время обычно верх брали русские матросы, они ходили стенкой, дружно, крушили чугунными кулаками турецкие, французские, итальянские скулы, и даже англичане, хорошие драться в одиночку, рыча и выплевывая зубы, очищали веселые дома, уступали русским красоток за окнами».

В различных источниках встречаются описания боя, проведенного по указу Петра I, между английским боксером и не обученным боксу, но рослым и сильным петровским гренадером.

И все же самыми основными и самыми массовыми были общинные, артельные навыки рукопашного боя. «Наряду с казачьей боевой традицией, традицией государственных вооруженных сил, спортивными школами единоборств существовал еще один самобытный канал передачи древних воинских традиций и боевых навыков – русская северо-западная артель кулачных бойцов».

Необходимо помнить, что нередко даже в рассказах, слышанных от очевидцев, воинское искусство героев преданий приобретает преувеличенные размеры и идеальные качества. Народное понимание истории в большинстве случаев обеспечивает победу их героев в любых обстоятельствах. Воссоздание боевых искусств на словесном и фольклорном материале может выявить лишь какие-то общие установки и нормы поведения и в гораздо меньшей степени восполняет наши знания об особенностях ратного ремесла. Поэтому необходимо привлечение археологических, документальных, мемуарных и других источников.

КАЗАЧИЙ ПРИКЛАД

Изучение литературных свидетельств, архивных материалов и этнографических данных позволило установить, что широкое распространение среди казаков (XIX – нач. XX вв.) получил кулачный бой. Значительно меньше были распространены состязания в борьбе.

Кулачный бой как в запорожских куренях, так и в донских и кубанских станицах характеризовался обычным для восточнославянской традиции выставлением «стенок» («плетеней») от каждого куреня, края, села, улицы и зависел от уровня подготовки и возраста бойцов.

Противоборство в кулачном бое («кулачках») было разделено на три этапа: подготовительная («зачин»), основное действие и заключительная – «помирительная» части. В «стенках» и в боях «сам на сам» участвовали подавляющее большинство мужского населения станиц, начиная с 7 летних мальчиков. Дети и подростки участвовали в «зачине» боя, юноши – в начале основной части, а уж затем вступали взрослые казаки.

Состязание проводилось по единым правилам, которые строго выполнялись. Запрещалось бить лежащего, ударять противника ногами в сапогах, нападать сзади, использовать какие-либо предметы и оружие. Контроль за соблюдением правил осуществляли старики и атаман.

В связи с особенностями военизированного быта и службы существовали как «мягкие» (со своими), так и жесткие, атакующие приемы (для врагов).

Большинство ударов наносилось по корпусу, защита от ударов строилась преимущественно на движении самого корпуса («сглаживание», «поглощение»).

Основной упор делался не на мышечной силе, а на сухожильной, что позволяет вести достаточно длительный бой. При ударах старались не использовать крайнее разгибание конечностей, поскольку наиболее эффективны средние, естественные, всегда чуть полусогнутые положения рук и ног.

Способ ведения боя на земле носил название *подвал* и был хорошо развит, особенно у пеших казаков-пластунов.

Во время схватки подготовленный боец непрерывно перемещался и вел бой на разных уров-

нях с несколькими противниками. Главным являлась не совокупность приемов, а совокупность движений, целая сетка ударов и перемещений.

Одним из упражнений для обучения владению традиционным оружием являлась казачья техника «здравоватца», элементы которой используются в народных танцах. Основным техническим действием в технике «здравоватца» являлось употребляемое повсеместно шуточное рукопожатие-приветствие. Удары наносились по размашистой траектории, типичной для шашечного боя.

После окончания состязания, по традиции, соперники мирились и устраивали совместное застолье – «братчину», во время которого обсуждали ход поединков и участников. У казаков существовала поговорка: «Дрались, бились, пока не помирились».

В казачьем фольклоре образовался целый пласт пословиц, поговорок и загадок, связанных с традиционными рукопашными состязаниями: «Богатырская рука однажды бьет», «Не тот казак, что поборол, а тот, кто увернулся».

ДВИЖЕНИЕ, ТАНЦЫ И ИГРЫ

*Вращается весь мир вокруг человека, –
Ужель один недвижим будет он?
А.С. Пушкин*

ОСОБЕННОСТИ ДВИЖЕНИЙ

Основоположник физиологии нервной системы И.М. Сеченов указал в одной из своих работ, что все психические процессы человека для нас с вами постижимы только через движение. Народной культуре это было известно издавна.

Когда человек перестает двигаться, он умирает. Движение – это одно из основных свойств всего мира, именно в движении существует жизнь. Необходимо научиться чувствовать эту среду, соответствовать ей, и тогда можно достигнуть желаемого.

В периоды до и во время Средних веков на Руси элементы единоборств и некоторые способы ведения рукопашной схватки имели ярко выраженные особенности. При всем разнообразии направлений существовало нечто, что было характерно для всех русских школ. В нашей природе – расчет на долговременный характер работы с экономным расходом сил. Это правило характерно для России как в больших исторических периодах (победные свершения, несмотря на временные поражения), так и применительно к большинству людей. Отсюда и неторопливость в движениях, поговорки и пословицы: «Семь раз отмерь, один раз отрежь»... Хотя при необходимости русский человек становится очень подвижным и решительным: «Медленно запрагает, но быстро едет».

Интересно то, что и бой, и пахотьба в поле называются в России «работой» как жизненно важная составляющая бытия человека.

В связи с распространенным у русо-славян поклонением Солнцу солнечная символика нашла свое отражение в формировании боевых движений, большинство из которых строилось на круговом вращении, раскручивании тяжелого оружия, размахе с широкой амплитудой, более соответствующем экономичному управлению оружием, которое имеет значительную инерцию. Работа велась на принципе наполненной расслабленности, то есть основывалась на мягких, округлых, внешне расслабленных движениях, наполненных силой.

В русском кулачном бою и целительстве – действия не заканчиваются внезапно и всегда имеют продолжение, как сама жизнь: одно движение плавно и естественно переходит в другое, постепенно затухая. При боевом применении движения выполняются мягко и упруго, с нарастанием плотности и скорости при необходимости.

Танец восточных славян. Радзивилловская летопись

Данный вид движения знаком нам издревле, он характерен для царства животных (вспомним видимую мягкость, силу и гибкость медведей, львов, ягуаров, волков). Недаром многие сильные люди, воины двигаются именно так: мягко, неслышно и слитно, как волны. Желательно, чтобы эта пластичность движений сопутствовала человеку всю жизнь, поскольку является наиболее удобной и энергосберегающей.

Необходимо отметить также тяготение к силовым явлениям на примере былинных богатырей и силачей. Для воспитания этой неприметной внешне силы делались упражнения на связочную выносливость с помощью «растяжек», «раскачек», «закрутов». Рассмотрим некоторые составляющие арсенала русских школ.

УПРАЖНЕНИЯ

СОСТОЯНИЕ «НЕУМА»

Перед выполнением большинства упражнений мы достигаем состояния «неума» – отсутствия беспокоящих мыслей и чувств, то есть создаем «чистое поле» для выращивания необходимых умений.

Одним из приемов достижения этого состояния является представление рядом с собой Солнца, костра или просто ящика, куда можно выкинуть все ненужные мысли или эмоции по мере их появления с ровным выдохом. Все ненужное сжигаем или прячем до времени в ящик.

Постепенно появляется блаженное состояние отсутствия толкотни мыслей. Можно думать что-то одно основательно и неторопливо или заняться представлением желательных образов: гибкой лозы, безмятежного озера, текущей воды, яростной бури...

СТОЛБИК СИЛЫ

Упражнение для наработки осознания и умножения «живы» (жизненной силы) – «столбик силы», который позволяет быстро восстанавливаться после утомления и входить в образ бодрости и здоровья. Человек упруго стоит прямо, ноги слегка согнуты («подпружинены») на ширине плеч, руки свободные, локти немного разведены в стороны, ладони рук одна над другой на области солнечного сплетения. Почувствовать тепло в животе под руками и закрыть глаза. Человек при этом может ощутить, как его немного раскачивает вперед-назад как маятник. Не нужно сопротивляться этой волне раскачивания, но не нужно и усиливать ее. Дыхание ровное. Постепенно приходит состояние цельности, «наполненности», «однородности» всего тела при «смолкании» мыслей. Через какое-то время усталость тает, уходит полностью, и человек чувствует себя совершенно обновленным.

При этом очень важно ощущение «внутренней упругости, наполненности», которое позволяет человеку правильно «течь по плотностям жизни». В боевом применении это же состояние назы-

вается «неваляшкой», когда любое воздействие противника просто отодвигает человека, не причиняя ему вреда.

Попытка воздействовать на наполненного живой человека напоминает попытку бороться с водой, находясь в ее объятиях. Недаром идеальным образом для состояния воина является вода. Она мягкая, тягучая и на первый взгляд совсем не опасная. Но порой она становится твердой, стремительной, могучей и очень опасной, практически неодолимой. Вода – это пар, это спокойное озеро, ручей, лед, океан, водопад, бурная река, наводнение, потоп...

Для начала упражнение выполняется не более 5 минут. Потом, когда человек войдет в ритм этих еле заметных раскачиваний и достигнет состояния «неума», тогда можно находиться в этом состоянии столько, сколько надобно.

СВЕТОВИДОВО МОЛЕНИЕ

В положении «столбика» расслабляем плечи, шею, горло, дышим свободно, медленно, естественно.

Достигаем состояния «неума» и начинаем произносить-пропевать звучно или про себя «Я свет!» столько раз, сколько необходимо для представления и удержания этого солнечного света в себе (в сердечке – в области сердца). На вдохе: «Я-я-я», на выдохе: «Све-е-е-ет».

Через определенное время человек начинает ощущать или представлять свет в сердечке, то есть «входит в Дом Световида». Тогда можно просто созерцать и чувствовать без говорения.

Световид является своего рода ключом ко входу в состояние очищения и блаженства. Это и видение света, и стремление самому стать светом. Состояние света желательно проносить через все, что человек делает, в том числе и через все остальные упражнения. Человек учится выполнять любые действия, не теряя видения своего внутреннего света.

СОСТОЯНИЕ ЯРИ

Ко времени Крещения Руси Перун, олицетворяя власть воинского сословия, возглавлял официальный языческий пантеон. До него были: Велес, олицетворяющий власть общинного самоуправления и волхвов, Сварог – «сварганивший мир», Дажьд-бог и Ярила – бог солнца и огня, дающий силу дневной, светлой жизни.

Христиане и язычники. Художник С.В. Иванов

В «Слове о полку Игореве» автор называет русских бойцов Дажьдбожьими внуками, а князя Всеволода в миру величает «буй тур», а на поле брани «яр тур». Яр – это энергетическая основа

боя ярого.

Толковый словарь дает несколько значений слова «яр»:

1. Яр – сила, энергия (др. слав. и санскрит). Отсюда: ярость, ярый, боярин, языческие имена и названия: Ярослав, Ярмак и пр., яровые (т.е. всходящие под воздействием солнца), ярко (в смысле – светло) и пр., и пр.

2. Яр – брачные бои у самцов птиц и животных. Отсюда: ярка (молодая овца, корова), доярка, ярмо, ярманка – ярм манить (понятие «ярмарка невест» сохранилось донныне, хотя они и не являются предметом купли, как овцы или коровы), наяривать – относится и к музыке, и к бою, и к танцу.

3. Понятие «крутой» – спуск, овраг, непредсказуемое, сильное, амплитудное действие бойца.

Существовали у русов особые – ярые воины, и данное положение перекликается с фактами существования мистических бойцов – фениев в кельтской истории. Уместно вспомнить в этом случае и описание магической воинской подготовки мифологического древнеирландского героя Кухулина, обученного женщиной-ведьмой. Тот владел исключительно «геройскими» приемами боя, которые были недоступны прочим воинам, напоминающими состояние самозабвенной яри.

Византийский историк Лев Диакон, относившийся к русам не очень приязненно, вынужден был признать: «Войска сражались с непревзойденной храбростью. Росы, которыми руководили их врожденное зверство и бешенство, в яростном порыве устремлялись, ревя, как одержимые».

Считается, что подготовленный в обрядовом танце боец мог в критической ситуации вступить в бой ярый – до полного уничтожения противника.

Особое значение имеет состояние «холодной ярости», включающей особые механизмы неистовой силы и нечувствительности к опасности и ранам, но не затмевающей сознания (в отличие от слепого неистовства скандинавских берсерков).

ПРИРОДНЫЕ ХОДЬБА И БЕГ

При этом виде ходьбы и беге удара ногой об землю не происходит. Человек не топчет и не бьет земли ногами, он скользит, течет, стелется по ней, сливаясь с миром Природы. Во время бега на стопы с пятки надо наступать мягко, как бы накатывая. Бежать не скачками, а скорее – скользить по земле, катиться. Данный бег позволяет перемещаться неслышно, сберегает силы и позволяет воину сохранять состояние внутренней невозмутимости.

ВОЛНОВАНИЕ

Существует и особая система движений, называемая волнованием. Основу ее составляют расслабленные, волнообразные, непрерывные движения всего тела: рук, ног, туловища и головы, составляющие в движении одно целое, так же как взаимосвязаны в нашем организме все системы и органы. Причем волны эти могут быть не заметны для окружающих до какой-то поры. Движения при волновании выполняются легко, без усилий. За счет этих движений происходят мягкая и безболезненная правка суставов, а также мягкий массаж всех тканей тела с восстановлением ощущения целостности всего человека.

ДОРОЖКИ СИЛЫ

Любопытны и те проверки-тренировки, которые показывают, насколько ты текуч и целостен. Это движения по так называемой дорожке силы, ведь «жизнь каждого течет своей дорогой». Эту дорожку человек «видит» или «намечает» даже среди плотного потока людей и идет по ней спокойно и расслабленно, ни с кем не сталкиваясь на своем пути и никому не мешая.

РАБОТА С «КУКОЛКОЙ»

«Куколка» – это отрезок бревна, гладкое «бревнышко», с которым работают для увеличения силы, ловкости и чуткости тела.

Размеры зависят от возраста, силы и подготовки занимающегося. Обычно подбирают бревно длиной на 10 см больше размаха плеч человека. Лучшие породы дерева для «куколки» – осина, вяз, ольха.

Рекомендуется хорошо разогреться перед основной работой и не применять прямую стантовую силу спинных мышц и мышц поясницы. Используется *свила* – подкручивание корпуса с приседанием и подхватом руками. До основных занятий с «куколкой» и после нее проводится *обжига* – обхлопывание всего тела до состояния «ровной наполненности» и покраснения.

Если подросток начинает работать с «куколкой» с 8 лет, то до полного освоения навыков ему необходимо будет, постепенно возрастая, пройти четыре этапа, разных по величине и сложности.

При освоении упражнений (подъемы, «обкатывания», подбрасывания, броски) вес постепен-

но утяжеляют путем смены бревнышка. Для усложнения забивают в него определенное количество гвоздей.

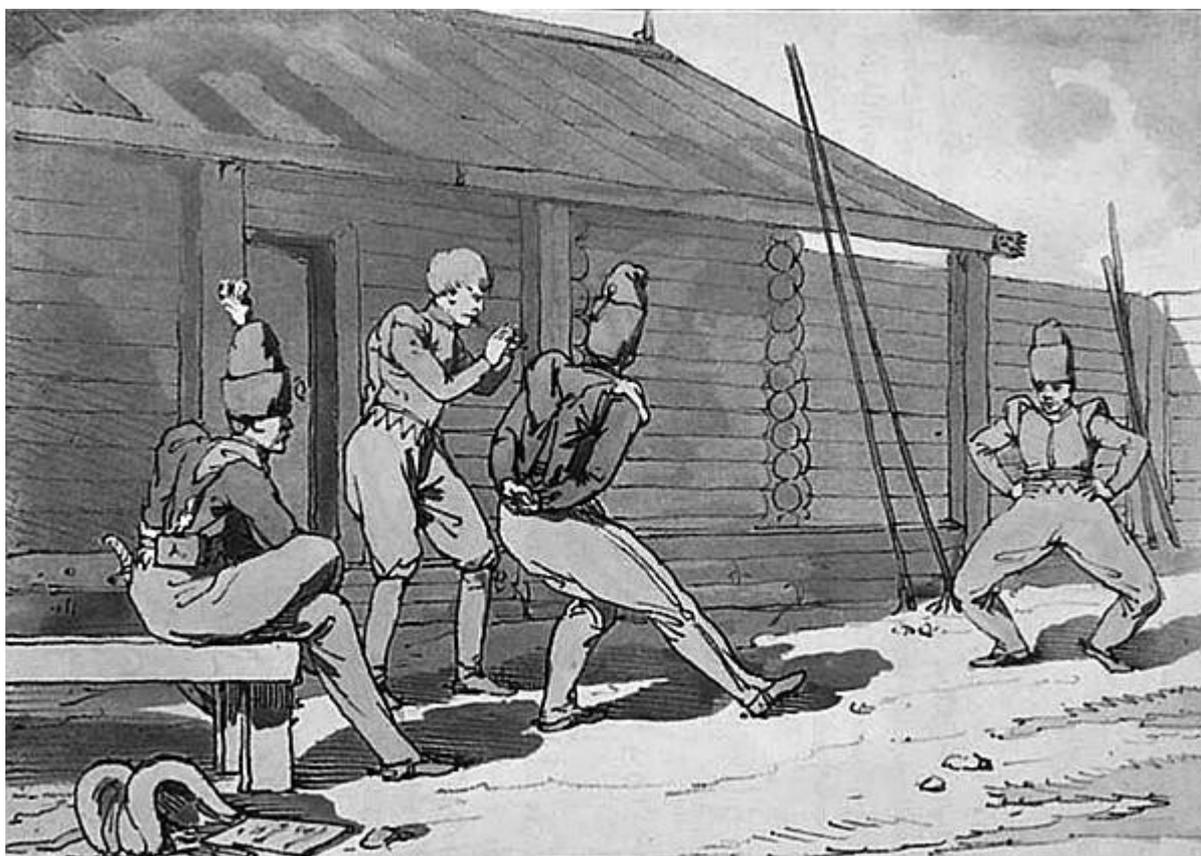
При освоении упражнений с третьей и четвертой «куколкой» в нее можно втыкать небольшой по длине нож. Нож втыкается в любое место «куколки», и теперь все упражнения повторяются. Задача занимающегося выполнять упражнения, не дотрагиваясь до ножа. Ножа может быть и два (до четырех).

В занятиях с «куколкой» важно не увлекаться и не терять контроль, иначе можно пораниться, – это является еще и тренировкой внимания и самообладания.

Традиционные боевые системы движений позволяют увидеть связь сознания и тела, показывают, как движение тела повторяет движение мысли. Они раскрывают способности к осознанию своей сопричастности с Природой, к управлению окружающим миром, в том числе противником, через управление своим телом.

БОЕВЫЕ ТАНЦЫ И ПЛЯСЫ

Народный танец – один из древнейших видов народного искусства. Он выражает стиль и манеру исполнения каждого народа и неразрывно связан с другими видами искусства и с магией, в том числе военной.

Казацкий танец. Художник Д.-А. Атkinson

Когда-то человек научился управлять своим телом не только для того, чтобы охотиться или собирать плоды, но и для того, чтобы отображать своими движениями повадки животных. Особенно подражание животным было развито у племен охотников, которые с помощью подобных движений пытались магически воздействовать на свою добычу.

С течением времени человек начал воспроизводить определенные последовательные движения, которые определил для себя словом «танец», под какой-то источник ритма. В большинстве индоевропейских языков это слово произносится созвучно, что еще раз доказывает, что когда-то данное древнее сообщество людей имело один язык для общения и единые представления о мироздании. Впоследствии представления об окружающем мире вылились в обрядовые танцы, призванные влиять на природу.

На протяжении многовековой истории своего развития русский народный танец всегда был

тесно связан с бытом и обычаями русского человека (рождение, свадьба и т.п.), с трудовым сельскохозяйственным годом (посев, сбор урожая и т.п.), с воинской составляющей жизни.

В древности пляски входили в обязательный круг обрядов Родового Ведания и существовали у всех арийских народов, в том числе и у славян. Многочисленные яркие примеры подтверждали сакральный характер боевых танцев. Мифы утверждают, что раньше такие танцы исполнялись богами и духами, а позже переданы в мир людей как символы присутствия божества в мире. Эти ритуальные танцы выступали в роли связующих элементов между Небом и человеком, а исполнители идентифицировали себя с богами-воителями.

Пение, музыка и пляски А.Н. Афанасьев считает необходимыми элементами древних праздников и обрядов, а эротичность языческих танцев объясняет символикой плодородия. Обрядовый смысл древних славянских плясок отражает суть строения Вселенной и изменений Природы в мировоззрении древних славян. В плясовых движениях можно найти множество тайных знаний. Танцы передавали человеку мифологические знания и не сводились только к сексуальному завлечению и эстетическому наслаждению.

Древней особенностью славянского танца была круговая пляска: хоровод на Руси; коло, корогод – в Украине, Польше и Белоруссии, хормос – в Македонии, Западной Болгарии и некоторых других южных славянских землях. Русский хоровод выражает суть мирового круговращательного движения.

Плавная обрядовая пляска с ускорениями и со спущенными длинными рукавами также имеет родовое значение и восходит к древним магическим временам. Она хорошо дошла до нас в известной сказке о Царевне-лягушке, где царевна выступает как жена Ивана Царевича и оборачивается то змеей, то белой лебедью, то кукушкой, то красавицей Василисой Премудрой. «Праздничный пир у царя. Василиса прячет в свои рукава косточки съеденных лебедей и выливает в рукава часть налитого ей вина. Дошла очередь танцевать; царь посылает больших снох (жен старших царевичей), а они ссылаются на лягушку. Та тотчас подхватила Ивана Царевича и пошла. Уж она плясала-плясала, вертелась-вертелась – всем на диво! Махнула правой рукой – стали леса и воды; махнула левой – стали летать разные птицы...» Размахивание рукавами, разбрасывание положенных туда лебединых косточек и разбрызгивание вина есть обрядовое действие, а необычная пляска чаровницы – танец, по всей видимости, в честь бога растительности Переплута и орошающих эту растительность вил – русалок.

Во время плясок было в ходу питье особого напитка, также входящего в сложные ритуальные действия. Нередко неистово пляшущие, отдав все силы обряду, падали без чувств, и их отпаивали водой с настоем разных трав.

Византийский историк IX ст. Лев Диакон в «Истории», описывая походы князя Святослава, называл языческих воинов детьми сатаны, обучавшихся искусству воевать с помощью танцев. Позднее прибывшего из Франции и случайно попавшего в Запорожскую Сечь путешественника удивил такой факт: казаки целый день могли плясать гопак и тренироваться под собственное пение.

В казачьих войсках пляс жил повсеместно, гармонично вплетаясь в казачий быт, бурно проявляясь в станичные и войсковые праздники. Любое движение, исполненное с мастерством, применимо в боевом искусстве. Танцы вприсядку, не будучи боевым искусством, могут базироваться на тех же принципах, что и воинская казачья практика: резкой смене уровня атаки, приседаниях (или падениях) с последующим выпрыгиванием или перекатом. Например, в бою под Яссами в 1577 г. запорожцы как раз таким способом вполне дезориентировали турецких стрелков на какое-то время. Во время сражений перед рядами боевых товарищей выплясывали с оружием гопкорезы. Под музыку, с пляской ходили в бой.

Вот как описывает гульбу с пляской в Запорожской Сечи Н.В. Гоголь: «Им опять перегородила дорогу целая толпа музыкантов, в середине которых отплясывал молодой запорожец, заломивши шапку чертом и вскинув руками. Он кричал только: “Живее играйте, музыканты! Не жалей, Фома, горелки православным христианам!” И Фома, с подбитым глазом, мерял без счета каждому пристававшему по огромной кружке. Около молодого запорожца четверо старых вырабатывали довольно мелко ногами, вскидывались, как вихорь, на сторону, почти на голову музыкантам, и вдруг, опустившись, неслись вприсядку и били круто и крепко своими серебряными подковами плотно убитую землю. Земля глухо гудела на всю округу, и в воздухе далече отдавались гопак и тропак, выбиваемые звонкими подковами сапогов».

Вполне возможно, что такие танцы служили первой системой накопления боевых знаний (в то время еще не сформировалось традиций письменного изложения каких-либо знаний). Обучение проводилось либо изустно, либо в виде показа движений.

Совместный танец, единовременность, такт – условия объединения людей в единый организм. Философ Рибо по этому поводу говорил следующее: «Пляска приносит общественную пользу; она содействует согласованию движения, единодушию. Она придает данной группе людей единство, а также сознание этого последнего и его зрительное восприятие. Она служит дисциплиной, подготовлением к общему нападению или общей защите, своего рода военной школой. Этим объясняется важная роль такта. Кафры поют и танцуют большими группами так согласно и равномерно, что производят впечатление огромной, пущенной в ход машины. У многих племен ритм должен быть безупречен и всякое нарушение его наказывается смертью».

Назначение движений в боевом плясе было как непосредственно прикладное, так и условно-боевое, развивающее ловкость и координацию. Поскольку боевой пляс был информационным носителем боевого искусства и способом тренировки прикладных движений, само собой, что наибольшее распространение он получил в среде воинов: казаков, солдат, матросов, офицеров, большой популярностью он пользовался в артелях кулачных бойцов.

Пляшущий мужик. Художник А. Дальштейн

В русской воинской традиции бойцов по скорости движений и мышления условно делили на две категории:

1. «Живчики» – быстрые в движениях и решениях.
2. «Спокойные» – медлительные, терпеливые, выносливые, стойкие, долго «нагревающиеся» и долго «остывающие».

Можно выделить также наиболее гармоничных бойцов, сочетающих в себе черты предыдущих типов. Помните, как у Бисмарка: «Русские долго запрягают, но быстро едут».

Каждому из этих характеров традиция рекомендовала особую систему боя. Живчикам – взрывную и энергоемкую. Терпеливым – экономную и длительную. Для третьего, «универсально-го» типа – разные формы схваток в зависимости от положения дел.

При достаточном допущении можно утверждать, что первый тип больше характерен для южного населения России, второй – для крестьянского сословия северных и восточных районов, третий – для центральных областей и русского воинства в целом.

Эти системы боя имели каждая по своему специализированному боевому танцу. Танец вприсядку есть сумма боевых движений «живчиков», применяемых в плясе. Для выносливых и терпеливых более характерны медлительные танцы с «ломанием», переходящие в борьбу. Для «универсальных» пляс был подобен северо-западной бузе со всеми ее вариантами медленного «ломания» и

пластичных «взрывов» движений. В этих танцах тоже нередко применялись элементы присядки, но изредка, как украшение.

Способы боя «вприсядку» были широко распространены среди всадников и особенно широко применялись пехотинцами в столкновениях с конницей. Бой вприсядку включал в себя кувырки, ползунки (перемещения на корточках и четвереньках), выпрыгивания и «колеса». Казаки применяли различные техники боевого пляса, зная, что одна лучше приспособлена к бою всадника, а другая – к нуждам пехотинца-разведчика.

Для русской народной пляски исстари характерен ударный звуковой аккомпанемент: бубен, трещотка, трензель, колотушка, рубель, ложки и разного рода хлопки в ладоши, называемые летописцами «битием в долони» (ладони). «Не поет, так свищет, не пляшет, так прихлопывает», – говорится в народной поговорке. Кроме хлопков в ладоши, в русской пляске существовали еще различные удары ладонями по корпусу, бедру, голенищу сапога и т.д. В старину это называли «плесканием». Со временем хлопки в ладоши, соединившись с «плесканием», достигли виртуозного характера и превратились в существенную часть самой пляски, главным образом мужской, и получили название «хлопушки». При выполнении «хлопушек» как удар, так и хлопок должны быть сильными и четкими, а ладонь при этом становится крепкой и напряженной. При небольшом воображении можно понять, что данные «хлопушки» весьма пригодятся кулачному бойцу для нанесения «оплеух» и встречных ударов ногами.

Из одинарных, двойных и тройных хлопков и ударов в дальнейшем составляются виртуозные хлопушечные комбинации, строятся целые пляски, как, например, старинная русская мужская пляска «Плескачи» или «Плескач».

Назначение движений в боевом плясе было как непосредственно прикладное, так и условно-боевое, развивающее ловкость и координацию.

Для исполнения сложных плясовых движений требовались сноровка и умение владеть своими телодвижениями. Эта сложность мужских плясок являлась необходимым условием в самосовершенствовании и развитии ловкости для бойцов, раньше этим умением владели все взрослые мужчины в той или иной степени.

И поныне можно разглядеть в приемах кулачного боя черты обрядовой пляски. На Псковщине боевой пляс называют «скобарь» или «ломание» – «ломать веселого». Подобный пляс встречается на всей территории, где некогда жили кривичи – союз восточнославянских племен. «Веселого ломают» под гармошечный наигрыш. Перед началом «ломания» плясун встряхивал головой, мог взъерошить волосы. Эти действия, определенные возгласы (гиканье), притопывание считаются элементами древней народной магии. Человек как бы выходил из привычного бытового пространства, перебирался в другой пласт бытия, где отношение к победе, поражению, жизни или смерти было иным. Постепенно танцующий входит в определенное психическое состояние «неума», а «ломание» переходит в обрядовый или в свободный бой против одного или нескольких супротивников.

Обрядовые поединки шли по разным уговорам, например, до первой крови или до первого падения. Бой мог остановить гармонист (в более давние времена – гуслиар), прекратив наигрыш.

В «ломание» входят: приплясывание и притопывание, поведение плечами, скачки, махи руками, удары о землю (тросткой или палкой, кулаками, ногой) и др. – все эти действия призваны были обеспечить разминку, внешнюю расслабленность и внутреннюю собранность тела перед боем. Особо важна и музыкально-поэтическая форма – ведущая роль инструментального наигрыша, причем специального: «Горбатого», «На задор», и частушки – припевки насмешливо-вызывающего характера.

Веселый пляс под волынку. Лубок

Шествие-пляска с «ломанием», с завершением в виде боя (драки) является элементом традиции и занимает свое место в жизни общины.

Прежде широко проводились состязания плясунов. Чаше такое бывало на ярмарках. На плясунов «спорили» и делали ставки. Победитель получал хороший приз в виде подарка, вина или денег. Добыча делилась на всю артель.

Обычно состязания проходили в виде парной и одиночной пляски в форме перепляса. Переплясывая, один из плясунов показывал какое-либо движение или связку, соперник должен был их в точности повторить, потом показывал свои. Иногда в переплясе были другие правила, соревнующиеся попеременно показывали свои движения, при этом нельзя было повторять предыдущие. Проигрывал тот, у кого заканчивался набор плясовых «выкрутасов».

Как свидетельствует исследователь боевых традиций Руси Г.Н. Базлов: «Боевые танцы выполняли функцию бесписьменного способа передачи прикладной информации. Отобранные этносом на протяжении веков, наиболее удобные для боя движения передавались пластически, вместе со способом дыхания и звукоизвлечением, на фоне особого психофизического состояния. Большинство элементов боевого пляса имеют прикладной боевой смысл. Их неосмысленное повторение приводит к неизбежному искажению плясового архетипа, пластики и смысла танца».

ВОСПИТАНИЕ ИГРОЙ

Огромное значение для боевого воспитания русичей имели игры.

Обряд был игрой, борьба – игрой, кулачный бой был игрой! Поэтому для того, чтобы прославить бога, нужно было на праздники устроить игрища с песнями, плясами и противоборством. Будние дни также разнообразили игрой. Люди получали от игры удовольствие и радость, ощущая свою жизнь в гармонии с миром людей и богов.

Лицина скомороха. Новгород

Говоря о потехе и игре, мы обязательно вспоминаем скоморохов, которых и называли играцами, потешниками и лицедеями, они были сподвижниками Великой игры под названием Жизнь, в которой участвовали и люди, и боги.

Русский язык не случайно понятие «игра» сближает с забавой, потехой и охотой. Слово «забава» означало в древнерусском языке еще и магию. «Забавати» – заклинать, заколдовывать. Народные забавы – это иссушение желаний с помощью игр и потех.

Для того чтобы вино потеряло крепость, его надо не запечатывать, а позволить выдохнуться. Вот это и есть основной принцип иссушения ненужных желаний и томлений.

Наши предки считали, что эта жизнь не единственная, она лишь одно из многих воплощений или рождений. Это лишь одна игра из огромной серии наших рождений. «Одна игра – не потеха!» «Не игра, что взаправду пошла».

В XII – XIII вв. на празднествах, пирах, свадьбах правящая верхушка с удовольствием сама участвовала в «позорищах», то есть в обрядовых игрищах и действиях.

Церковь вместе с властями ополчилась против скоморохов, как выразителей языческой идеи служения плодородию весельем. В церковном поучении «Златая цепь» XIV в. предписывалось избегать этих всенародных празднеств с участием скоморохов: «Се же суть злая и скверная дела: плясанье, бубны, сопели, гусли, пискове, игранья неподобные, русалья. Егда играют русалия, то скомороси... или как сборище идольских игр – ты же в тот час пребуди дома!» Но в дальнейшем натиск церкви на исконные народные обряды не только не ослабевал, но и с укреплением ее власти продолжал нарастать, что привело к забвению многих традиций.

Игра в жмурки. Гравюра XIX в.

Издавна на Руси с самого раннего детства воспитывали необходимый для жизни комплекс навыков. Это происходило в играх, боевых забавах, бойцовских, а затем – воинских обрядах, специальных упражнениях и в труде. Все дети участвовали в играх, которые давали хорошую физическую подготовку, развивали мышление. Игр было множество: бабки, чиж (клеп), городки, лапта, катание на санях и ледянках и др. Многие из них, к сожалению, незаслуженно забыты.

Для воспитания подрастающего поколения именно в игровой форме подаются сведения о будущей жизни. Игра, закреплённая многовековой традицией, зачастую несёт в себе опыт поколений. В играх воспроизводятся многие жизненные ситуации, воссоздаются отношения между людьми, требующие от человека напряжения душевных и физических сил. Дети приучаются преодолевать трудности, боль, сохранять выдержку, характерную для воинов в трудных обстоятельствах. С помощью игры усваиваются нормы и правила поведения в обществе, представления о добре и зле, трусости и храбрости, честности и справедливости, в играх развивалось чувство товарищества. Играя, дети развивают физическую силу, ловкость, сноровку и другие способности, заложенные в человеке.

Русские народные игры на улице. Москва. Художник Ф. Дюрфельдт

Сама специфика воинской деятельности проявляется в наличии в ней игрового элемента. Такие признаки игры, как хитрость, внезапность, быстрота, всегда сохраняют свое значение. Целый комплекс разминочных игр, единоборств был великолепной воинской школой.

В числе народных игр у русских широкое распространение имела (да и сейчас еще бытует) игра «в войну». Впрочем, подобные игры у мальчишек занимают по популярности первое место у многих народов. В предисловии к академическому сборнику описаний народных игр, зафиксированных на территории СССР, вышедшему в 1931 г., отмечается, что «в России спортивные состязания выливались в форму игр “в войну”».

В самом общем виде игра «в войну» представляет собой состязание двух и более групп, в котором народной традицией определяются средства, приемы противоборства, условия признания победителей.

Обычно соперничавшие стороны возглавляли «командиры», которые, как правило, избирались открытым голосованием и обычно являлись неформальными лидерами мальчишеских и подростковых групп. Во время игровых боев мальчишки готовились к будущей военной службе, познавали азы воинского воспитания, учились преодолевать боль и страх.

Примером воинских игр могут служить игры у казаков, которых сама жизнь заставляла готовиться к войне. В силу этого физические упражнения и народные игры постепенно превращаются в средства военно-прикладной подготовки.

Освоение приемов скрытных, засадных действий, атак и воинских схваток происходило в игровой форме, хотя «баталии» были нешуточными. Очень часто в таких играх разыгрывались и реальные исторические эпизоды (у терских и кубанских казачат до сих пор бытуют игры в «Черкесов», «Пластунов», «Лазутчиков» и т.д.). Кроме того, в казачьих станицах громадное внимание уделялось конной выучке казачонка, масса состязаний и игр были связаны именно с конной подготовкой.

Еще в XVII – XVIII вв. упоминались и большие потешные баталии – станица на станицу, как в пешем порядке, так и в конном строю, под барабанный бой и трубную музыку, со знаменами и деревянным оружием. В этих «потешных» боях использовались все приемы и хитрости настоящего казачьего боя – разведка и обходы, вентерь и атаки лавой.

После проигранной Русско-японской войны 1904 – 1905 гг. лучшие мыслители-патриоты ста-

ли задаваться вопросом – как в новых условиях, когда рушатся вековые уклады, восстановить воинские традиции России. Воспитанию молодого поколения с самого раннего возраста посвящено громадное количество статей в «Военном сборнике», «Разведчике». В эти годы появилась и получила разработку идея воспитания детей в свободное от учебы и трудов время в военизированных молодежных коллективах, в том числе – в «скаутских отрядах». Для них рекомендовалось в первую очередь занятие воинским строем и воинской гимнастикой (по образцу западнославянских «соколов»), затем изучение истории воинства, походы и занятия непосредственно воинским делом с воинскими играми, оттачивание навыков выживания в условиях дикой природы.

Игра в свайку. Гравюра XIX в.

Воинское воспитание в игровой форме должно начинаться как можно раньше, с самого раннего возраста мальчик должен знать о том, что ему придется стать воином, и гордиться этим.

Существовало и существует множество народных игр, способствующих выработке воинских качеств.

Можно привести в пример замечательную игру лапту, развивающую ловкость, реакцию, силу, глазомер, взаимодействие между игроками команды. В девятнадцатом веке русские переселенцы принесли лапту в Америку, где она наряду с традиционной игрой в мяч индейцев стала основой бейсбола.

Среди дошедших до нас боевых игр-забав можно назвать такие, как: «Царь горы», «Прятки», «Козел», «Облавка» и др. Боевые игры-забавы формировали и развивали навыки, которые непосредственно пригодились бы при ведении боя. Например:

«Прятки» – умение в короткий срок замаскироваться, стать невидимым для противника, выждать удобный момент для атаки из засады.

«Царь горы» – умение вести бой против превосходящего по количеству неприятеля, используя преимущества местности.

«Слон» – атака на всадника запрыгиванием сзади.

«Облавка» – сбивание противника ногами в прыжке.

«Бой петухов». Петух – домашняя птица, обычно связываемая с Солнцем, враг нечистой силы. Символизирует смену ночи днем. На площадке чертится круг – Коло. Участники, прыгая на одной ноге, без помощи рук пытаются вытолкнуть друг друга из круга. Проигравшим считается

вытолкнутый из круга или вставший на обе ноги.

«Шапки». На площадке чертится круг. Участники надевают на головы шапки. Задача – снять шапку с головы соперника с помощью различных приемов и хитростей.

«Борьба в круге». На площадке чертится круг. Задача – вытолкнуть соперника из круга или заставить его коснуться коленом пола.

«Стенка на стенку». Один из древних способов отработки командного взаимодействия. Члены команды выстраиваются в одну шеренгу, затем плотно сцепляются друг с другом, выставив левое плечо в сторону команды соперников. Те же действия совершает противоположная команда. Затем команды сходятся на центральной линии. Задача – вытолкнуть «стенку» соперников за чужую боковую линию. Игра начинается по сигналу.

«Невод». Встают двое навстречу лицом друг к другу, взявшись за руки, – это «невод». Остальные играющие – «рыбы». «Невод» должен поймать «рыбу», не расцепляя рук. Действия игроков ограничены определенным пространством. Пойманная «рыба» становится в «невод» третьей (и т.д.), и «невод» продолжает ловить «рыбу», пока все не поймаются.

Групповое взаимодействие в игре необходимо для познания своей сущности. Ибо вершины достигнет только идущий.

*Нечестивый тевтон и богатырь святорусский.
Российский плакат времен Первой мировой войны*

Часть вторая НАРОДНЫЙ ВОИНСКИЙ ФОЛЬКЛОР

БЫЛИННОЕ БОГАТЫРСТВО

*Все, что было, повторится ныне...
И опять затуманится ширь,
И останутся двое в пустыне –
В небе – Бог, на земле – богатырь.
Максимилиан Волошин*

БЫЛИНЫ – ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС РУССКОГО НАРОДА

Эпос практически всегда историчен. Русский героический эпос вобрал в себя мотивы и обра-

зы, сложившиеся еще в общеславянскую, праславянскую и даже дославянскую (общеиндоевропейскую) эпохи.

Вслушаемся и вдумаемся в само слово «богатырь». Имеет оно происхождения от слова «Бог», корни которого в индоарийских языках, в частности – в древнеиндийском и древнеперсидском, где оно означает «повелитель, счастье». Отсюда и «богатство», которое «от Бога», и «богатырь» – боец, воин «от Бога», защитник и добытчик счастья (вторая часть слова «тырь» имеет, скорее, тюркоязычное происхождение, отсюда и «батыр» – сильный человек, храбрец, и «тырить» – добывать).

Главные качества богатыря – воинская доблесть и старания его по защите родной земли. Это отражало действительность того времени. Достоинства богатыря проверяются в сражении, в неравном бою. С этим связана и композиция былины, кульминационным событием которой будет именно сражение, красочно насыщенное преувеличениями.

По мнению видного русского историка С.М. Соловьева, «история России, подобно истории других государств, начинается богатырским или героическим периодом... Старая русская песня очень хорошо определяет нам лучшего человека, богатыря или героя: “Сила-то по жилочкам так живчиком и переливается, грузно от силушки, как от тяжелого беремени...” Мужи, или богатыри, своими подвигами начинают историю; этими подвигами их народ становится известен у чужих народов; эти же подвиги у своего народа становятся предметом песен, первого материала исторического... Самый рассказ о подвигах богатыря-чародея приобретает чудодейственную силу, море утихает, когда раздается песня о богатыре: “Тут век про Добрыню старину скажут, синему морю на тишину, вам всем, добрым людям, на послушанье”. Это старинное форменное присловье показывает нам, что богатырские песни впервые раздавались на тех лодках, от которых Черное море прозвалось Русским. Племена исчезают в первый, богатырский, период; вместо них являются волости, княжения с именами, заимствованными не от племен, а от главных городов, от правительственных, стянувших к себе окружное народонаселение центров... Но перемены этим не ограничились: вследствие геройского, богатырского движения, далеких походов на Византию явилась и распространилась новая вера, христианство, явилась церковь, еще новая, особая часть народонаселения, духовенство; прежнему родоначальнику, старику, нанесен был новый, сильный удар: он потерял свое жреческое значение; подле него явился новый отец, духовный, священник христианский... Вообще движение русской истории с юго-запада на северо-восток было движением из стран лучших в худшие, в условия более неблагоприятные».

Пир богатырей у ласкового князя Владимира. Художник А.П. Рябушкин

Вот в этих-то условиях возник и расцвел на Руси богатырский эпос. Былинные герои живут в многослойном эпическом мире, вместившем в себя и реальные события, и личности из истории Руси, и еще более архаичные представления праславян, сохранившиеся только в устных преданиях старины глубокой.

Название «былины» установилось за русскими народными эпическими песнями и сказания-

ми о богатырях и добрых молодцах, в которых описываются их подвиги и деяния.

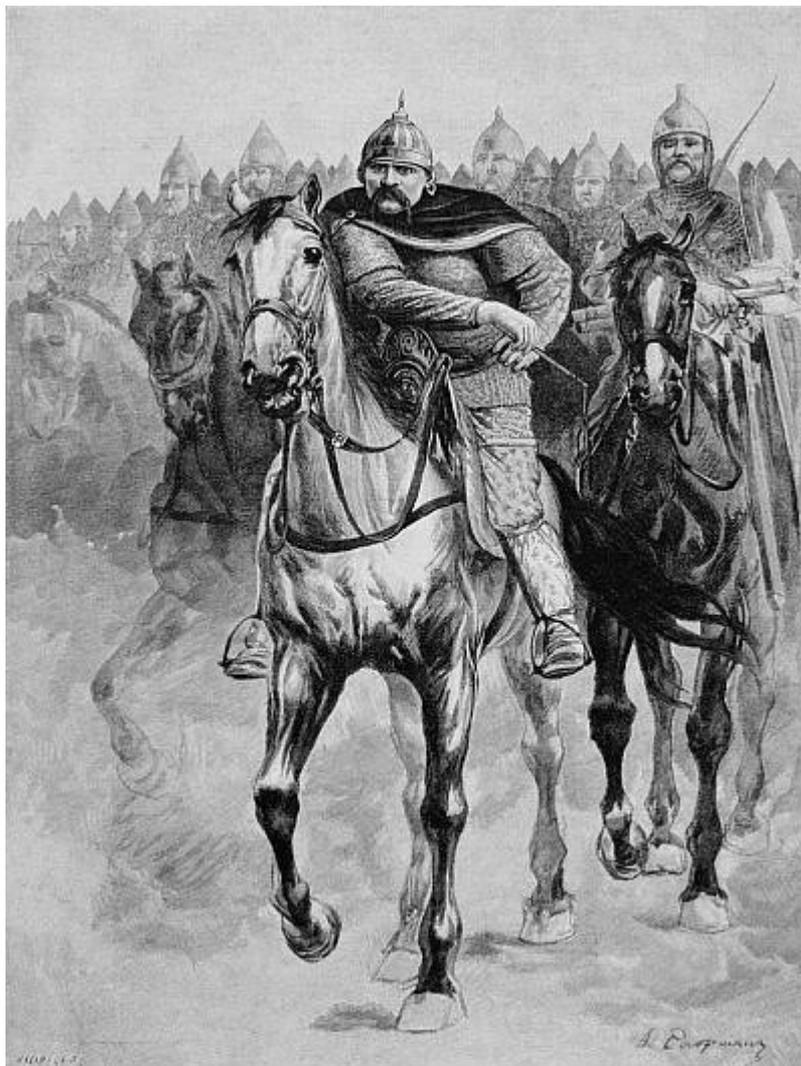
Каждая из этих песен и сказаний говорит обычно об одном эпизоде жизни одного богатыря, и, таким образом, получается ряд песен внешне отрывочного характера. Все былины, кроме единства описываемого предмета, характеризуются единством построения. Независимый дух былинного русского эпоса является отражением старой вечевого свободы, сохраненной богатырями, вольными казаками и свободными крестьянами, не захваченными крепостным правом. Дух общины, воплощенный в былинах, соединяет русский эпос и историю русского народа.

Содержание былин выработывалось преимущественно в продолжение X, XI и XII вв., а установилось во вторую половину удельно-вечевого периода, в XIII и XIV вв. Стоит напомнить, что именно в X – XI вв. завершается формирование также германо-скандинавской и англо-саксонской мифологий.

Следует обратить внимание на то, что все былины русского народа сохранились только у великорусов, а в Белоруссии и в Украине, которые были под властью западников – католического Польско-Литовского государства, не осталось своих былин.

Первые былины были сложены еще до Крещения Руси и носили черты очень древнего языческого эпоса, хотя в последующем все они в той или иной степени христианизировались. Из героев былин к дохристианскому циклу принадлежат Святогор, Микита Селянинович, Вольга... Порой языческое влияние чувствуется и в былинах более позднего происхождения (встреча Ильи Муромца со Святогором).

Святогор несравненно превосходит Илью Муромца по силе и духу. О нападении Муромца Святогор говорит: «Как русские мухи-то кусаются», – то есть ознаменовал он собой давнюю мощь языческого индоевропейского единения, а может быть, саму Природу. Целый ряд сравнений убеждает нас в том, насколько Илья Муромец меньше и слабее: и удары его легендарной палицы для Святогора – что мухи укус, и сам-то Илья со своим конем богатырским уместается в кармане (мешке) у Святогора. Напомним, что еще сильнее Святогора, по одной из былин, оказался крестьянин Микулушка Селянинович, который с собой в сумочке тяги земные носил.

Волга Всеславьевич. Художник А.П. Рябушкин

Для героических киевских былин периода христианства Святогор – глубокое прошлое. Он не совершает никаких подвигов, никуда не торопится. Ему никто не нужен. Святогор – воплощение замкнутой на себя первичной общины. В образе Святогора огромная мощь ведийской культуры языческой Руси. Наступила светлая эпоха христианства – Ночь Сварога, и перестала носить Святогора Мать Сыра Земля. Обратился Святогор в камень до часа назначенного, а силу свою Илье Муромцу, богатырю православному, передал. Передал, но не всю, а часть лишь малую. «А то и тебя Мать Сыра Земля носить не станет...», поскольку человек не может вместить всей силы природы, христианин не может вместить в себя языческую суть. Той же силе, что Илье досталась от Святогора, как гласит предание, «на бою смерть не писана», нельзя ее победить. Можно лишь самим распродать, разбазарить, пропить да прогулять по кабакам...

В древних сказаниях упоминается языческий богатырь Волга Святославович (Волх Всеславич), с пяти годков обучавшийся хитростям-мудростям, знанию всяких языков разных (животных), умеющий оборачиваться, принимая облик различных зверей, птиц и рыб. Древен былинный образ Волха Всеславича. Он – волх, умеющий ворожить, он – витязь-волшебник, по преданию, родившийся от змеи, что являлось признаком мудрости, он – оборотень-волкодлак, обладающий способностью оборачиваться в кречета (сокола), хорта (волка), тура, муравья.

В былине о Волхе Всеславьевиче, которая дошла до нас в ранней записи (середина XVIII в.), «оборотничество» героя изображено как вполне действительное явление:

*Он обернется ясным соколом,
Полетит он далече на сине море,
А бьет он гусей, белых лебедей...
Он обернется ясным соколом,
Полетит он ко царству Индейскому.*

*И будет он во царстве Индейском,
И сел он на полаты царские,
Ко тому царю Индейскому,
И на то окошечко косящее...
Сидючи на окошке косяцетом,
Он те-та да речи повыслушал,
Он обвернулся горносталем,
Бегал по подвалам, по погребам,
По тем по высоким теремам,
У тугих луков тетивки накусывал,
У каленых стрел железцы повывинимал...*

Илья Муромец. Художник А.П. Рябушкин

Гробница Ильи «из города Мурома» в Киево-Печерской лавре

А вот князь Игорь в «Слове» бежит из плена:

*Игорь князь поскочи горностаем к тростию,
И белым гоголем на воду,
Возвержеся на борз комонь,
И скочи с него босым волком,
И потече к лугу Донца,
И полете соколом под мглами,
Избивая гуси и лебеди...*

Наряду с Вольгом упоминается легендарный Всеволод Полоцкий, о нем в Лаврентьевской летописи говорится: «его же роди мать от волхованья...», упоминается как волкодлак (оборотень) он и в «Слове о полку Игореве» (во второй половине XI века). Главными действующими лицами киевских былин являются богатыри-воины, защищающие Русь от посягательств иноверцев и иноземцев.

Илья Муромец стал центральной фигурой киевского богатырского цикла да и всего русского эпоса. Мало кто воспринимает этого богатыря как реальное историческое лицо, человека, жившего приблизительно в XI – XII веке, причисленного Православной церковью к лику святых. Первоначально Илью захоронили в богатырском приделе Софийского собора. В свое время подробное описание разрушенной гробницы воина составил посланник австрийского императора Эрих Ляссота. Причем его гробница располагалась в одном храме с Ярославом Мудрым и княгиней Ольгой, что само по себе говорит о многом. В дальнейшем его мощи «перекочевали» в Киево-Печерскую лавру, где почивают нетленно в пещере. Первые исторические свидетельства почитания преподобного Илии Муромца относятся к концу XVI века.

По результатам современной экспертизы останков богатыря, умер он в возрасте 40 – 55 лет. С причиной смерти специалисты согласны безоговорочно – обширная рана в области груди. В данном случае можно смело утверждать, что былинный герой погиб в бою.

Родившись в селе Карачарове близ Муром (или Муровска, расположенного между Киевом и Черниговом на реке Десне) «без рук, без ног», он сидел «сиднем» на печи «тридцать лет и три года», пока его не исцелили калики перехожие. Калики предостерегали Муромца от поединков с древним, изначальным богатырем Святогором, с родом Микуловым и самим Микулой Селяниновичем, со змеиным сыном Вольгой Сеславичем (Волхом или Змеем Огненным Волком, который дал свое имя реке Волхов, протекающей через Новгород). Исцеленный от немощи Илья выкорчевал вековые дубы и построил крепкую ограду, а затем собрался в Киев, ко двору князя Владимира. Наставляя сына в дорогу, мать наказала ему не проливать кровь. По дороге Муромец все же преступает материнский завет, уничтожая врагов, обижающих землю Русскую. Нарушение родительского наказа лишает богатыря возможности вернуться под отчий кров. Взамен он приобретает иную мать – «сыру землю» (Святую Русь).

В Смутное время прославился один из тогдашних самозванцев – Илейка Муромец, возглавлявший в 1605 году отряды донских и волжских казаков и обещавший «свободы» простому люду. «Сплетение» героя древнего эпоса и казачьего предводителя, скорее всего, и породило представление об Илье как о муромском уроженце и «старом казаке».

Богатырь Илья в народном восприятии слился с образом Ильи-пророка. Народная вера также связывает Илью-пророка с матерью сырой землей и ее плодородием. После Ильина дня начиналась жатва. Крестьяне в Ильин день не работали на поле и в саду из страха, что разгневанная святой, которому люди своей работой помешали очистить землю от скверны, может напустить на землю за грехи людские засуху и пожары. Пророк-громовержец, по народным поверьям, сойдет с Небес на землю в конце времен:

*Как сойдет с неба Илья-пророк,
Загорится матушка сыра земля,
С востока загорится до запада,
С полуден загорится до ночи,
И выгорят горы с раздольями,
И выгорят леса темные,
И сошлет Господь потопие,
И вымоет матушку сыру землю,
Аки харатью белую,
Аки скорлупу яичную,
Аки девицу непорочную.*

Три богатыря. Художник В.М. Васнецов

Вокруг Муромца, если рассматривать былинный эпос в целом, выстраивается система образов, связанных с народными судьбами: Святогор и Микула Селянинович (троичное единство).

Число «три» со времен глубокой древности имеет особое, магическое значение. В сказке всегда действует закон троичности: в семье три брата, три сестры, герой трижды наносит удар по врагу, у Змея три головы (или число, кратное трем). Все важные события случаются три раза, герой получает три задания.

Так, почти за каждым шагом былинного героя стоит сакральная символика древнего воинского культа. Три старца ведуна поднимают на ноги немощного Илью Муромца с помощью ковша ключевой воды. «Классических» богатырей тоже трое. Крестьянин Илья Муромец по возрасту, происхождению и поведению противопоставлен Алеше Поповичу, а единство богатырского воинства зиждется на едином центре притяжения (Святая Русь – Киев – князь Владимир) и на миротворческом посредничестве Добрыни Никитича – представителя княжеской власти.

Илья Муромец и Соловей-разбойник. Лубок

Главнейшие сюжеты былин об Илье Муромце следующие:

1. Илья получает богатырскую силу.

Просидев сиднем долгие годы, немощный на ноги Илья получает силушку богатырскую чудесным образом от калики перехожего – божьего странника, фигуры, столь хорошо на Руси известной и столь любимой русским народом. В Толковом словаре Владимира Даля «калика» определяется как «паломник, странник, богатырь во смирении, в убожестве, в богоугодных делах... Калика перехожий – странствующий, нищенствующий духовный богатырь». В те давние времена по всея России бродили и скоморохи-язычники, и торговцы-офени, калики перехожие, монахи, юродивые и просто нищие. Все они и составляли Русь бродячую, которая издревле Руси оседлой, хозяйственной приносила новости и знания.

Черты странничества есть и в поведении самого Ильи. У него нет ни постоянного дома, ни хозяйства, он не связывает себя никакими житейскими попечениями и заботами, презирая богатство и славу, отказываясь от чинов и наград.

Говорят ему калики перехожая:

Ростени теперь росправь свои-ти ножки резвья,

Ты сойди теперь со печки, они понесут тебя,

Понесут тебя, удержат ножки резвья...

2. Былина об Илье и Святогоре (Смерть Святогора).

См. выше.

3. Поездка Ильи Муромца в Киев.

Отправляясь из родных краев на службу ко двору князя Владимира, он подъезжает к Чернигову и снимает осаду «силушки черным-черно», получив от мужичков черниговских благоговейное величание: «Ай, ты славный богатырь да святорусский». Затем по дороге в Киев он побеждает Соловья-разбойника, Одихмантьева сына (имеющего легко узнаваемое половецкое происхождение). «Соловьями» на Руси называли в то время разбойников вообще, потому что отряды грабителей общались в лесу друг с другом с помощью пересвиста. Пение соловьев в лесу не сулило проезжим купцам ничего хорошего. Судя по всему, именно Илья Муромец руководил карательной операцией по очистке Черниговской дороги от «соловьев». Это принесло ему популярность среди киевских и черниговских купцов.

По другой версии, Илья усмирил непокорное селение язычников, живших в районе современного Вышгорода под Киевом, по дороге на Чернигов. Еще в начале века крестьяне уверенно показывали курган, где был похоронен князь этого племени Соловей.

Победив его и приторочив к стремени, Илья приезжает в Киев, где Владимир-князь только что «вышел со Божьей церкви». Поначалу князь не верит Илье Муромцу, что смог тот с Соловьем-разбойником совладать, обзывая Илью уничижительно: «Мужичище-деревенщина». Пришлось заставить Соловья свистнуть. После того как способности разбойника подтвердились и князь «испужался», Илья во чистом поле срубил Соловью буйну голову, тем самым совладав с угрозой со стороны кочевых племен.

4. Илья Муромец и Калин-царь.

Этот сюжет еще можно назвать «Ссора Ильи с князем». Князь прогневался на Илью и посадил старого казака в погреб холодный (казаком Илья стал в период Смутного времени, так что это свидетельствует о поздней редакции былины). Былина не сомневается в правомочности княжеского поступка (уже формируется взгляд на божественное происхождение самодержавной власти), но осуждает его неразумность и поспешность. Но тут «собака Калин-царь» идет на Киев. Расплакавшись, раскаивается князь, что сгубил Илью. Но, оказывается, Илья жив – предусмотрительная дочь князя Опракса велела его в темнице холить и кормить. Илья обиды не помнит и обещает спасти православных от поганых. Когда Илья увидел, что силе поганой конца-краю нет, он решил обратиться за помощью к сотоварищам по служению – к святорусским богатырям. Он приезжает к ним на заставу и просит помощи. Этот сюжет интересен тем, что доказывает существование целого сословия богатырей-защитников и распространенность державного богатырского послушания. Сперва богатыри помогать князю отказываются. При этом старший из них, Самсон Самойлович, крестный батюшка самого Ильи Муромца, объясняет это так: «У него ведь есте много да князей-

бояр, кормит их, да поит, да и жалует. Ничего нам нет от князя от Владимира». Но обида богатырей держится недолго, и, когда Илья, изнемогая в бою, вновь просит помощи, они вступают в битву и плененного «собаку Калина-царя» ведут по совету Ильи в Киев к Владимиру-князю.

То есть богатыри русские – не служки князя, в былинах всячески подчеркивается их независимость. Они готовы сражаться с врагом, но только – в чистом поле (эпический символ свободы) и не ради князя, а ради сохранения земли русской.

5. Илья Муромец на заставе богатырской.

Заставы богатырские, как и дорожки прямоезжие, – отражение вполне реальной исторической действительности. Именно такие заставы ограждали Русь от набегов со стороны Дикого поля. И так было не только во времена Киевской и докиевской Руси, но и в более отдаленные времена, когда в Приднепровье проходили оборонительные линии против набегов степняков.

Между тремя богатырями на заставе была установлена казачья субординация:

*Под славным городом под Киевом,
На тех на степях Цицарских,
Стояла застава богатырская,
На заставе атаман был Илья Муромец,
Податаманье был Добрыня Никитич млад,
Есаул Алеша – поповский сын.*

В этих былинах метафорично описываются битвы воеводы Ильи со степняками. Если провести исторические параллели, то четко прослеживаются войны Владимира Мономаха с половцами. В 1096 г. войска Владимира и Святополка сняли осаду с Переяслава; в 1103 г. половцам было нанесено поражение на реке Молочной; в 1107 г. под Лубнами были разгромлены войска хана Боняка; в 1111 г. половцы потерпели поражение на реке Сальнице. Наконец, в 1117 г. они признали себя младшими партнерами киевского князя.

6. Бой Ильи Муромца с заезжим богатырем-похвальщиком.

Былина описывает битву Ильи с Великим Жидовином, заканчивающуюся победой русского богатыря.

Выехал в поле Илья, вызвал Жидовина на бой. Долго борются противники, один другого одолеть не могут.

Вдруг у Ильи «левая ноженька ускользнула». Он упал, Жидовин – на него! Хочет пороть ему белую грудь. Вспоминает Илья:

*Написано было у святых отцов,
Удумано у апостолов:
Не бывать Илье в чистом поле убитому.
И – втрое у него силы прибыло!
Придала Илье силы уверенность,
Что ему не положено умереть в бою.
Пособрался он, понатужился,
Вскинул Жидовина на воздух,
Ударил оземь, потом отрубил ему голову,
Вздел ее на копье свое булатное...*

Существуют достоверные исторические события, которые могли послужить отправной точкой для сюжета. Одно из них – разгром Хазарского каганата в 965 г., верхушка которого, как известно, исповедовала иудаизм.

В другом варианте Илья встречается в бою со своим «неузнанным» сыном Сокольников, которого сверстники дразнили, как внебрачного, Сколотным, а, как известно, сколоты (скифы-земледельцы) были одними из предков славян. Здесь могут сказываться мотивы междоусобицы на Руси.

7. Илья Муромец и Идолище поганое.

В этом былинном сюжете описываются реальные исторические события: хождение русских богатырей и калик в Царьград, падение столицы Византийской империи, а также борьба с язычни-

ками (людьми, придерживающимися дохристианской веры предков) в землях новгородских и победа над ними.

8. К XVII в. относят появление одной из последних былин о Муромце – «Илья и голи кабацкие». Здесь описывается конфликт между богатырем – «деревенщиной» и Владимиром Красное Солнышко. Богатырь стал неугоден двору князя, который не пригласил Илью на пир. Муромец в отместку посшибал с церковей золотые кресты и маковки, снес их в кабак и пропил вместе с голью кабацкой. Эта былина была сложена по свежим воспоминаниям о недостойном поведении русской «верхушки» и части духовенства в Смутное время, когда народ осознавал себя единственным защитником веры христианской и церковей Божьих на Руси.

Алеша Попович. Художник А.П. Рябушкин

Народный сказитель, использующий сюжет былины, безусловно, привносит и собственное понимание происходящего, отражая все-таки действительность. Достоверно известно, что, например, за легендарной личностью Алеша Поповича стоят сразу два реальных исторических лица – Ольбег Ратиборич и Александр Попович. Это установлено благодаря сопоставлению эпической событийности с реальными историческими фактами. Оpoznан и противоборец Алеша, былинный Змей Тугарин – это половецкий хан Тугоркан.

Былина «Алеша Попович и Тугарин» начинается с того, что Алеша со товарищи собираются в Киев «добрым молодцам на выхвальбу». Войдя в княжеские палаты, они не только «крест кладут по-писаному, поклон ведут по-ученому», как делал в иных былинах представитель княжеского сословия Добрыня (и не делал представитель народа Илья Муромец), но и «молитву творят, да все Иисусову». Владимир пригласил Алешу на почетное место, но молодой богатырь заявил, что сам выберет, куда сесть, и... полез на печку под трубное окно, как и подобает народному богатырю. Тем временем в княжескую палату явился Тугарин, который «Богу собака не молитче, да князю со княгиней он не кланетче, князьям и боярам он челом не бьет». Алеша не стерпел и стал с печки осу-

ждать поведение незваного гостя.

*Говорит-то собака нынь Тугарин-от:
«Да што у тя на запечье за смерд сидит,
За смерд-от сидит, да за засельщина?»
Говорит-то Владимир стольнокиевской:
«Не смерд-от сидит, да не засельщина,
Сидит руськей могучей да богатырь,
А по имени Олешинья Попович-от».*

Добрыня Никитич. Художник С. Москвитин

Тугарин метнул в Алешу свой нож, но его перехватил названный брат Алеши Еким. Тогда Тугарин вызвал Алешу на бой. Алеша согласился и попросил у другого названного брата Гурия, клыки кабан-зверя, шлем с греческою землею и девяностопудовый посох. Тугарин сел на коня с бумажными крыльями, а Алеша стал молиться Спасу Вседержителю и Богородице. «Олешина мольба Богу доходна была», и пошел дождь, который размочил конские крылья. Опустился Тугаринов конь на землю, тут Алеша выскочил из-под гривы, ударил врага посохом и отрубил ему голову.

Алеша Попович фигурирует в былинах реже Ильи Муромца и Добрыни Никитича. Зато Алексею, человеку Божию, посвящено множество духовных стихов, а пророку Илие – очень немного.

Добрыня Никитич – связующее звено троицы защитников, второй по старшинству и силе богатырь, племянник князя Владимира, олицетворяющий княжескую власть и государственность. Прообразом этого персонажа послужил известный по Повести временных лет Добрыня, дядя и преданный воин равноапостольного Владимира Святославича, которому князь отдал Новгород. Со-

гласно новгородской Иоакимовской летописи, в 991 г. прп. Иоаким Корсунский при помощи Добрыни и воеводы Путяты окрестил новгородцев. Если верить летописи, новгородские язычники взбунтовались, и тогда «Путята крести их мечом, а Добрыня огнем». Крещение Новгорода легло в основу сюжета «Добрыня Никитич и Змей», где богатырь побеждает Змея и освобождает любимую племянницу князя Владимира Забаву Путятишну.

Наиболее искусным в борьбе, как это видно из многих былин, был Добрыня Никитич: «Изучал Добрынюшка бороться. Изучился он с крутой, с носка спускать... Прошла про него слава великая, Мастер был Добрынюшка бороться, Сшиб осударя Илью Муромца на сыру землю...»

В былинах образ Добрыни облагородился и стал являть собой образ воина, в котором сочетаются сила, храбрость, воинское умение, благородство, образованность. Он умел петь, играть на гуслях, был искусен в шахматах, обладал незаурядными дипломатическими способностями, т.е. Добрыня стал идеалом воина-рыцаря эпохи Киевской Руси, не забывая иногда обводить вокруг пальца слишком простецкого и мужиковатого Илью Муромца.

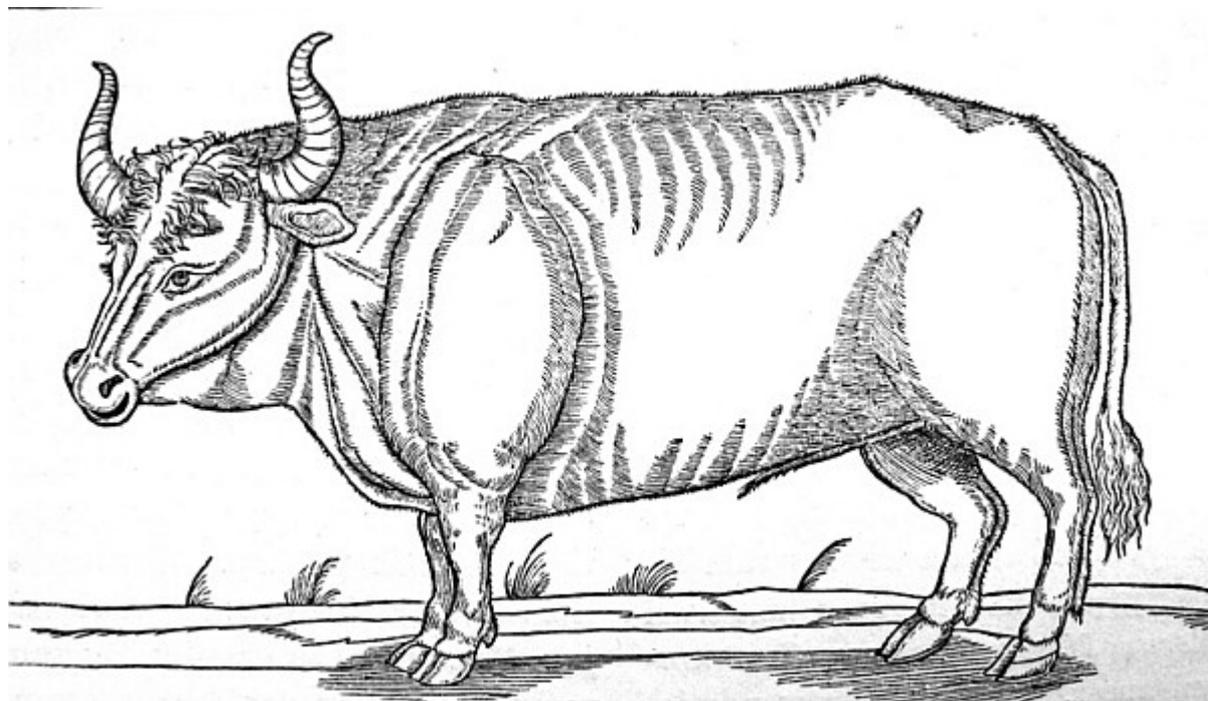
Помимо Киевского цикла выделяют еще Новгородский цикл, состоящий преимущественно из былин о Садко и Ваське Буслаеве.

Много для почитания Ильи Муромца сделала церковь, которой необходим был православный богатырь, могущий сразиться и Чудо-юдо, и Идолище поганое.

В народе же вместе с почитанием преподобного Илии существовало и определенное шуточно-ироническое отношение к его подвигам. Это отношение вообще-то характерно для всего, что навязывалось официальной моралью. В землях новгородских долго еще крепились языческие корни дохристианской Руси. Именно богатырь Василий Буслаев частенько пародирует Илью Муромца в его подвигах.

Из монографии Б.Н. Путилова «Фольклор и народная культура»:

«Пародийное начало заложено в былинах о новгородце Василии Буслаеве. Образ этот поражает своей парадоксальностью: в густом слое богатырских красок, наложенных на него, непросто отделить подлинные от мнимых, непросто понять, когда он “истинный” богатырь, а когда – антибогатырь, богатырь “навыворот”... Былины о Василии демонстрируют отрицание канонов киевского былинного мира, предлагая иной эпический мир. Противопоставление идет, в частности, через подключение пародийного начала. Оно не всегда открывается прямо. Так, детство Василия описывается в духе былинной традиции, с оглядкой на былины о Вольге и Добрыне. Подобно второму Василию – сын «честной вдовы» – рано обнаруживает недюжинную силу и испытывает ее на своих сверстниках. Подобно Вольге он проявляет склонность к учению. Но в то время как для Добрыни ребяческое озорство сменяется серьезными богатырскими подвигами, а для Вольги учение – это путь к овладению опытом вождя и волшебника, Василий свою “науку” употребляет на антибогатырские дела и до конца жизни остается озорником».

Тур. Немецкая гравюра XVI в.

Откровенно пародийный характер носит весь эпизод подбора Василием дружины. В нем ощутимы отголоски разных описаний дружин в киевских былинах, но все здесь предстает в вывернутом виде: и идея соответствия дружинников атаману, и ориентация на тех, кто способен выпить ведро вина и выдержать удар палицы, и социально-профессиональный отбор дружинников...

Подобно Илье Муромцу Василий в самый важный момент заточен в погреб, но только всей ситуации придан комический оттенок – его запирает в погребе мать, применяя иногда собственную силу («Хватила Васильюшку под пазуху»). В гротесковой манере описано, как мать выводит его из побоища: она вскакивает сзади ему «на могучие плечи» и заставляет его успокоиться.

Рядом с пародийным выворачиванием классической эпической традиции прослеживается стремление к изображению Василия Буслаева как героя нового типа, выросшего и действовавшего в уникальной обстановке Великого Новгорода, который, как известно, являлся северным оппонентом Киеву.

Из наследия старины необходимо упомянуть и о любимом дружинниками жанре – «Туры златорогие», песнях балладного характера, когда-то зачин былины. Туры – древние быки (позже вымерли), объект княжеской охоты в Киевской Руси и символ мужества. В эпосе получили значение вещей зверей, наделенных чудесными свойствами и фантастическим обликом.

Туры рога – ритоны были обязательной принадлежностью торжественных ритуальных пиров и являлись обязательным атрибутом богов, как символ благоденствия («рог изобилия»). Существовало большое количество сакральных рогов разных эпох, начиная с каменных стел на путях праславянской хлебной торговли VI – V вв. до н.э.

В славянских быличках и мифах поединки и битвы – характерная черта поведения мифологических персонажей. В их числе наиболее известные поединки между мифологическими персонажами, ведающими атмосферными явлениями (тучами, градом, ветрами), и колдунами типа облакопрогонников, которые борются с ними.

Одним из ярчайших и убедительнейших подтверждений «объединяющей международной» русского эпоса является тот факт, что Русь, а подчас даже и сами герои ее эпоса вошли в эпосы других народов Евразии. Так, объединяющий герой русского эпоса князь Владимир является (под именем Вальдемар) героем исландского эпоса, прежде всего «Саги об Олафе Трюггвассоне», записанной в XII в., но в устной традиции возникшей, несомненно, раньше (норвежский король Олаф был современником Владимира).

Гуслиар поющий. Художник А.П. Рябушкин

В норвежской «Саге о Тидреке Бернском» Владимир (Вальдемар) выступает уже рядом с Ильей (Илиас), который представлен здесь как побочный брат Владимира. Действие саги разворачивается непосредственно на Русской земле (Ruszialand), упоминаются Новгород (Holmgard), Смоленск (Smaliski), Полоцк (Palltaeskiu) и т.п. Сага была записана в 1250 году, но западные исследователи относят ее возникновение ко времени не позже X века. Наконец, Илья Русский (Ilias von Riuzen) – герой ряда произведений германского эпоса, прежде всего поэмы «Ортнит», записанной в 1220 – 1240 годах, но сложившейся намного ранее.

Русь заняла выдающееся место в эпосе Юго-Востока – в поэме Низами Ганджеви «Искендер-наме», созданной в конце XII века, а точнее, в первой книге этого произведения – «Шараф-наме» («Книга о славе»), где описываются подвиги великого Искендера (то есть Александра Македонского). Шестая часть «Шараф-наме» (более 2000 строк) посвящена изображению его битв с русским войском, которое во главе с Кинтал-Русом вторглось в Закавказье. Речь идет о действительно имевших место нескольких походах Руси в города восточной части Закавказья, совершившихся в IX и X вв. Русские воины предстают настоящими богатырями, и лишь в седьмом по счету сражении Искендер побеждает Кинтала, а затем заключает с ним почетный мир.

Очерченные выше проявления русского героического эпоса на огромном пространстве от Норвегии до Византии и от германских земель до границы Ирана дают представление об энергии и активности исторического бытия Руси в героическую эпоху ее юности, что и отражено в народных

сказаниях.

Что касается отсутствия такого жанра, как «эпопея», на Руси, то В.Я. Пропп убедительно показал, что «эпос любого народа всегда состоит только из разрозненных, отдельных песен. Эти песни обладают внутренней цельностью и до некоторой степени внешней объединяемостью... эпос обладает не внешней целостностью, а внутренним единством, единством образов героев, одинаковых для всех песен, единством стиля и, главное, единством национально-идейного содержания... Подлинный эпос всегда состоит из разрозненных песен, которые народом не объединяются, но представляют собой цельность. Эпопея же внешне едина, но внутренне мозаична... Эпос, как мы видели, целостен по существу и разрознен по форме своего выражения».

После побоища Игоря. Художник В.М. Васнецов

Русские былины, ждавшие своей записи несколько столетий, не объединились в эпопею, как это сделали поздние «усовершенствователи» на Западе («Песня о Нибелунгах», «Песня о Роланде»). Передача эпоса в устной традиции имела свои недостатки (поэтические искажения), но есть и преимущество перед теми или иными записями, ибо в определенных отношениях она вернее сохраняла изначальную природу эпоса.

Исполнителями, а очень часто и слагателями песен и былин были замечательные древнерусские хранители традиций, артисты, музыканты и поэты, известные под именем баянов, гусяров, скоморохов. Недаром в самих былинах они выводятся исполнителями былин, истинными артистами, от «умильной игры которых все князи и бояре те, и все эти русские богатыри, все же за столом призадумались, все же призаслухались».

Единый некогда массив мифологии распался со временем, породив два направления: воинские обряды и богатырские сказки, былины и предания.

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ С ВОИНСКИМ СМЫСЛОМ

Древние люди думали, что каждое племя, род происходят от какого-то предка-животного. Такой предок называется тотемом, а верования – тотемизмом. Можно думать, что сказочные Медведь, Волк, Орел, Сокол, Ворон Воронович – воспоминание о тех временах, когда люди верили в тотемы.

Мир волшебной сказки – мир многобожия, т.е. язычества. Человек соприкасается в них с

древними властителями природных и потусторонних сил: Солнце, Месяц, Ветер, Мороз, водяной, морской царь, леший, колдун, ведьма...

Волшебными навыками перевоплощения проникнута и первая в древнерусской литературе воинская повесть «Слово о полку Игореве», основой поэтики которой, скорее всего, являлись волшебные сказки. Об этом свидетельствуют и магические превращения в «Слове» человека в животное или птицу в образах вещего Бояна, Всеслава Полоцкого, князя Игоря и Овлура, а также Святослава Киевского.

На протяжении веков, несмотря на попытки дословного пересказа, происходил процесс искажения и забывания исходного смысла древних мифов и историй. То же самое произошло и с нашими боевыми сказаниями.

Начинается волшебная сказка с того, что главный герой по тем или иным причинам покидает родной дом и обычный мир. Поиски, сражения – все, что совершает персонаж волшебной сказки, чаще всего происходит в чужом, странном мире: в медном, серебряном, золотом царстве или в далеком тридевятом (за тридевять земель) царстве тридесятом государстве. Домой же герой возвращается уже преображенным воином– победителем.

Самый любимый герой сказки – солдат. Ловкий, находчивый и в слове и в деле, смелый, все умеющий, неунывающий. Он изгоняет чертей из барского дома, из церкви, обыгрывает их в карты, поскольку полагается на добрую силу. В одной из сказок солдат настолько запенял нечистую силу, что, когда он умер и попал в ад, черти постарались выпихнуть его обратно на землю.

Несведущего человека в старинных неадаптированных сказках может поразить их жестокость. Например, герою отрубают пальцы. Или один человек просит другого рассказать какую-нибудь историю. Хорошо, говорит второй, я расскажу, но если перебеешь меня – ремень из спины вырежу. Эти древние детали – наследие времен суровых, а также, вероятно, напоминание об обряде инициации, во время которого юношам приходилось терпеть боль и всяческие лишения.

До нашего времени многие воинские заветы дошли в виде обычных сказок со скрытым воинским смыслом, который объясняется устно в виде комментариев...

СКАЗКА «ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНЬЮ»

(Из сборник А.Н. Толстого)

Жил-был старик. У него было три сына: двое умных, третий – дурачок Емеля.

Те братья работают, а Емеля целый день лежит на печке, знать ничего не хочет.

Один раз братья уехали на базар, а бабы, невестки, давай посылать его:

– Сходи, Емеля, за водой.

А он им с печки:

– Неохота...

– Сходи, Емеля, а то братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут.

– Ну ладно.

Слез Емеля с печки, обулся, оделся, взял ведра да топор и пошел на речку.

Прорубил лед, зачерпнул ведра и поставил их, а сам глядит в прорубь. И увидел Емеля в проруби щуку. Изловчился и ухватил щуку в руку.

– Вот уха будет сладка!

Вдруг щука говорит ему человеческим голосом:

– Емеля, отпусти меня в воду, я тебе пригожусь.

А Емеля смеется.

– На что ты мне годишься? Нет, понесу тебя домой, велю невесткам уху сварить. Будет уха сладка.

Щука взмолилась опять:

– Емеля, Емеля, отпусти меня в воду, я тебе сделаю все, что ни пожелаешь.

– Ладно, только покажи сначала, что не обманываешь меня, тогда отпущу.

Щука его спрашивает:

– Емеля, Емеля, скажи, чего ты сейчас хочешь?

– Хочу, чтобы ведра сами пошли домой и вода бы не расплескалась...

Щука ему говорит:

– Запомни мои слова: когда что тебе захочется скажи только: «По щучьему

веленью, по моему хотенью».

Емеля и говорит:

– По щучьему веленью, по моему хотенью – ступайте, ведра, сами домой...

Только сказал – ведра сами и пошли в гору. Емеля пустил щуку в прорубь, а сам пошел за ведрами.

Идут ведра по деревне, народ дивится, а Емеля идет сзади, посмеивается...

Зашли ведра в избу и сами стали на лавку, а Емеля полез на печь.

Прошло много ли, мало ли времени, невестки говорят ему:

– Емеля, что ты лежишь? Пошел бы дров нарубил.

– Неохота...

– Не нарубишь дров, братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут.

Емеле неохота слезать с печи. Вспомнил он про щуку и потихоньку говорит:

– По щучьему веленью, по моему хотенью – поди, топор, наколи дров, а дрова – сами в избу ступайте и в печь кладитесь...

Топор выскочил из-под лавки – и на двор, и давай дрова колоть, а дрова сами в избу идут и в печь лезут.

Много ли, мало ли времени прошло – невестки опять говорят:

– Емеля, дров у нас больше нет. Съезди в лес, наруби.

А он им с печки:

– Да вы-то на что?

– Как мы на что?.. Разве наше дело в лес за дровами ездить?

– Мне неохота...

– Ну, не будет тебе подарков.

Делать нечего. Слез Емеля с печи, обулся, оделся. Взял веревку и топор, вышел на двор и сел в сани.

– Бабы, открывайте ворота!

Невестки ему говорят:

– Что ж ты, дурень, сел в сани, а лошадь не запряг?

– Не надо мне лошади.

Невестки отворили ворота, а Емеля говорит потихоньку:

– По щучьему веленью, по моему хотенью – ступайте, сани, в лес...

Сани сами поехали в ворота, да так быстро – на лошади не догнать.

А в лес-то пришлось ехать через город, и тут он много народу помял, подавил.

Народ кричит: «Держи его! Лови его!» А он, знай, сани погоняет. Приехал в лес.

– По щучьему веленью, по моему хотенью – топор, наруби дровишек посуше, а вы, дровишки, сами валитесь в сани, сами вяжитесь...

Топор начал рубить, колоть сухие деревья, а дровишки сами в сани валяются и веревкой вяжутся. Потом Емеля велел топору вырубить себе дубинку – такую, чтобы насилу поднять. Сел на воз.

– По щучьему веленью, по моему хотенью – поезжайте, сани, домой...

Сани помчались домой. Опять проезжает Емеля по тому городу, где давеча помял, подавил много народу, а там его уж дожидаются. Ухватили Емелю и тащат с возу, ругают и бьют.

Видит он, что плохо дело, и потихоньку:

– По щучьему веленью, по моему хотенью – ну-ка, дубинка, обломай им бока...

Дубинка выскочила – и давай колотить. Народ кинулся прочь, а Емеля приехал домой и залез на печь.

Долго ли, коротко ли – услышал царь об Емелиных проделках и посылает за ним офицера: его найти и привезти во дворец.

Приезжает офицер в ту деревню, входит в ту избу, где Емеля живет, и спрашивает:

– Ты – дурак Емеля?

А он с печки:

– А тебе на что?

– Одевайся скорее, я повезу тебя к царю.

– А мне неохота...

Рассердился офицер и ударил его по щеке.

А Емеля говорит потихоньку:

– По щучьему веленью, по моему хотенью – дубинка, обломай ему бока...

Дубинка выскочила – и давай колотить офицера, на силу он ноги унес.

...

Емеля, как былинный Илья Муромец и другие богатыри, предпочитал побеждать врагов, «сидя на печи». Его сила основана на помощи щуки, которую он поймал и отпустил обратно в воду. Щука – один из символов древнейшего первопредка, изображение щуки или ее челюстей носили в качестве оберега. Иными словами, Емеле помогает сила предков, сила народной традиции. Сидение на печи означает еще и терпеливость народа, который зачастую именно из-за этого качества выходил победителем из долговременного противостояния с врагами.

СКАЗКА ПРО ДОМИК

Жили-были лиса и заяц. Лиса быстренько построила себе зимой избу ледяную, а заяц потрудился, построил себе избу лубяную (деревянную). Пришла весна, растаяла у лисы избушка.

Лиса выгнала зайца из его лубяного дома, а тот идет и плачет. Навстречу ему медведь.

– Что, зайнька, плачешь?

– Была у лисички избушка ледяная, а у меня лубяная. Пришла весна, ее избушка растаяла. Лисичка попросилась ко мне в домик переночевать да меня же и выгнала.

– Не плачь, я ее прогоню.

Пришли к дому. А там лиса.

– Как выскочу, как выпрыгну! Полетят клочки по заулочкам!

Испугался медведь и ушел.

Идет снова зайчик и плачет, а навстречу ему бык (иногда баран).

– Что, зайнька, плачешь?

– Да как же мне не плакать? Лисичка попросилась ко мне в домик переночевать да меня же и выгнала. И медведь не помог.

– Не плачь, я ее прогоню.

– Как выскочу, как выпрыгну! Полетят клочки по заулочкам!

Испугались бык и заяц и убежали.

Идет зайчик по дороге и плачет, а навстречу ему волк.

– Что, зайчик, плачешь, я тебе помогу.

– Нет, волк, не поможешь, медведь гнал – не выгнал, бык гнал – не выгнал, и тебе не выгнать.

Пошли они с волком к избушке, но лиса и их прогнала.

– Как выскочу, как выпрыгну! Полетят клочки по заулочкам!

Плачет заяц, а навстречу ему петух.

– Что, зайчик, плачешь?

– Да как же мне не плакать? Лисичка попросилась ко мне в домик переночевать да меня же и выгнала. И медведь не помог, и бык не помог, и волк убежал.

– Не плачь, я ее прогоню.

Взял петух свою косу и пошел к избушке. Идет и поет:

– Несу косу на плечи – хочу лису посечи!

Испугалась лиса, выбежала из домика, тут петух ее и зарубил. Стали они вместе с зайчиком в избушке жить-поживать, да добра наживать.

Была и у меня клячонка – восковые плечонки, плеточка гороховая. Вижу: горит у мужика овин; клячонку я поставил, пошел овин заливать. Покуда овин заливал, клячонка растаяла, плеточку вороны расклевали. Торговал кирпичом, остался ни при чем; был у меня шлык, в подворотню шмыг, да колешко шиш, и теперь больно. Тем и сказке конец!

...

Данная сказка иносказательно описывает этапы становления трудной победы над хитрым и жестоким врагом. Рассмотрим символику сказки.

Домик – это тот мир, в котором человек живет и который ему надо защищать.

Заяц – это душа необученного, неуверенного пока, но трудолюбивого человека.

Лиса – хитрый враг, который побеждает неуверенного человека и выгоняет его из «домика».

Медведь – это сила без разума.

Бык – это упорство.

Волк – это ловкость и опыт.

Петух, «кур» – это огонь, воинский дух. Он носит на плече косу, символ смерти и самопожертвования.

Идя к победе, человек постепенно приобретает силу, упорство, ловкость, опыт. Но только обретение воинского духа позволяет ему победить врага.

В сказке этой поведено, что «один в поле не воин», что многими умениями побеждают, а воинским наукам обучаться надо...

Украшают волшебную сказку и разные прибаутки, присказки – коротенькие шуточные зачины, часто стихотворные: «Было это дело на море, на окияне. На острове Кидане стоит древо – золотые маковки. По этому древу ходит кот Баюн. Вверх идет – песню поет, а вниз идет – сказки скзывает».

«Сказка ложь, да в ней намек, добрым молодцам – урок». Это традиционное окончание должно напоминать нам о том, что в сказке всегда есть «намек», понять который, зачастую, может только человек, которому были даны ключи к сказкам.

Важно не лениться и не мечтать по-пустому.

РАТНЫЕ ЗАГОВОРЫ

Древний человек верил в святость произнесенных слов, ведь когда-то они обладали сакральным значением и не расходились с делом. Речь – это то, что, по воззрениям древних людей, отличало нас от животных и было ниспослано сверху. Недаром дар красноречия так ценился во всех странах, у всех народов. А раз этот божественный дар существует, то с помощью его можно договориться с высшими силами, надо только знать, как это сделать.

Для этого существуют специальные люди: волхвы, жрецы, ведуны, знахари, существуют определенные сочетания слов и звуков, которые могут донести твою просьбу-послание до ушей Бога и различных божеств, живущих вокруг нас. Оформляются эти просьбы и требования в виде молитв, заговоров, заклятий, клятв.

В народном воображении издревле бытовала вера в то, что заговорным молитвенным словом можно отвести любую беду, в том числе и ратную. Одним из главных условий воздействия заговора является вера в его силу. Эта вера в действенность колдовства избавляет людей от страха, усиливает его возможности, чему также существуют многочисленные свидетельства.

Очевидно, заговоры являются обломками языческих молений. «Первая молитва у всякого народа была и первым песнопением; в заговорах и заклятиях до сих пор замечаются метр и народная рифма; тоже должно сказать о загадках и некоторых старинных пословицах и поговорках» (Афанасьев А.Н.).

Веру в магическую мощь заговоров, молитв, эпических песней Афанасьев объясняет искажением и буквальным пониманием древних метафорических выражений, служивших для обозначения небесных явлений. Из веры в мощь слова он выводит благословения, добрые пожелания и приветствия (здравицы), проклятия, языческую присягу и т.п. А.Н. Афанасьев подчеркивал веру народа в то, что заговоры «непригодны для забавы и вмещают в себе страшную силу, которую не следует пытаться без крайней нужды; иначе наживешь беду».

Большинство русских заговоров включает в себя мифы. В них упоминается и Мировое дерево (обычно дуб), изначальные Мировые воды (Море-Окиян), Первоземля (Остров Буян), первые существа (Рыбы, Птицы).

Можно отметить, что воинские заговоры, сопровождающие обряды, по форме значительно отличаются от целебных заговоров. Нередко в них, кроме упоминания о Христе, Богородице, святых и других положительных символах, присутствует нечистая сила и языческие символы. Разнят-

ся они и по фонетическому звучанию. У наговоров и военных заговоров более мрачные, повелительные интонации. Можно говорить о большой относительности этого деления, поскольку во множестве заговоров, как и в самой жизни, смешивались и светлое, и темное. Например, в воинских заговорах приказывали пулям и стрелам лететь во врагов, принося им страдания и смерть, в любовных – присушивали жертву во благо семьи и заказчицы, в лечебных – предлагали болезни покинуть это тело и переселиться в любое другое на выбор или по наущению.

Мощный заряд внушения достигается и использованием веры народа в силу слова и в сверхъестественное, и особым содержанием заговора (мифом), и звуковым словосочетанием (фоносемантика), и особым поведением, что подтверждается и научным изучением заговоров с точки зрения психолингвистики.

Витязь на распутье. Художник В.М. Васнецов

Важные элементы заговорных формул – эпитеты, сравнения, символы. Предполагается, что формульная природа заговоров восходит к песенному творчеству, поэтому в них развита ритмика, а иногда возникали рифмы:

*Иди, худое,
За лихие болота,
За гнилую колоду,
Где быки не режут,
Петухи не поют.
Там ваше гулянье,
Там ваше красованье,
Там вечная жизнь.*

Верили, что текст заговора изменять нельзя, иначе ослабнет его сила. Поэтому, не надеясь на память, заговоры записывали. Сложилась даже письменная форма их бытования. Однако, несмотря на это, заговоры, как всякое фольклорное явление, были подвержены изменениям.

Разрушить или ослабить силу заговора мог только другой заговор. В поздней традиции заговор не всегда требовалось произносить, достаточно было записать его на бумагу и носить в ладанке на груди (например, дорожный оберег «Свет Богородицы»).

В эпических заговорах были постоянные элементы построения: зачин (молитвенное вступление), эпическая часть (описание обрядовых действий), выражение пожелания, закрепка – концовка. Обычно действие происходит «на море-окияне, на острове Буяне», посреди которого стоит медный столб от земли до неба или лежит «бел Алатырь-камень». Действие также может разворачиваться в горах, в чистом поле. Построение заговора представляет собой последовательное сочета-

ние формул. Фольклорная формула – устойчивая словесная конструкция, как правило, ритмически упорядоченная и имеющая характер законченного суждения.

В заговорах наиболее употребительны были начальные формулы (молитвенные вступления) и заключительные (закрепки), которые могли завершаться «зааминиванием». Например: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа! Аминь!», «Будьте, мои слова, крепки и прочны. Ключ – замок. Аминь, аминь, аминь!»

Во многих воинских заговорах обращаются к мужу каменному или девице красной, что ратным делом заповедывают, чтобы «пули были не в пули, стрелы не в стрелы, и шли бы они во чисто поле, в мать сыру землю, и чтобы ножи булатные, сабли вострые, пищали, топоры и бердыши были смиренными и вреда бы не причиняли». Выказывались пожелания, чтобы «тело было крепче белого камня, а платье крепче панциря и кольчуги и чтоб от каменной одежды той и пуля, и сабля отскакивали бы, как молот от наковальни, чтоб железо и сталь вертелись бы кругом, как у мельницы жернова, но тела не трогали». Эти и подобные тексты словесной магии были хорошо известны и в казачьей среде с ее воинским укладом жизни и еще довольно часто встречались в XX веке у донских и кубанских казаков.

А.В. Суворов. Гравюра XIX в.

В армейской среде заговоры в свое время были так распространены, что вошли в противоречие с уставами во времена Петра I. И поэтому, начиная с воинских артикулов (строевые уставы) Петра, заговоры строжайшим образом преследовались и «ружья заговоритель» рисковал погибнуть жестокой смертью: «без сожаления да сожжется», хотя история не сохранила примеров такого наказания за подобное преступление.

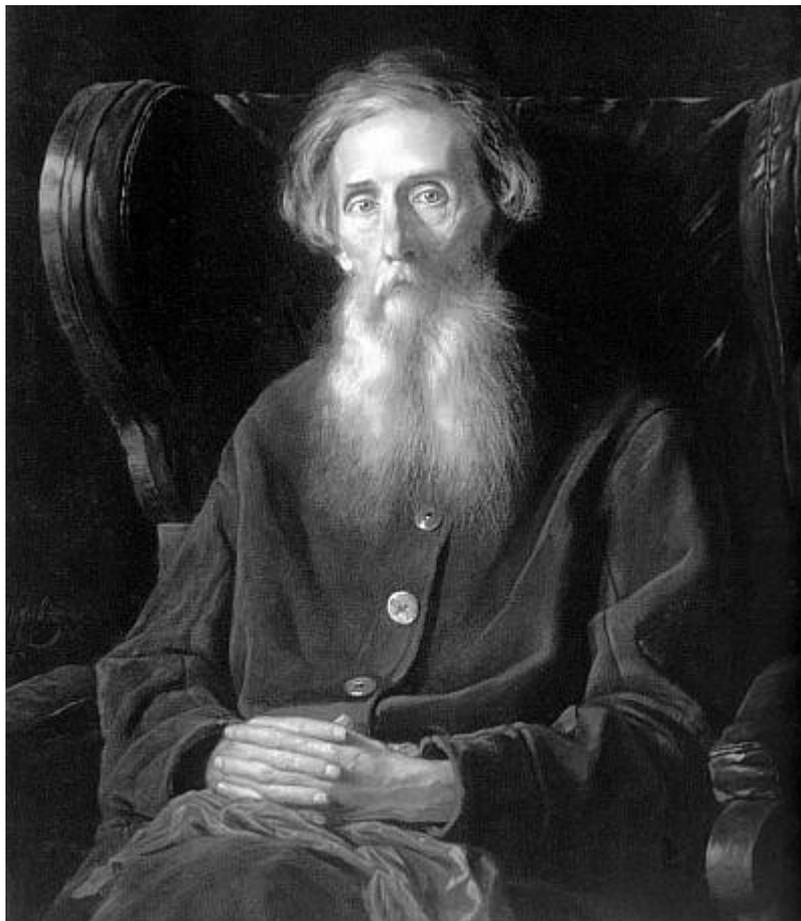
Наверняка и сейчас у людей военных есть свои приметы и традиции, идущие из тьмы веков, с ними оно как-то спокойнее.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ ОТНОСИТЕЛЬНО ГЕРОИЧЕСКОГО ДУХА И ТЕЛА

Пословицы – это краткие и поэтичные формулы народной мудрости, несущие силу житейских закономерностей.

У пословиц и поговорок обычно нет автора. Мы вряд ли узнаем точное время их появления, место их создания. Пословицы и поговорки вобрали в себя народную мудрость, накопленную веками. Им свойственны афористическая сжатость и точность суждений о самых различных сторонах

жизни человека. Передаваясь из уст в уста, пословицы и поговорки шлифовались, совершенствовались, приобретая предельную точность, меткость и лаконичность. У каждого народа свои крылатые выражения, отражающие особенности его быта, исторической судьбы, национального самосознания.

Портрет писателя Владимира Ивановича Даля. Художник В.Г. Перов

Пословицы, как отмечает В.И. Даль, – это коротенькая притча, суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот под чеканом народности.

Поговорки весьма близки к пословице, но не имеют такого нравоучительного, поучающего смысла. Поговорка – окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения; это первая половина пословицы.

Иностранцы просто не поймут смысла русских поговорок, пословиц и загадок. Как объяснить иностранцу пословицу «Больно ранен – так что и головы не нашли» или загадку «Сидит девица в темнице, а коса на улице». Их может понять только человек, живущий в традиции русского народа, понимающий ассоциации, национальную иносказательность. В результате этого понимания правится символическое восприятие мира, своей культуры, окружающей среды, в которой человек живет, трудится и воюет.

Яркие, образные выражения при общении с солдатами использовал величайший русский полководец, генералиссимус А.В. Суворов. Он пользовался огромным уважением и любовью среди солдат. За время своей службы в нижних чинах Суворов научился говорить их языком и мог просто и ясно объяснить военные премудрости.

Суворовские заветы усваивались легко. Недаром «Словесное поучение солдатам» имеет подзаголовок «Разговор с солдатами их языком». Вот примеры его поучения солдатам: «Пуля – дура, штык – молодец! Береги пулю в дуле на два, на три дня, на целую кампанию! Стреляй редко, да метко! А штыком коли крепко! Ударил штыком да и тащи его вон! Назад, назад его бери! Да и другого коли! Ушей не вешай, голову подбери, а глазами смотри! Глядишь направо, а видишь влево!» Суворов знал, что русский солдат, прошедший школу деревенских стеношных, кулачных боев, силен в рукопашной схватке. Многие иностранные генералы отмечали, что сильнее солдата в рукопашном бою, чем русский, нет.

Прусский король Фридрих Великий говорил: «Русского солдата мало убить, его нужно еще и повалить!» – сознавая, что никакой муштрой и палочной дисциплиной нельзя добиться от солдат-наемников той стойкости и самоотверженности в бою, какие были у русских солдат.

Начало научному изучению этого пласта народного творчества положил М.В. Ломоносов. Исключительная роль в собирании народных изречений принадлежит В.И. Далю, записавшему среди крестьян, ремесленников, кулачных бойцов и солдат 25 тыс. пословиц и поговорок. Этот труд был опубликован в 1861 – 1862 гг., но это собрание не вместило всего записанного В.И. Далем. В знаменитый «Толковый словарь живого великорусского языка» вошло еще много пословиц и поговорок, не попавших в сборник. Мы рассмотрим пословицы и поговорки, связанные, по определению В.И. Даля, с «Бранью-Войной-Дракой», а также казацкие поговорки из различных собраний.

ВОЕННАЯ МУЗЫКА И ПЕСНЯ

*Он песней в душу льет печаль;
Он душу погружает в даль
Пространств унылых, замогильных!
Но раздается резкий звук;
Он славит копий бранный стук
И шлет отраду в сердце сильных.*
В. Кюхельбекер

Гудок – прообраз скрипки

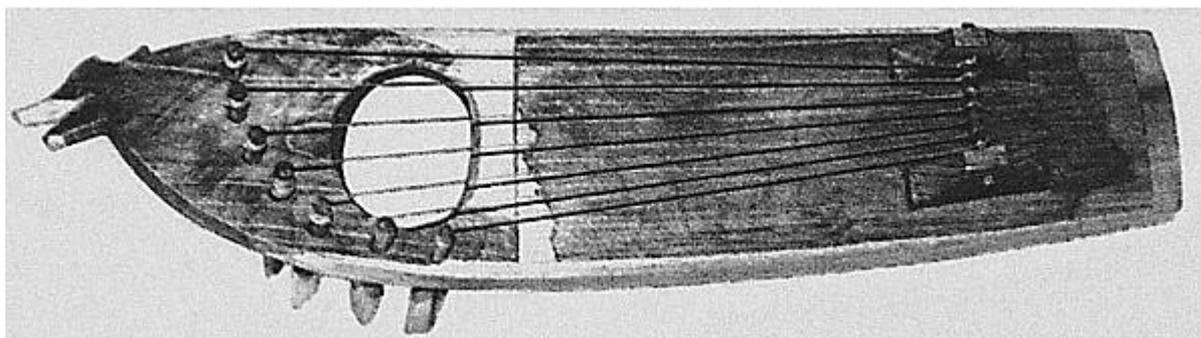
МУЗЫКА И ПЕНИЕ

У многих народов происхождение музыки, музыкальных инструментов и песен связано с природными явлениями и владыками гроз, выюг и ветров. Религиозные обряды в честь Перуна

(бога грома и молнии), Стрибога (бога ветров), Святовид (бога солнца), Лады (богини любви) и т.д. сопровождалось пением, плясками, игрой на музыкальных инструментах и заканчивались общим пиром.

Звуки духовой музыки рождаются благодаря вдуванию воздуха в инструмент. Дуновение ветра воспринималось нашими предками как исходящее из открытых уст богов. Фантазия древних славян сближала вой бури и свист ветров с пением и музыкой. Мифические представления, сочетавшиеся с музыкой, сделали их священной и необходимой принадлежностью языческих обрядов и праздников.

А.Н. Афанасьев писал, что разнообразные музыкальные тоны, рождаясь при дуновении ветра в воздухе, отождествляются со словом «дуть». Отсюда произошли: дуда, дудка, дудеть, перс, dudu – звук флейты; гудок и гусли – от гуду; гудеть – слово, употребляемое малороссами для обозначения дующего ветра; сравни: сопелка, сиповка – от сопати, сопеть (шипеть), сиплый, свистелка – от свистать. Особо можно отметить происхождение слова «гудьба», которое родилось одновременно со способностью человека извлекать звук, гул и гудение из тетивы лука, а позже и намеренно созданных гудочных орудий: гудков (прообразов скрипок), гуслей, свирелей, рожков, волынок. Слово это стало обозначать у славян все многообразие звукового ряда, в том числе и громких отрывистых звуков, производимых бубнами и другими ударными приспособлениями. Впоследствии «гудьба» была вытеснена из русского языка греческим словом «музыка».

Древнерусские гусли. Новгород

Византийский историк Феофилакт Симокатта, арабский путешественник Аль-Масуди подтверждают существование музыкальных инструментов у древних славян. Арабский географ Омар ибн Дауд в своей «Книге драгоценных сокровищ» пишет: «Есть у них разного рода лютни, гусли и свирели...» В византийских хрониках, относящихся к VI в., рассказывается о славянах-гуслирах: «Вместо оружия славяне-великаны носили с собой гусли».

Жалейка – один из самых распространенных духовых инструментов на Руси

Воины славяно-русов непременно использовали музыку для поднятия своего духа и устрашения врага подобно воинам Древней Греции, которые шли в бой под пронзительные звуки авлоса – древнегреческого «гобоя». А боевой дух воинов перед сражением поднимали при помощи игры на кифарах.

В русских сказках на звуки рога и дудки являются ратники, против которых не устоит никакая сила; чудодейственные гусли-самогуды сами играют, сами песни поют, заставляют плясать без отдыха.

Музыка и пение, по мнению А.Н. Афанасьева, являются необходимым элементом древних праздников и обрядов, а ведической функцией древнего класса «музыкантов, певцов, поэтов, словом, людей вещей» он считает хранение в памяти и исполнение эпических сказаний. Поздним отражением языческих ритуалов являются как народные песни и танцы, так и вещи сказания-песни скоморохов и гуслиаров.

Старинный русский оркестр. Из «букваря» Кариона Истомина

До XVII в. в музыкальном и песенном деле велика была роль скоморохов. Это были особые руководители «гудьбы» (музыки) и плясок, умельцы играть на гусях, на дуде, на волынке и одновременно отплясывать.

По определению Домостроя, специальностью скоморохов были «плясание и сопели, песни бесовские». «Свиряющими в трубы» или «сопцами», то есть «играчами» на пищальнике, сурне, сопели, дубе, жалейке, называют скоморохов азбуковники XVI – XVII в. Под их музыку пел и плясал народ. Недаром к себе на пир и на воинские походы русские князи звали скоморохов, которые могли и развеселить, и настроить на торжественный лад сказаниями о былых богатырях, и знак войскам подать.

Предки наши обладали рядом простых духовых инструментов, сохраняющихся в употреблении и доселе. Таковы: дудка, или свирель (из полого ствола какого-нибудь растения или древесной коры), пастушеский рожок разной величины (из бересты или дерева, обмотанного берестой), двойная дудка (жалейка или сиповка). Для извлечения музыки употребляли также рога домашних животных. Поэтому можно полагать, что именно дудка и рожок были первыми инструментами. Потом появились жалейка, рог, свирель, бубны, волынка, гудок, гусли, балалайка, ложки, барабаны, металлические трубы и т.д.

На огромной территории, где селились наши предки, в курганах находят различные по виду и величине колокольчики и бубенчики. Самобытные музыканты-виртуозы выбивали на бубне бесчисленное количество разнообразных ритмов. По инструменту били пальцами и ладонями, локтями, коленями, лбом, высоко подбрасывали его над головой, вращали вокруг туловища.

Иногда в качестве музыкальных инструментов использовались предметы быта. По бутылкам, наполненным разным количеством воды, ударяли специальными деревянными молоточками, звенели колокольчиками, закрепленными на шапке.

К числу древнерусских инструментов принадлежали также варган – полудуховой, полуударный инструмент, в который дули ртом и ударяли пальцем, а также ложки – деревянный или медный ударный инструмент, имеющий форму обыкновенных ложек, рукоятки которых увешаны бубенчиками.

Наполеон на острове Св. Елены. Художник И.К. Айвазовский

По свидетельству сына владельца балаганов А.В. Лейферта, гулянье во время праздников с участием скоморохов и других любителей повеселиться представляло собой «гигантский чудовищный хаос звуков, создающийся тем, что одновременно пищит шарманка, ревет труба, стучат бубны,

поет флейта, гудит барабан, говор, возгласы... песня». Все это сближает эти звуки с громом битвы.

Боевые трубы известны как непрменный воинский атрибут с XII в.: «Под трубами повиты, с конца копья вскормлены...» («Слово о полку Игореве»). Наряду с барабанами и бубнами они использовались для управления войсками путем подачи сигналов для начала атаки, сбора рассеянных полков под княжеский стяг или подбадривания своих воинов в наиболее тяжелые минуты сражений, штурмов или обороны крепостей.

Звук трубы созывал воинов в поход. Под боевой напев трубы сходились богатыри в схватке. Трубы возвещали о возвращении ратников в родные края с победой.

О роли музыки в военном деле хорошо сказал великий русский полководец А.В. Суворов. Один генерал как-то заметил, что надлежало бы уменьшить число музыкантов и умножить ими ряды солдат. «Нет, – отвечал Суворов, – музыка нужна и полезна, и надобно, чтобы она была самая громкая. Она веселит сердце воина, равняет шаг, с ней мы танцуем и на самом сражении. Старик с большею бодростью бросается на смерть. Молокосос, стирая со рта молоко маменьки, бежит за ним. Музыка удваивает, утраивает армию. С крестом в руке священника, с распущенными знаменами и с громогласной музыкой взял я Измаил!»

Находясь в изгнании на острове св. Елены, Наполеон говорил: «В российской кампании у моего войска было два главных врага: морозы и русская военная музыка». Действительно, французы боялись русскую музыку, напоминающую о бескрайности просторов и русской метели, а еще – захватских русских песен.

Музыка и песня могут звать в бой, как боевое знамя, как призыв полководца. Музыка и песня на войне помогают бойцам выстоять, вселяют силу и бодрость духа, не дают ожесточиться, омертветь душой.

ВОЕННАЯ ПЕСНЯ

Солдат без песни – что без ружья!

А.В. Суворов

Во всех боевых искусствах всего мира песне отводилась особая роль: она позволяла сплотиться, почувствовать себя частью единого целого, снять психофизическое напряжение, быстро достичь необходимого для дела состояния. Тем большее значение песня имела для русского воинства, где всегда сильны были общинные отношения, в особенности для казаков, которые воплощали в себе традиционную культуру русского воинства.

Условно воинские песни можно подразделить на «песни привала-отдыха» – песни раздумья и на «бодрящие» – строевые песни. И если песни привала пелись и на войне, и в мирное время, то строевые были связаны с определенными условиями исполнения: «пешие» («пехотные») пелись «под шаг», «под ногу», «кавалерийские» – под ход коня, существовали песни «под пляс», песни-молитвы перед боем. Характерно, что одна и та же песня может бытовать как «пешая», «кавалерийская» и как «плясовая», в зависимости от темпа и характера ее звучания. В группу строевых входили исторические, военно-бытовые, баллады, многие из которых имели тексты литературного происхождения.

Сочинители казачьих песен – это «вольница казацкая», не смирившаяся с подчинением. Бежали будущие казаки за волей на земли свободные, где вместе с исконными казаками стояли оплотом против многочисленных врагов. Вот почему песня казака широка и раздольна, как сама «Волга-кормилица, море Хвалынское», весела и свободна, как свободен и весел ее сочинитель – казак. Есть, конечно, и песни с печальными напевами, но это не безысходная тоска, а всего лишь «печаль-раздумье».

Песни сопровождали казаков не только в походе, но и весь быт казаков сопровождался песнями. Существовали потомственные казаки, которые знали до несколько тысяч песен. Причем, следуя степной традиции, исторические казачьи песни повествовали обо всех сражениях и событиях казачьей жизни с указанием времени и места. По песням учили казачата историю. И, надо сказать, знали ее достаточно точно. Не случайно, когда историк Сухоруков спросил М.Ю. Лермонтова, чему верить – чиновным грамотам или казачьим песням, поэт, прекрасно знавший казаков, не сомневаясь, ответил: «Казачьим песням! Они не врут!»

Для многих воинских песен характерна импровизация. Такую песню раз услышишь, потом

слушаешь ее вновь и можешь поначалу не узнать, поскольку в ней могут варьировать слова, мелодия и даже ритм стиха, в зависимости от обстановки и особенностей исполнителей.

Песня – это огромный пласт русской воинской культуры. Без нее немислимо представить традиционное воспитание воина. Русская мужская воинская песня, особая манера исполнения – все это до сих пор живо, пока есть люди, которые сохраняют традицию. К сожалению, в советское время носители и исполнители «старорежимной» воинской песни были практически уничтожены (ликвидация казачества, старого офицерства, дореволюционных воинских традиций). Многие делали для того, чтобы, говоря о русской народной песне, люди представляли себе тоскливое или нарочито веселое пение хора бабушек, а при упоминании военных песен – сладкоголосое пение солистов военных ансамблей. С такими песнями в бой не пойдешь! Именно поэтому необходимо срочно возвращать и улучшать традиционную песенную культуру, прежде всего в армии. Песни в народе и в армии продолжают жить, видоизменяясь и возвращаясь «на круги своя».

Разрушался и разрушается ритмический и мелодический ряд русского народа, сложившийся веками, в котором удивительным образом наслонились, переплелись ритмы древнейших славянских былин и песнопений с мелодикой византийской литургии. Все это может привести к нарушению структуры личности русского человека и отражает общий кризис общества. Поэтому необходимо чаще петь прекрасные старинные воинские песни.

Император Петр I. Художник А.П. Антропов

Часть третья НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР

ЧЕСТЬ И СЛАВА

Честь моя мне всего дороже, покровитель ей Бог...

А.В. Суворов

Душа – Богу, сердце – женщине, долг – Отечеству, честь – никому.

Из Кодекса чести русского офицерства

ПОНЯТИЕ ВОИНСКОЙ ЧЕСТИ

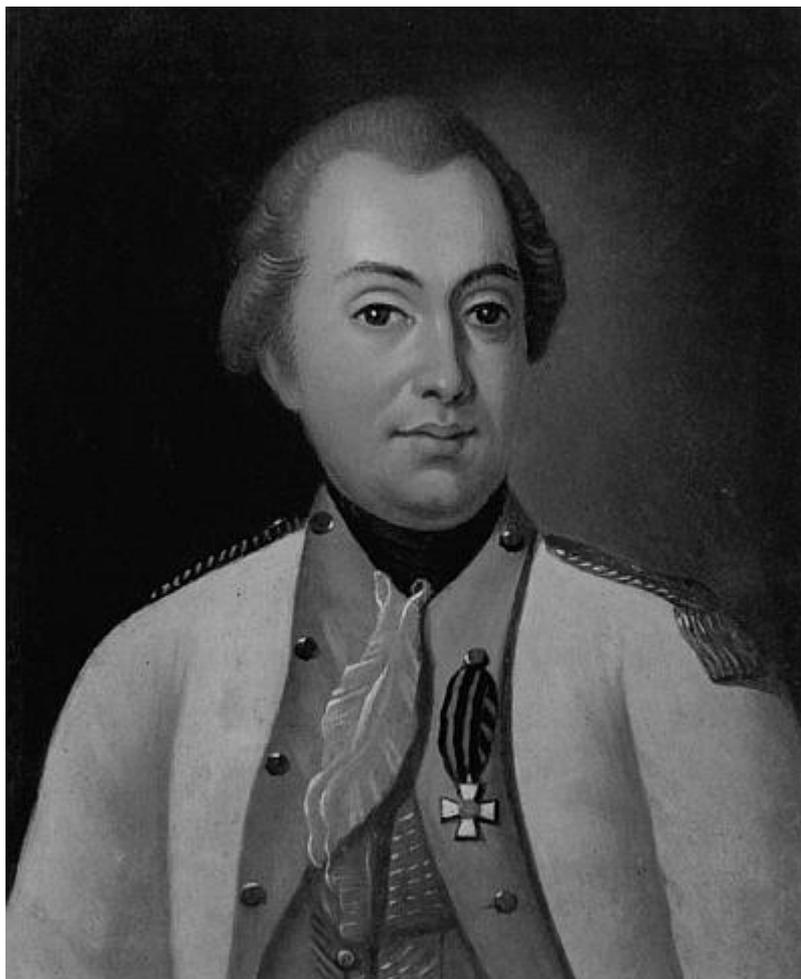
Слово «честь» для русских воинов всегда было словом определяющим. Еще в «Слове о полку Игореве» сказано было, что войско шло на половцев «за землю русскую... ищучи себе чести, а князю славы», и часто погибали за землю, за честь, за славу!

Без чести (свода моральных правил воина), долга и дисциплины всякое войско превращается в сборище сознательных убийц по отношению друг к другу и к мирным людям.

Портрет Екатерины II. Художник Левицкий

О том, насколько честен (или бесчестен) человек, судят главным образом окружающие, опираясь на определенные гласные и негласные законы-договоренности. Недаром и само слово «честь» произошло от древнего глагола «чисти» (корень «чит»): полагать, считать, мнение. Это слово того же корня, что и слова «почет, чистота, честность». В Толковом словаре Даля мы находим следующее объяснение: «Честь – внутреннее, нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть (Человек незапятнанной чести); заверенье, утверждение (Поступок, несовместимый с честью); высокое звание, сан, чин, должность (“И временщик он, да высоко стоит, в чести”); внешнее доказательство отличия; почет, почесть, почтенье, чествованье, изъявление уважения, признание чьего превосходства.

М.И. Кутузов. Портрет второй половины XVIII в.

Когда-то искали себе честь и славу, защищали землю Русскую воины Перуна, княжеские дружинники, бояре. Традиция продолжалась далее. В честном служении состоит источник воинского духа Русской армии.

Воинская честь составляла важнейшее духовное качество офицерства – элиты армии. Дворянское офицерство выполняло свой долг «по совести и чести», гордилось военными подвигами предков, стремилось к отличию в боевых делах, передавая свое доброе имя следующим поколениям.

Развитие традиций русской армии прочно связано с именем Петра Великого, который понимал офицерскую честь как служение Отечеству: «В службе – честь!» Накануне Полтавской битвы, начавшейся на рассвете 27 июня 1709 г., в полках был зачитан приказ: «Воины! Пришел час, который должен решить судьбу Отечества. Не помышляйте, что сражаетесь за Петра, но за государство, Богом Петру врученное, за род свой, за Отечество, за веру и церковь. А о Петре ведайте, что жизнь ему не дорога – только бы жила Россия, благочестие, слава и благосостояние ее».

Вот несколько петровских заповедей: «Офицеры суть солдатам, яко отцы детям, того ради подлежит их равным образом отечески содержать»; «Капитан должен вести себя с солдатами, яко

отец с детьми, увещевая непорядочных, направляя их советами и наказывая милости недостойных, отличать и любить добрых».

С первыми регулярными воинскими образованиями в России в систему воспитания будущих воинов стало внедряться понятие чести, тесно связанное с патриотизмом. Перед развернутыми боевыми знаменами воины клялись: «Отчизне служить верно, послушно, во всем поступать так, как честному, верному, храброму солдату быть надлежит».

В период правления Екатерины II, известной своей заботой об укреплении государства Российского, основные положения обучения и воспитания войск были изложены в «Инструкции пешотного (конного) полка полковнику». «Инструкции» указывали, что главной обязанностью полкового командира является «честь и право полка своего весьма удерживать». Его первый долг и забота должны были быть «о пользе, службе, чести и сохранении полка».

Портрет неизвестного офицера на фоне пейзажа. Художник К.К. Гампельн

Воззрения на воинскую службу Екатерины II, находившейся под влиянием учения Вольтера, и одного из главных ее помощников, генерал-поручика И.И. Бецкого наиболее ярко выразились в «Новом уставе сухопутного кадетского корпуса», принятом 11 сентября 1766 г. «Корень всему злу и добру – воспитание», – утверждал Бецкий. Исходя из этого, будущим офицерам старались дать самое разностороннее на то время воспитание. Кадеты, помимо военных предметов, изучали: красноречие, историю, географию, хронологию, языки, нравоучение, естественное право, государственное право, астрономию, рисование, живопись, гравирование, ваяние, архитектуру, музыку, фехтование... Считалось, что необходимо поддерживать в воспитанниках склонность к трудолюбию, создавать у них привычку избегать праздности, быть учтивым и сострадательным к бедности и несчастью. С этой целью устраивались праздники для бедных, когда кадеты должны были ухаживать за нищими и калеками, выслушивая рассказы опытных людей.

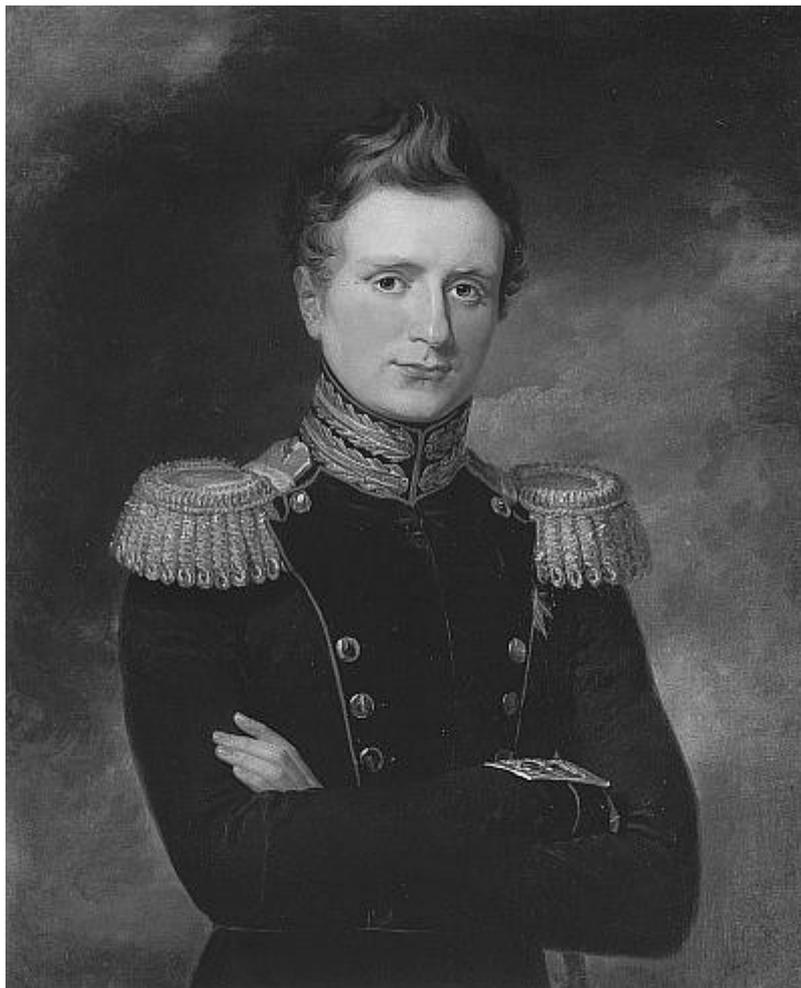
С этими военными школами можно сравнить создание в XX в. суворовских военных училищ с семилетним курсом обучения, откуда вышли известные военачальники и деятели культуры.

Военные традиции были во многом приумножены великим русским полководцем А.В. Суворовым. После штурма Измаила он заметил: «Мы с Кутузовым хорошо понимаем друг друга. Если бы Измаил не был взят, ни меня, ни его не было бы в живых... Жизнь и доблесть офицера – в побе-

де».

В изданной в XIX в. книге для офицеров «Наставление к самодисциплине и самовоспитанию» (имеющей подзаголовок «Собрание писем старого офицера к своему сыну») на этот счет сказано следующее: «Истинная честь есть добрая слава, которой мы пользуемся, общее доверие к нашей правдивости и справедливости, к нашей чистосердечной любви к людям».

Исторически сложилось так, что для российского офицера честь играла главенствующую роль не только в военной карьере, но и во всей его жизни, даже после завершения службы. Ее потеря означала не только конец военной службы, но и лишение определенного социального статуса, так как такого человека исключали из жизни дворянского общества. За нарушение чести полагалось «изгнание офицера из полка без жалованья и пенсии». Уронивший достоинство подвергался осуждению в Офицерском собрании, никто не подавал ему руки.

Великий князь Михаил Павлович. Художник Дж. Доу

Лишение мундира или права ношения каких-либо знаков отличия означало лишение воинской чести и служило одним из самых тяжелых наказаний для военного. Иногда оно применялось к подразделению или даже воинской части, нарушившим устав или проявившим малодушие на поле боя.

В структуре духовных качеств офицера видное место занимает воинский дух. Чтобы стать офицером, надо сродниться с профессией, нужно приобрести многие военные навыки психологического порядка, необходимые в военном деле. Это невозможно добиться без высокого воинского духа.

При выполнении команд офицеру желательно понимать смысл действий, чтобы не было глупых и роковых промахов. Необходимо хотя бы учиться на своих прежних ошибках, иначе мы будем постоянно повторять их и терять лучшие силы. От отдельного человека многое зависит.

КОДЕКСЫ ЧЕСТИ РУССКОГО ОФИЦЕРСТВА

Лучшие многовековые традиции русского воинства, их уникальные духовные ценности нашли свое отражение в кодексах чести русского офицера. Они являлись, по сути дела, сводами моральных и этических норм, хотя официального кодекса чести, подобного «Своду правил воинского чинопочитания и отдания чести», в вооруженных силах Российской империи не существовало. Однако существовали устоявшиеся правила воинского этикета.

Например, в 1900 г. ротмистром В.М. Кульчицким были составлены «Советы молодому офицеру», которые рекомендовались как катехизис для каждого офицера. Приведем выдержки из этого сочинения:

Береги свою честь, честь полка и армии; держи себя просто, с достоинством, без хвастовства; будь выдержанным, корректным и тактичным всегда, со всеми и везде; будь осторожным в выражениях; избегай скандалов, денежных счетов с товарищами, но, если надо, помоги товарищу не только словом, но и практическим делом, деньгами;

– помни всегда, что ты офицер и что начальник всегда и везде начальник, всякое его распоряжение по службе, в какой бы форме оно ни выражалось, есть приказание;

– честь – святыня офицера; офицер уважает человеческие права рядовых; через ряды армии проходят все классы населения, поэтому влияние офицерского корпуса распространяется на весь народ;

– в военной службе самолюбия не проявляй в мелочах, иначе будешь постоянно страдать из-за него; не пересекай черту условностей, выработанных традициями; руководствуйся в жизни чувством справедливости и долгом порядочности; старайся, чтобы в споре слова твои были мягки, а аргументы тверды; высший дар после силы – умение владеть собой...»

Великий князь Константин Константинович

А вот с какими словами обращался к кадетам и юнкерам великий князь Михаил Павлович, долгое время руководивший военно-учебными заведениями Российской империи: «Военная служба, сия благороднейшая служба, сколь представляет она вам в будущности славы! Слава на поле битвы для благородной души сколь имеет отрады... и если участь удручила пасть на нем, то остается память. Но это ли одна слава военного? Ежечасное самоотвержение, постоянство и терпение в трудах, без ропота, без усталости, сколь они почтенны! Достойный офицер обязан прежде всего повиноваться начальникам и наблюдать неукоснительно за исполнением их приказаний. Повиновение же должно быть искренне и безусловно. Помните всегда, что настоящая честь военного человека состоит в благородном поведении».

Здесь будет уместно вспомнить официальные титулы при обращении к представителям военной профессии: «ваше благородие» – к обер-офицерам, «ваше высокоблагородие» – к штаб-офицерам, «ваше превосходительство» – к генерал-майорам и генерал-лейтенантам и «ваше высокопревосходительство» – к полным генералам. И это не было чисто формальное титулование.

Стрельцы: Рядовой. Знаменщик. Начальствующие лица. Гравюра XIX в.

Известный военный писатель и публицист XIX в., генерал-майор М.С. Галкин, в частности, отмечал: «Честь – святыня офицера, она высшее благо, которое он обязан хранить и держать в чистоте. Честь – его награда в счастье и утешение в горе... Честь не терпит и не выносит никакого пятна».

Офицер не должен был легко давать свое честное слово. Фраза «даю слово офицера» считалась сильнейшим моральным обязательством, и нарушить данное слово – значило раз и навсегда погубить свою репутацию. «Верность слову, не только клятве, всегда отличала офицера. Измена слову, фальшь – низость, недостойная звания его», – отмечалось в военной публицистике XIX – начала XX вв.

Отречение от престола Николая II в ночь на 3 марта 1917 г.

Генерал-лейтенант Э.Ф. Свидзинский (1848 – 1911 гг.), выступавший в военной печати со статьями по злободневным вопросам армейской жизнедеятельности, воинского воспитания и развития военных знаний, писал по этому поводу: «Слово офицера должно быть залогом правды, и потому ложь, хвастовство, неисполнение обязательства – пороки, подрывающие веру в правдивость офицера, вообще бесчестят офицерское звание и не могут быть терпимы».

Даже в наши дни никто не сочтет устаревшими «Заповеди товарищества», которые генерал-инспектор военно-учебных заведений великий князь Константин Константинович в 1913 г. разослал по всем кадетским корпусам и военным училищам от своего имени. Они по-прежнему сильны нравственностью, способны побудить к размышлению о сути ратной службы, особенностях жизненного выбора.

1. Товариществом называются добрые взаимные отношения вместе живущих или работающих, основанные на доверии и самопожертвовании.

2. На службе дружба желательна, а товарищество обязательно.

3. Долг дружбы преклоняется перед долгом товарищества.

4. Долг товарищества преклоняется перед долгом службы.

5. Честь непреклонна, бесчестное поведение во имя товарищества остается бесчестным.

6. Оскорбление своего товарища – оскорбление товарищества.

Чувство долга считалось величайшей добродетелью в глазах государства. Незыблемое правило «служить верно» входило в кодекс офицера и имело статус этической ценности, нравственного закона. Этот закон безоговорочно признавался многими поколениями офицеров, принадлежавшими к разным кругам общества. Показателен в этом отношении эпизод, запечатленный А.С. Пушкиным в его «Капитанской дочке», когда дворянин Андрей Петрович Гринев дает наставление сыну: «Прощай, Петр. Служи верно, кому присягнешь; слушайся начальников; за их ласкою не гоняйся; на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду».

Кодекс чести предусматривал овладение русскими офицерами военным искусством в суворовском духе: сражаться прежде всего не силой, а умом; добиваться побед «малой кровью»; предпочитать честный бой, проявлять личное мужество и презрение к опасностям, а если умирать, то «с честью и славой».

М. Воронцов считал, что отличительным качеством офицера, который «размышляет о славе, о чести и ничтожности смерти», должен быть «геройский дух»: «Долг чести, благородство, хра-

брось и неустранимость должны быть святы и нерушимы; без них все другие качества ничтожны; храбрость ничем на свете заменить не может».

Митрополит Филарет (Дроздов). Художник В.И. Гау

Кодекс офицерской чести также призывал «ведать законы государственные и уставы воинские», быть «благородным гражданином и патриотом», сохранять верность присяге и знамени, «ни при каких обстоятельствах не допускать измены и предательства» и всецело следовать принципу «честь дороже жизни».

Верность присяге имела первостепенное значение в офицерской среде. По присяге 1651 г., например, офицер подтверждал «крестным целованием», что он «Царю примити и добра хотети во всем правду, никакого лиха ему, Государю, не мыслить, с немецкими и иными людьми биться, не щадя головы своей, до смерти, из полков и из посылок без указа не отъезжать и воевод не оставлять, по свойству и дружбе ни по ком не покрывать».

Нарушение присяги расценивалось как бесчестие и не могло допускаться в офицерской среде. Присягнув на верность Государю и Отечеству, русский офицер считал себя навсегда связанным данным обещанием, и отступить от него было так же немислимо и позорно, как, например, проявить трусость в бою. Поэтому случаи нарушения присяги были единичны.

Кадровые военные могли делать какой-либо политический выбор лишь в том случае, когда предыдущая присяга переставала действовать. Это произошло в декабре 1825 г., когда Константин Павлович отрекся от престола и прежняя присяга не имела силы, а новая еще не была принесена. Поэтому восстание декабристов проходило в период формального безвластия и фактически не расценивалось как измена или предательство как со стороны сослуживцев, так и тогдашним дворянским обществом. Такое же положение сложилось и в 1917 г., когда Николай II своим отречением освободил военных от данной ему присяги.

Повышение в последние годы интереса к нашей военной истории, в том числе к традициям офицерства, которые были преданы забвению по политическим мотивам (попытка искоренить мир

старый, невзирая на положительный тысячелетний опыт русского воинства), привело к тому, что в настоящее время с огромными трудностями приходится вновь создавать высокопрофессиональный корпус защитников отечества. Возрождение воинских традиций немыслимо без возрождения воинской чести, носителями которой являются профессиональные воины, и прежде всего офицерство. Вырабатывается новый Кодекс Чести, основанный на многовековых достижениях защитников отечества, поскольку дееспособные армия и флот по-прежнему нам столь необходимы.

М.И. Голенищев-Кутузов. Художник Р.М. Волков

ПУТЬ РУССКОГО ВОИНСТВА

*И воистину светло и свято
Дело величавое войны,
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны.*

Н. Гумилев

Духовные основы воспитания выражаются прежде всего в идеях и идеалах. основополагающая общественная идея не может не быть национальной, так как влияние идей осуществляется на людей через их духовный уклад, отражающий принадлежность к данному народу. Этот духовный уклад называют еще «душой народа», и наиболее ярко проявляется он в воинском сословии, призванном защищать идеалы общества.

В основу древнерусского воспитания души было положено воспитание воли как «главного фактора человеческой жизни» и почитание рода-общины как условия существования человека. Воля русского человека, по мнению многих мыслителей, находится в дремлющем состоянии и пробуждается только в наитруднейшие времена. Она нуждается в повседневной активизации, в то

время как многие родители, педагоги и начальники при воспитании насильственно ослабляют волю, как возможный инструмент своеволия (непослушания), но только люди волевые и энергичные являются опорой государства в трудные времена.

Переход Суворова через Альпы в 1799 г. Художник В.И. Суриков

Патриотизм воина вытекает из самой структуры его сословного статуса. Путь воина – это прежде всего путь чести, совести, путь защитника своей родины. Эти качества исторически были присущи воинству России.

Суть русской ратной традиции выражена св. благоверным князем Александром Невским: «Не в силе Бог, а в правде!» И воинское служение в России было путем общинного послушания по словам: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих». Филарет (Дроздов), митрополит Московский: «Своего личного врага – люби, врага Отечества – сокрушай, врага Божия – гнушайся!»

Горе той стране, которая в трудные времена забывает о воинстве, унижая его и попирая, поскольку это чревато потерей государственности. Задача русской армии и общества – восстановить нормальную воинскую идеологию, оживить воинские традиции, воссоздать Воина, каким он был в традиционной индоевропейской цивилизации, каким он был на Руси.

Эволюция воинских взглядов из афоризмов А.В. Суворова:

1. Я солдат, не знаю ни племени, ни рода. Поле – один мой элемент.
2. Честь моя мне всего дороже. Покровитель ей Бог.
3. Горжусь тем, что я Россиянин!.. Мы русские, мы все одолеем.

Генералиссимус А.В. Суворов завершил разработку русской военной тактики, наиболее подходящей для русского воинства. Он же сформулировал основные принципы успешного развития армии: самобытность и национальная гордость без зазнайства; изучение всего лучшего, что создано военной мыслью в мире; сознательное отношение к своему делу, инициатива, дисциплина, развитие успеха до конца. А венец всему – победа, малой кровью одержанная.

Русский человек не любит мелочности, ему претят сухость и педантизм, он склонен «не бить лежачего». Подтверждением сказанному являются строки из приказа М.И. Кутузова от 21 декабря 1812 г. при пересечении русской границы в ходе преследования бегущей французской армии: «Но не последуем примеру врагов наших в их буйстве и неистовствах, унижающих солдата. Они жгли дома наши, ругались святынею, и вы видели, как десница Вышнего праведно отмстила их нечестие. Будем великодушны, положим различие между врагом и мирным жителем. Справедливость и кротость в обхождении с обывателями покажут им ясно, что не порабощения их и не суетной славы мы желаем, но ищем освободить от бедствия и угнетения даже те самые народы, которые вооружились против России».

Духовным ядром и хранителем традиций воинской чести в любой армии является офицерство. Выпускаемый из училища офицер должен, по мнению М.И. Драгомирова быть твердым в тех основах, на которых зиждется воспитание солдата: а) преданность государю и Родине до самоотвержения; б) дисциплина; в) вера в нерушимость (святость) приказания; г) храбрость (решительность, неустрашимость); д) решимость безропотно переносить труды, холод, голод и все нужды солдатские; е) чувство взаимной выручки.

Штыковая атака. Гравюра начала XX в.

Воину нужна непоколебимая духовная опора. Для русского человека, традиционного русского воина огромное значение играет понимание того, ради чего он готов сражаться и умирать. М.И. Драгомиров говорил: «В бою только тот бьет, кто не боится погибнуть; для человека, воспитавшего себя таким образом, нет неожиданностей... И только при этом условии... дерзость и упорство в достижении цели станут делом естественным».

Эмоциональный подъем в сочетании с исторической памятью и частым пренебрежением к

жизни создает благоприятные условия для совершения подвигов. Можно сказать, что героизм у русского народа в крови.

Фридрих Великий после сражения при Кунерсдорфе. Гравюра XVIII в.

Своим своеобразным эмоциональным подъемом, позволяющим совершать чудеса, мы весьма отличаемся как от рационального западноевропейского солдата, так и от идеализированного дальневосточного представления о состоянии духа воина. Идея о том, что в бою надо сохранять то же душевное состояние спокойствия, что и в обычной жизни, характерна для восточных единоборств. Приведем отрывок из книги «Пять колец» известного японского мастера фехтования Миямото Мусаси: «В бою состояние твоего духа не должно отличаться от повседневного. И в схватке, и в обыденной жизни ты должен быть целеустремлен, но спокоен. Встречай ситуацию без напряжения, однако не беспечно, с духом уравновешенным, но не предубежденным. Даже когда дух твой спокоен, не позволяй телу расслабляться, а когда тело расслаблено, не позволяй духу распускаться. Не допускай, чтобы тело влияло на дух, и не давай духу влиять на тело. Не будь ни недостаточно вдохновленным, ни вдохновленным сверх меры. Поднявшийся дух слаб, и опустившийся дух слаб. Не позволяй противнику проникнуть в твое состояние».

Данные утверждения скорее подходят для неспешных ритуализированных поединков в средневековой Японии, а не для современного, не ровного по темпу боя, хотя хладнокровие во время чрезвычайных обстоятельств отличает истинных профессионалов. Воинская стезя – это служение «без страха и упрека», но это и достойное существование в мирное время.

Особенности психотипа русского человека отражены в народном фольклоре, например, в поговорке: «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится». Русскому человеку необходимо «завестись», для чего нужно какое-то время, но затем «дубина народной войны» начинает гвоздить неумолимо, хотя и частенько вслепую.

Суворов говорил: «Атакуй, с чем пришел! Коли, руби, гони, отрезывай, не пускай! Ура! Чудеса творит, братцы!.. Бей неприятеля, не щадя ни его, ни себя самого, держись зло, дерись до смерти, побеждает тот, кто меньше себя жалеет... Нет ничего страшнее отчаянных!»

«Ура» – это русский боевой клич, один из древних способов мобилизации воина, позволяющий ему оторваться от обыденности и настроиться на бой, в котором уже нет места сомнениям и страху.

Ярким примером особого служения русского воинства являются штыковые атаки, появивши-

еся во времена расцвета огнестрельного оружия и регулярной армии западного образца. В XVIII веке в России начинается период формирования официальных армейских приемов фехтования клинковым оружием и фланкировки (управления копьем, пикой, штыком). Приемы боя систематизируются и входят в боевые уставы русских войск. Знаменитые русские полководцы Румянцев, Суворов становятся разработчиками владения оружием рукопашной схватки. В результате русский штыковой бой превзошел в скором времени все армии мира.

Полтавская баталия в 1709 г. Художник Л. Каравак

Штыковая атака, встреченная штыками, представляет чрезвычайно редкое явление в военной истории западных армий. Принц де Линь, участник многих войн в Европе, свидетельствует, что лишь однажды за всю жизнь, в 1757 г., он слышал лязг удара штыка о штык.

Для штыковой атаки без выстрелов необходима определенная самоотверженность, которая не была характерна для наемных армий Запада. Маршал Савойский упоминает следующий факт: «Карл XII, шведский король, хотел ввести в свою пехоту атаку холодным оружием. Он об этом часто говаривал, и в армии знали, что это было его идеей. Наконец, в сражении против москвитян в тот момент, когда дело должно было завязаться, он подъехал к своему пехотному полку, сказал прекрасную речь, слез с лошади перед знаменем и сам повел свой полк в атаку, но когда они приблизились на тридцать шагов к неприятелю, весь полк его стал стрелять, несмотря на его приказание и его присутствие... Король был этим так ужален, что прошел только по шеренгам, сел на лошадь и отъехал, не вымолвив ни одного слова».

К началу Семилетней войны Фридрих Великий склонился к этой же идее. Пехоте внушалось, что собственный ее интерес диктует не задерживаться под огнем неприятеля, а лезть на врага. При этом «король берет на себя ответственность перед каждым солдатом, что неприятель не пустит свои штыки в дело, а побежит». В сражениях 1757 г. под Прагой и Колином прусская пехота пыталась атаковать почти без выстрелов, результаты были неутешительны.

По-настоящему перевернул отношение к рукопашному бою в русской армии А.В. Суворов. В «Науке побеждать» он пишет: «Пуля обмишуются, а штык не обмишуются. Пуля – дура, а штык – молодец! Коли один раз! Бросай басурмана со штыка: мертв на штыке, царапает саблей шею. Сабля на шею – отскакни шаг, ударь опять! Коли другого, коли третьего! Богатырь заколет полдюжины, а я видел и больше. Береги пулю в дуле! Трое наскочат – первого заколи, второго застрели, третьему штыком карачун... В двух шеренгах сила, в трех полторы силы: передняя рвет, вторая валит, третья довершает». Одним из главных нововведений было то, что Суворов первым в штыковом бою стал сочетать рассыпной и плотный строй в зависимости от обстановки (даже на пересеченной местности и при штурме крепостей), то есть сделал его универсальным. Результатом послужило то, что русскую штыковую атаку в те времена ни один равный по силам неприятель выдер-

жать не мог.

О рукопашном бое русской пехоты в Северной войне можно узнать из романа А. Толстого «Петр I», где герой романа во время схватки «видел только широкие спины преображенцев, работающих штыками, как вилами, – по-мужицки...», но от этого обращения враги бежали, как могли.

Поэт и офицер М.Ю. Лермонтов дал предельно емкую характеристику русскому бою – удалый:

*Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой...*

Такой удалый бой воспет и в народном творчестве казаков:

*Ой, да как пошли вперед,
Ой, и затрещали басурманские бока.
Ой, да все дидойцы, ой, да тягу дали
От солдатского штыка...*

Опираясь на исторический опыт военного строительства в России, С.Л. Франк отмечал, что «никакая самая суровая дисциплина не могла бы создать армию и заставить ее сражаться, если бы солдаты не были спаяны внутренним чувством солидарности, не сознавали интуитивно себя членами единой нации».

Попробуем перечислить основные качества русского солдата, обеспечивающие победу в самых невероятных обстоятельствах:

- стойкость;
- выносливость;
- храбрость;
- смекалка;
- самоотверженность;
- высочайшая сплоченность и дисциплинированность в случае крайней необходимости.

Качества эти могут проявляться не сразу. Бывает необходимо некоторое время для осмысления угрозы на уровне национального сознания, что и показал нам опыт Отечественных войн 1812 и 1941 – 1945 гг.

Существенное влияние на формирование мировоззрения личности воина оказывает духовная жизнь общества. Господствующая идеология, не соответствующая глубинным чаяниям народа, может привести к первоначальным поражениям, ставящим иногда под сомнение возможность самого существования России. Данный феномен мы наблюдали на протяжении всей истории государства, и особенно ярко он проявился в начале Великой Отечественной войны.

Выезд Ивана Грозного на борьбу с Ливонией. Художник Г.-Э. Лисснер

К сожалению, нет возможности в этой книге рассказать о подвигах солдат в Великой Отечественной, поскольку автор ставит своей целью поведать об истоках становления отечественного воинства, а истоки эти следует искать в далеком, славном и трудном прошлом России.

Главное – за много поколений сформировались черты, делающие русских воинов и нашу армию лучшими в мире при условии грамотного военного и политического руководства, хорошего снабжения и невмешательства хитроумных идеологов разных мастей.

Несмотря на все реформы и передряги, в русском народе остался боевой дух наших предков: скифов-сколотов, антов, варягов, казаков, дружинников и безвестных воителей, мудрых старейшин и полководцев.

Воинские традиции Руси живы, и это показывают наши славные победы в прошлом. Будем же достойно жить в настоящем, и готовить фундамент для не менее славного будущего.

Битва на Куликовом поле. Лицевой летописный свод

Часть четвертая РУСЬ – РОССИЯ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТРАДИЦИЙ

Писать о подвигах прошлого не имеет смысла без твердой веры в подвиги будущего.

А. Кереновский

Горжусь тем, что я Россиянин!..

Мы русские, мы все одолеем.

А.В. Суворов

Богатые воинские традиции имеются в России – наследнице традиций славяно-русов. О ее военных достижениях мы можем судить по способности государства постоянно выдерживать натиск многочисленных близких и далеких соседей со всех сторон: хазаров, печенегов, половцев, монголтатар, немецкого рыцарства, литовцев, шведов, поляков и французов... Россия создает свой авторитет на полях сражений в течение многих столетий.

Начиная с раннего Средневековья, для того чтобы выжить, теснимые с запада и юга, русские люди шли на восток и север, занимая, отвоевывая новые земли и защищаясь. Жизнь их проходила в непрерывной героической борьбе. На самом остром движении русского народа были воины, обладающие собственными многовековыми традициями жизни в наитруднейших условиях войны. Эти же воины охраняли целостность государства и самобытность русского народа.

По подсчетам русского историка В.О. Ключевского, великорусская народность в период свое-

го формирования за 234 года (1228 – 1462) вынесла 160 внешних войн. Причем иногда приходилось одновременно воевать против несколько противников, зачастую даже по отдельности превосходящих по военному и экономическому потенциалу возможности тогдашней России. Так, в XVI веке Московия воюет на северо-западе и западе против Речи Посполитой, Ливонского ордена и Швеции 43 года, не прерывая между тем войны против татарских орд на южных, юго-восточных и восточных границах. Ни одно государство в мире не выдерживало такого натиска, а Россия устояла. Это стало возможным вследствие жесточайшей концентрации и централизации сил с безусловным подчинением главе государства, а также потому, что существовали очень серьезные воинские традиции, позволявшие воинам выстоять и победить в наитруднейших условиях.

Покорение Новгорода Иваном III в 1478 г. Высылка Марфы Посадницы, знатных новгородцев и вечевого колокола в Москву. Художник А.Д. Кившенко

Процесс создания самой большой в мире монолитной Российской империи (в отличие от Британской империи, раскиданной по всему миру) – явление исключительное.

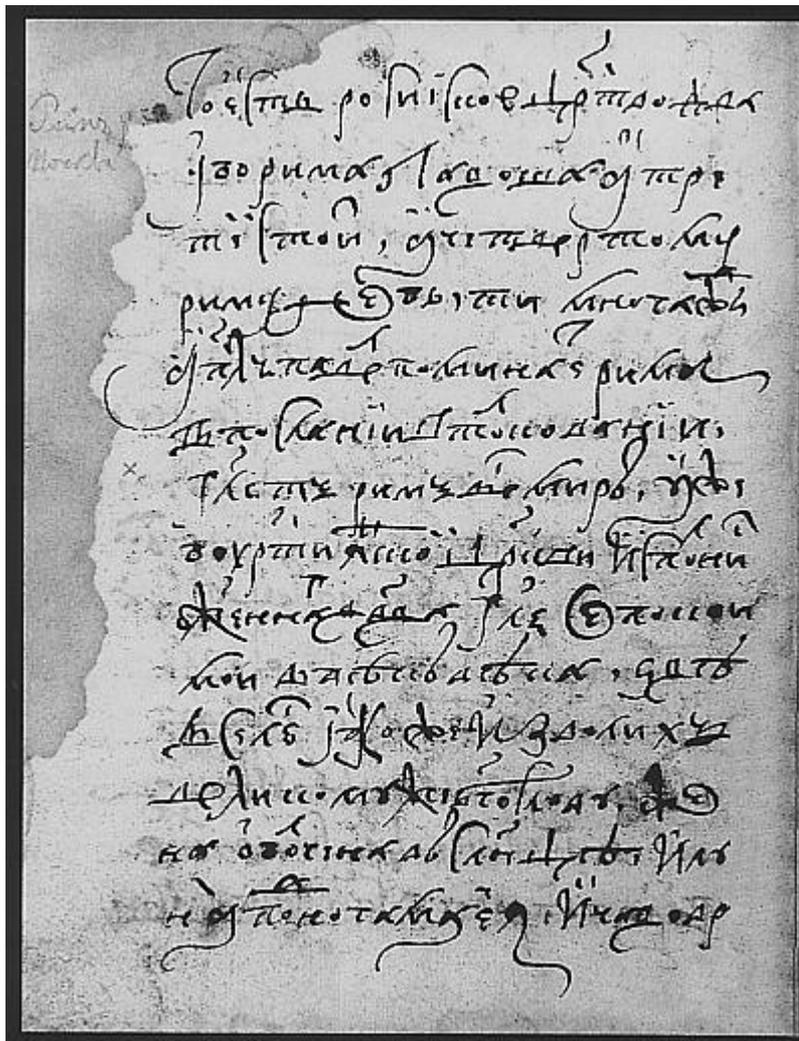
Можно сказать, что восточные славяне выступили единой силой, самостоятельной общностью после Великого переселения народов IV – VI вв. Формирование централизованного государства восточных славян происходило медленно, с большим сопротивлением стремящихся к независимости племен. Но внешние условия (борьба за выживание) заставили сделать это.

К IX в. Киевская Русь перешла к активному расширению в направлениях на запад, юго-восток и север. Подобная политика потребовала создания централизованных и достаточно мощных вооруженных сил.

Условно русскую историю можно разделить на два больших отрезка: до и после монголо-татарского нашествия XIII – XV вв. Перед этим нашествием Русь в целом развивалась по общеевропейскому феодальному сценарию с учетом постоянной угрозы со стороны кочевых народов Востока, хотя практически со всеми из них затем складывались союзнические отношения.

Со времен Киевской Руси главными силами русской армии являлась пехота, набранная из мужиков-крестьян, именно из них и формировался русский солдат, отличавшийся невиданной стойкостью. Примером разности в подходе к воинской службе является западноевропейский военный эпос, героями которого служат профессиональные воины-аристократы, русские былины же носят в значительной мере «крестьянский», характер. В тройке богатырей у нас старшим является не дружинник Добрыня Никитыч, а мужик Илья Муромец, что для Западной Европы абсолютно не возможно.

Защита своей земли от нападений извне – важнейшая задача для любого общества. Русскому крестьянину не приходилось долго объяснять, зачем ему идти от семьи в ополчение. Живая память общины – устный рассказ, былина, песня – передавала историю всего народа справедливо и знала, к чему могут привести междоусобица, трусость и нежелание защищать Родину.

Послание Филофея дьяку Михаилу Григорьевичу Мунехину (Мисюрю) против Николая Немчина. (Сопоставление Москвы с Третьм Римом)

Русские во многом учились военному делу у Орды, как до этого у скифов, греков, скандинавов, рыцарей Европы и после этого – у немцев и французов... Монголы действовали массой: «множество пугает...», и русская армия стремилась к максимально возможной численности, хотя А.В. Суворов со своими «чудо-богатырями» разбивал и значительно превосходящие по численности армии турок, поляков, французов. Монголы были равнодушны к боевым потерям, и отголоски этой фатальности проявляются и у нас.

Именно так сформировалась характерная особенность русской армии – упорность в обороне с последующим наступлением. Не случайно, что именно оборонительные вначале по своей структуре сражения – Куликовская битва (1380), Грюнвальд (1410), Полтава (1709), Бородино (1812), оборона Шипкинского перевала (1877 – 1878), оборона Севастополя (1854 – 1855), оборона Москвы (1941), Сталинград (1942) – знаменовали собой этапы пути к дальнейшей победе России.

Стрелецкий бунт. Художник Н.Д. Дмитриев-Оренбургский

В сражениях на Чудском озере (1242 г.) и Куликовом поле (1380 г.) наши предки разгромили захватчиков с запада и востока, что создало условия для объединения русских земель вокруг Москвы и создания централизованного государства.

Куликовская битва – это сражение между поднимающимся великорусским этносом, основанным на едином стремлении к независимости и на православии, и ордами Мамаю в союзе с литовцами, проникнутыми католическим духом. Куликовская битва была не первой и не окончательной победой соединенных княжеских ратей над ордынцами. С той и другой стороны сражались русские, татары, мордва. Правда, на стороне Мамаю больше было степняков с традициями быстрого конного натиска, еще были еще генуэзская наемная пехота и литовская армия (которая не успела вовремя подойти к месту сражения).

Со дня победы над смешанными войсками победители во главе с Дмитрием Донским осознали себя одним народом и начали объединять разные племена, называясь одним, теперь уже национальным именем – русские, а Орда стремительно стала распадаться. Целые улусы отпадали от нее и не только шли служить московским князьям и Русскому государству, но и рождались с русскими и детей своих стали считать русскими. Необходимо помнить, что в то время (в XIII – XV вв.) татары были лучшими в мире специалистами по конному строю и маневренной войне, что ощутили на себе рыцарские армии Западной Европы, которые не смогли ничего противопоставить татарской коннице. От монгольского разорения их тогда спасли стойкость русских воинов, задержавших движение орд Батыея, и начинающаяся борьба за власть в монгольских улусах.

Л.Н. Гумилев: «В XV в. древнерусская этническая традиция сошла на нет, а на ее месте возникли три этноса: великороссы, белорусы и украинцы, которые сами себя до XVII в. называли русскими... В этом сложном процессе принимали участие, кроме древних русичей, литовцы, татары, угры и восточные финны... Такой эпохой для России было время княжения Дмитрия Донского, Василия I и Василия Темного, когда набухшая пассионарность превратила Древнюю Русь в Великую Россию. Времени на эту перестройку понадобилось относительно немного – 70 лет...»

Офицер Преображенского полка с офицерским значком. XVIII в.

При создании централизованного государства московские князья превращаются в русских царей, убирая остатки средневековой «вольницы» (примером тому судьба Новгородской торговой республики), и постепенно разными методами расширяют свои владения. Так, политику Василия II (Темного) и Ивана Грозного нельзя назвать гуманной и «правильной», но благодаря этой политике Русь избавляется от постоянной угрозы с Востока, становится Россией и к России постепенно присоединяется Сибирь – ресурсная кладовая нашей страны.

Время от Ивана III до Петра I (XV – XVIII вв.) было обусловлено новым подъемом идеи централизации государства. Старая родовая этика исчерпала себя. Является этика государственная, монархическая, строится Третий Рим.

Невский проспект. Петербург. Художник Б. Патерсен

Партизан Денис Васильевич Давыдов. Художник Р. Бахман

В XVII – XVIII вв. усилившаяся государственность потянулась к Западу. Традиция расслоилась. Если в начале периода становления России боярство и народ поют одни песни, пляшут одни танцы и вместе выходят на кулачный бой, то в указанное время российская знать не только позабыла свои песни, но уже и стала забывать свой язык, как Пьер Безухов у Л.Н. Толстого.

Необходимо отметить еще одну «наследственную» черту русского военного механизма – ориентировку в своей деятельности на события прошлых веков. Как следствие, армия постепенно теряла соответствие с меняющейся реальностью и терпела поражения на начальном этапе войны, спешно наверстывая и приумножая упущенное в дальнейшем. Подобная закономерность существовала на протяжении практически всей истории России. Зачастую уже во время войны приходилось реформировать войско, старая армия уничтожалась «сверху», и на ее месте создавалась новая, с учетом новейших зарубежных образцов. Среди коренных реформ военного дела наиболее известна Петровская (начало XVIII в.).

В Западной Европе в годы Тридцатилетней войны (1618 – 1648 гг.) произошли качественные изменения в организации вооруженных сил, тактике боя и вооружении; главной ударной силой

стала регулярная пехота с «огненным боем», усиленная полевой артиллерией, которая превосходила русское войско по многим параметрам. Единственный морской порт России, связывающий ее со странами Европы, Архангельск был крайне уязвим со стороны Швеции, претендующей на северо-западные русские земли. Эти обстоятельства предопределили обострение русско-шведских отношений.

Первооружение и переподготовку армии в России пытались обеспечить за счет ввоза оружия и найма иностранных офицеров, что поставило ее в зависимость от европейских стран. Так, перед 1654 г. Россия закупила в Голландии и Швеции 40 тыс. мушкетов и 20 тыс. пудов пороха, что составило 2/3 ее вооружения.

До Петра I основу русской армии составляли стрельцы, поместная дворянская конница, казаки и немногочисленные войска «нового боя» с улучшенным вооружением.

В начале царствования Петра I произошел стрельцкий мятеж в Москве. После разгрома мятежа царь приехал в Москву и стал сам вести розыск. Результатом было прекращение существования стрельцеских полков. Четыре полка, замешанные в бунте, были полностью уничтожены. Остальные полки московских стрельцов было приказано распустить за пределы Москвы. Тринадцать стрельцеских полков, гвардия царей, просуществовавшие около двухсот лет на положении лучших постоянных войск Московского государства, превратились в посадских людей. Только в 1704 г., после поражения под Нарвой призвали на службу прежних стрельцов и объединили их в новые полевые и гарнизонные полки.

Петр попытался ответить на исторический вызов реформированием войска целиком по западному образцу, но после нарвского поражения Петр отказался от пути подражания и, вместо вербовки обратился к воинской повинности, привычной для русской истории. Эта воинская повинность распространялась почти исключительно на крестьянство, имевшее значительный опыт службы в ополчениях.

Конный казак на улице Парижа. Художник Г.-Э. Опиц

Именно благодаря Петру I были созданы регулярные армия и флот России, заложены основы современной военной культуры, введены новые традиции и ритуалы на «европейский манер», выработана единая система обучения и воспитания офицеров и солдат. Петр Великий создал основу для дальнейшего развития и расширения армии и государства.

В сфере экономики Петр Великий, не жалея сил и людских жизней, построил собственную российскую металлургическую промышленную базу, что позволило не только обеспечить внутренние потребности, но и вывозить металл за границу, где он вскоре за качество и приемлемую цену стал цениться более западного.

В результате за четверть века Россия преодолела двухвековую отсталость и буквально ворвалась в число великих держав. Была одержана решающая победа над лучшими в ту пору шведскими войсками под Полтавой (1709 г.), в течение десятилетия выросла на невыхских болотах новая столица победоносной Империи, построенная по лучшим европейским образцам, но проникнутая русским духом.

В начале XVIII в. складывается передовая русская система военной подготовки, в основу обучения которой были положены требования воинского устава 1716 г.: «Непрестанно тому обучать, как в бою поступать». В подготовку войск были включены: маршевая, строевая, тактическая подготовка, стрельба, штыковой бой и маршевая подготовка – длительное передвижение в полном снаряжении, в результате чего русские войска приобрели знаменитую способность к длительным нагрузкам (знаменитые суворовские атаки сразу после изнурительных маршей).

Петровская реформа впоследствии оказала большое влияние на формирование военных взглядов А.В. Суворова в области боевого обучения войск и их физической подготовки.

Возобновилась традиция подготовки кадровых военных с младых лет. Дворяне, как правило, начинали свою карьеру в действующей армии, причем часто начинали с солдат, а только потом служили на офицерских должностях!

Традиция всеобщего воинского служения России хранилась в народе. В свое время именно в России благодаря особому настрою крестьянства Наполеон столкнулся с войной «не по правилам», на что не переставал жаловаться Кутузову, императору Александру и всему «цивилизованному миру». Против него поднялась война народная. Лев Толстой пишет: «Дубина народной войны поднялась со всей своей грозной и величественной силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, с глупой простотой, но с целесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие. И благо тому народу, который, не как французы в 1813 г., отсалютовал по всем правилам искусства и перевернув шпагу эфесом, грациозно и учтиво передает ее великодушному победителю, а благо тому народу, который в минуту испытания, не спрашивая о том, как по правилам поступали другие в подобных ситуациях, с простотой и легкостью поднимает первую попавшуюся дубину и гвоздит ею до тех пор, пока в душе его чувство оскорбления и мести не заменяется презрением и жалостью». Недаром когда-то говорили: «Француз боек, да русский стоек».

Можно отметить такую отличительную черту русской военной политики, как нацеленность на конечный результат. Война могла продолжаться веками (примером тому служит борьба с монголо-татарами и Оттоманской Портой), но в конечном итоге Россия получала победу, несмотря на тяжелые потери.

Примером стойкости и воинской доблести могут служить казаки, имеющие особый воинский уклад жизни и древнейшее происхождение, не раз доказывающие крепость своего боевого духа и не утратившие своего значения и в современной России. Вспомним девятистодневное «Азовское осадное сидение» неполных шести тысяч казаков против сотни тысяч турок, казачьих коней в Париже и Берлине.

В историческом развитии Российского государства армия и флот играли совершенно выдающуюся роль, поскольку приходилось почти постоянно находиться в состоянии войны с многочисленными врагами. Такова историческая судьба России, находящейся на перекрестии различных культур и цивилизаций, к тому же обладающей значительными территориями и природными ресурсами, столь заманчивыми для других. Недаром один из самодержцев сказал, говоря о притязаниях многих соседних и отдаленных государств: «У России только два друга – ее армия и флот».

В силу своего положения на стыке континентов, культур и эпох России приходилось всегда рассчитывать прежде всего на свои силы. В XIX – XX вв. мир менялся слишком быстро для склонной к застою русской армии. Почти в каждую войну она вступает материально и организационно

не подготовленной; попытки всякий раз решать проблемы за счет одной только стойкости русских солдат приводили к страшным потерям. Необходимо стало коренным образом преобразовать государственную и военную структуры России для ответа на вызовы нового времени, что было далее и сделано, хотя и путем огромных потерь во время революции и Гражданской войны начала XX в.

Не будучи патриотом, стать надежным защитником Родины невозможно. Прерванная по соображениям политической конъюнктуры, традиция патриотизма была возрождена в годы Великой Отечественной войны, когда вся страна в едином порыве объединилась для отпора врагу. Подобное же, хотя и в не такой выраженной форме, наблюдалось в нашем обществе в начале XXI века, когда народ объединился в своем выборе, выдвигая сильного руководителя для прекращения войны на Кавказе и для ликвидации возможности дальнейшего распада России.

Необходимо продолжать победные традиции стойкости и верности Родине, учитывая многочисленные ошибки руководителей страны.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИТЧИ

ПРО БОЙЦОВЫХ ПЕТУХОВ

Идут по ярмарке двое друзей-товарищей. А на ярмарке, как водится, шум-тарарам: там торгуют, там воруют, а посреди скоморохи людей веселят.

Навстречу им прет мужичок с корзиной.

– Вы, – говорит, – сразу видно, народ бывалый-боевой. Купите бойцовых петухов.

– А что они у тебя умеют?

– Умеют драться до смерти!

Один из друганов, который помладше, говорит:

– Я возьму!

Другой, который постарше:

– Ты бери, а я других поищу, которые до победы бьются!

ВСТАВАЙ И ИДИ

Один ученик спросил наставника:

– Учитель, если бы я потерял желание что-либо делать, что бы вы посоветовали мне?

– Иди!

– А если бы я ослаб?

– Иди!

– Если бы я упал от слабости?

– Вставай и иди.

– Но ведь надо когда-то отдыхать?

– Отдохнул и иди! Без движения нет жизни. Те, кто отказался от своего пути, те, кто упал и не поднялся, те – мертвы!

ЗАГОВОРЫ

НА КУЛАЧНЫЙ БОЙ

«Стану я, раб Божий, благословясь, пойду, перекрестясь, из избы в двери, из ворот в ворота, в чистое поле, на восток, в восточную сторону, к Окиян-морю, и на том святом Окиян-море стоит стар мастер-Муж, и у того святого Окиян-моря сырой дуб крековастый, и рубит тот мастер муж своим булатным топором сырой дуб, и как с того сырого дуба щепка летит, тако же бы и от меня (имя рек) валится на сыру землю боец, добрый молодец, по всякий день и по всякий час. Аминь (трижды). И тем моим словам, ключ в море, замок на небе, от ныне и до века».

ОТ НЕПРИЯТЕЛЯ

*Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!
Есть море Каменное.
На том море стоит каменный столп,
И на том столпе стоит каменный муж.
Высота его – от земли до небес,
Широта его – от Востока до Запада,
А той муж зяблет заповеди божии,
Воюет своим посухом железным,
И всякому железу и окладу, булату синему и красному,
И стрелам простим, и всякому оружию железному
И стрелам и пищал(ь) ным пулкам
Свинцовым и оловян(н) им, с(е) ребреним.
Медным и железным, и каменным,
И пушечным ядрам железным,
И всякому пушечному ядру,
Ни саблею сечною, ни ножом разит,
Ни копием колот, никаким оружием не рушит мене,
Раба Божия (имя рек) и моих товарищов
Оружие 500 человек,
Не образит мене никаким ратным оружием,
И как сковородника ушима своим воротит за сковороду,
Так би воротилось от мене, раба Божия (имя рек)
И моих товарищев в заговорном оружии 530 человек,
По той же заповеди всякому железу звезды
К своей матери земле вернуться,
А древо вернулась бы в лес,
А перье в птицу, а птицу в небо.
От мене, раба Божия (имя рек),
И моих товарищов в заговорном оружии 530 человек,
И буде платья мое крипчайше шамина и панцыря,
И ковчега булатные,
Всегда ныне и присно, и во веки веков. Аминь.*

РАТНОГО ЧЕЛОВЕКА

*Под морем под Хвалынским стоит медный дом,
А в том медном доме закован змей огненный,
А под змеем огненным лежит
Семипудовый ключ от княжева терема, Володимерова,
А в княжем тереме Володимеровом
Сокрыта сбруя богатырская
Богатырей Ноугордских, соратников молодецких.
По Волге широкой, по крутым берегам
Плывет лебедь княжая со двора Княжева.
Поймаю я ту лебедь, поймаю, схватаю.
Ты, лебедь, полети к морю Хвалынскому,
Заклюй змея огненного, достань ключ семипудовый,
Что ключ от княжеска(го) терема Володимерова.
Не моим крыльям долетать до моря Хвалынскаго,
Не м(е) му мечу расклевать змея огненнаго,
Не моим ногам дотащить ключ семипудовой.
Есть на Окияне на острове на Буяне ворон –*

Всем воронам стар(ш) ый брат.
Он – долетит до мря Хвалынскаго,
Заклюет змея огненнаго,
Притацит ключ семипудовой,
А ворон посажен злою ведьмою Киевской.
Во лесу стоячем, во сыром бору –
Стоит избушка, ни шитая, ни крытая,
А в избушке живет злая ведьма киевская.
Пойду ли я во лес стоячий, во бор дремучий,
Взойду ли я в избушку к злой ведьме киевской.
Ты, злая ведьма киевская:
Вели своему ворону слетать под море Хвалынское,
В медной дом, заклевать змея огненнаго,
Достать семипудовый ключ.
Заупрямилась, захарачилась злая ведьма киевская
О своем вороне.
Не моей старости бродить до моря Окияна,
До острова до Буяна, до чернаго ворона.
Прикажи ты моим словам заповедным достать ворону
Тот семипудовый ключ.
Разбил ворон медный дом, заклевал змея огненнаго,
Достал семипудовый ключ.
Отпираю я тем ключом княжой терем Володимеров,
Достаю сбрую богатырскую
Богатырей Новгородских, сратников молодеческих.
В той сбруе не убьет меня –
Ни пицаль, ни стрелы, ни бойцы, ни борзы (верховые),
Ни татарская, ни казанская рать.
Заговариваю я – раба (такого-то) ратнаго человека,
Идущего на войну сим моим крепким заговором.
Чур слову конец, моему делу венец.

НА НЕУЯЗВЛЯЕМОСТЬ ВОИНА

Завяжу я, раб (такой-то), по пяти узлов
Всякому стрельцу не мирному, не верному (вражьему)
На пицальях, луках и всяком ратном оружии.
Вы, узлы, заградите стрельцам все пути и дороги.
Замкните все пицали, опутайте все луки,
Положите все ратные оружия.
И стрельцы бы из пицалей меня не били,
Стрелы бы их до меня не долетали,
Все ратные орудия меня не побивали.
В моих узлах сила могуча змеиная сокрыта,
От змея двенадесят-главного,
Того змея страшного, что прилетел с Окиян-моря,
С острова Буяна, с медного дома, того змея,
Что убить двенадесатью богатырями
Под двенадесатью муромскими дубами.
В моих узлах защиты злою мачехою змеиные головы.
Заговариваю я раба (такого-то) ратнаго человека,
Идущего на войну моим крепким заговором,
Крепко-накрепко.

*В высоком терему, в понизовском, за рекою Волгою,
Стоит красна девица, стоит-покрашается,
Добрым людям похваляется, ратным делом красуется.
В правой руке держит пули свинцовыя,
В левой медныя, а в ногах каменныя.
Ты, красна девица, отбери оружия:
Турецкия, татарския, немецкия, черкасския,
Сусския, мордовския, всяких языков и сопостатов.
Заколоти ты своею невидимою силою ружья вражия.
Будут ли стрелять из ружья или из пули (пушки).
Были бы (остались бы) в пули (в стволе пушки).
Пошли бы эти пули во сыру землю, во чисто поле.
А был бы я на войне цел и невредим,
А была бы моя одежда крепче панциря.
Замыкаю свои приговорныя словеса замком,
А ключ кидаю в Окиан-море, под горюч камень Алатырь.
И как ему не высыхать, камня не видать,
Ключей не доставать,
Так меня пулям не убивать,
Да моего живота (жизни) им по конец века не доставать.*

ОТ ПОРУБА

*Встану я, благословясь, лягу я, перекрестясь,
И лягу в чистое поле, в зеленое.
Встану я, благословясь, лягу я, перекрестясь,
На чистое поле, во зеленое поморье,
Погляжу на восточную сторону.
С правой, восточной стороны летят три в(о) рана,
Три брательника, несут трои золоты(е) ключи,
Трои золоты(е) замки.
Запирали они, замыкали они воды и реки, и синия моря,
Ключи и рудники, заперли они раны кровавыя,
Кровь горючую.
Как из неба синий дождь не канет,
Так бы у раба Божия (такого-то) кровь не канула. Аминь.*

ВОИНСКИЙ

*Встану я рано, утренней зарей,
Умоюсь ключевой водой,
Травой зеленой обвернусь,
Сырой землю оботрุษь.
Чтоб дала мне силы земля,
Чтобы враг не увидел меня.
Ты, мать сыра земля,
Мать всякому железу,
А ты, железо боевое, уйди
В свою мать-землю.
Как метелица не может
Прямо лететь, так и вы:
Пули, снаряды, ножи,
Мимо меня летите,
Во врагов моих попадайте.*

*Чтоб никто не смог
Меня поразить, навредить,
Чтобы раны мои не болели.
А будь мое тело крепче камня,
Одежда – крепче железа.
Пусть будут сбережены
Друзья мои – соратники,
Поскольку рать крепка единством,
И дома будет все в порядке,
Чтоб порча дом не задевала.
Кручусь, верчусь от пуль,
Снарядов и ловушек,
От людей черных, от бойцов
И от врагов неведомых.
Отмахнусь от них по сей век,
По сей день, по сей час.
И будет мой заговор
Крепок и долог, пока
Текут реки, стоят леса.*

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Бревно не плывет против течения. Воин не бежит от сражения. Что воля, что неволя – одна доля.

* * *

Привыкшему побеждать, не страшны мелкие поражения. Победивший в мелкой драке рискует проиграть сражение.

* * *

Летящая стрела есть выражение силы лука, упорство есть выражение силы воли, стойкость есть выражение силы Духа, соответствие мышц, костей и сухожилий есть выражение физической силы, изреченная мысль есть выражение силы ума.

* * *

Крепка рать воеводю.

* * *

Не ставь недруга овцою, а ставь его волком.

* * *

Один в поле не воин.

* * *

Косу острят на траву, а меч на главу.

* * *

Идти на рать, так бердыш брать.

* * *

Коли у поля встал, так бей наповал.

* * *

Своя земля и в горсти мила.

* * *

Где кто родится, там и пригодится.

* * *

Русский ни с мечом, ни с калачом не шутит.

* * *

В бойцы ставка добра, да лиха выставка.

* * *

Солдатская голова – что под дождиком трава.

* * *

Не всякая пуля по кости, иная и по кусту.

* * *

Бой отвагу любит.

* * *

Храбрость города берет.

* * *

Сам пропадай, а товарища выручай.

* * *

Воин в поле воюет, а жена дома горюет.

* * *

На Руси не все караси – есть и ерши.

* * *

Всяк своего счастья кузнец.

* * *

Бог-то Бог, да и сам не будь плох.

* * *

Наступил на землю русскую, да остунился.

* * *

Больше не ножа бойся, а злого языка.

* * *

Если позволяешь считать себя червяком, не обижайся, когда тебя топчут.

* * *

Кулаками сразу начинает работать только тот, кто не умеет работать головой.

* * *

Не тот боец, что противника наземь уронит, а тот, что вовремя сумеет увернуться.

* * *

Кто гнев одолевает, тот крепок бывает.

* * *

В поле воля; кто в поле съезжается, родом не считается.

* * *

В поле – две воли, а там – кому Бог поможет.

* * *

В поле – ни отца, ни матери: заступиться некому.

* * *

*Войну хорошо слышать, да тяжело видеть.
Рать сама кормится, а мир жнет. Мир гинет, а рать кормится.*

* * *

Воин воюет, а родня горюет.

* * *

Война питается деньгами, а увеселяется кровью.

* * *

Война кровь любит.

* * *

Ни моря без воды, ни войны без крови.

* * *

Найти врага, разбить, расчесать в пух и прах.

* * *

Пуля – дура, штык – молодец.

* * *

Пуля – дура, где ударит – дыра.

* * *

Пуля хоть и дура, а виноватого найдет.

* * *

Пуля чинов не разбирает.

* * *

Турки падают, как чурки; а наши, слава Богу, стоят безголовы.

* * *

Воин врагов побивает, а трус корысть подбирает.

* * *

На войне побывал, только рыбу напугал.

* * *

Войско сухопутное – одна рука; а сухопутное и морское – две.

* * *

Что в бою взято, то свято.

* * *

Пройти огнем и мечом. Конским хвостом пепел размести.

* * *

Руби пехоту. Вались на штык. Иди напролом!

* * *

Удалой долго не думает.

* * *

Смелый приступ не хуже победы.

* * *

Отвага мед пьет да кандалы трет (пословица Ваньки Каина).

* * *

Смелого ищи в тюрьме, глупого – в монастыре.

* * *

Хоть на кол, так сокол.

* * *

Никого не бойся, только Бога бойся!

* * *

Наши в поле не робеют.

* * *

Лучше умирать в поле, чем в бабьем подоле.

* * *

Сообща и города берут.

* * *

Один горюет, а артель воюет.

* * *

Брюхо да руки – иной нет поруки.

* * *

Напролом идут – голов не жалеют.

* * *

Смерть в бою – дело Божие.

* * *

Борись – не дерись; станешь драться, будешь запираяться.

* * *

Головой кончатся – смертью венчатся.

* * *

Мужичок не кочеток, а подратья любит.

* * *

Брань (битва) славна лучше мира студна.

* * *

Бей своих – чужие будут бояться.

* * *

Вечный мир – до первой драки.

* * *

Мир стоит до рати, а рать до мира.

* * *

На брань слово купится.

* * *

Не говоря худого слова, да в рожу.

* * *

Плуг кормит, а лук (оружие) портит.

* * *

За все драться, так и кулаков не хватает.

* * *

Смелым Бог владеет, пьяным черт качает.

* * *

Смелость города берет.

* * *

Отвага – половина спасения.

* * *

На латника по ратнику (1812 г.).

* * *

Мало штыка, так вот те приклад.

* * *

Лучше быть убиту, чем в плен взяту!

* * *

Без боя врагу земли не дают!

* * *

Если же враг осилил, бросай все, иди в глушь, заводи на новом месте старую жизнь!

* * *

Врага слушать – самому себе могилу копать!

* * *

За Россию да за друга стерпи жар и вьюгу!

* * *

В схватке счастье – великое дело.

* * *

Не силой воюют, а умением.

* * *

Идти в драку – не жалеть волос.

* * *

Идет воевать, а не хочет сабли вынимать.

* * *

За волоса да под небеса. За виски да в тиски.

* * *

Сбил да поволок – ажно брызги в потолок.

* * *

Наши дерутся, так волоса в руках остаются. Задать кому трепу. Задать чесу.

* * *

Испекли пирог во весь бок (побили).

* * *

Испекли лепешку во всю щечку.

* * *

Наткнулся рылом на кулак.

* * *

Положить лоском (наповал), поднять прахом.

* * *

Одним махом сто душ побивахом.

КАЗАЧЬИ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Будешь, чужа держава, с Россией шершава – казаки тебя мигом выгладят.

* * *

Царь только чином наградил, а казаком-то отец породил, мать вынянчила, служба выучила.

* * *

Казак воюет, а семья горюет.

* * *

Бог не без милости, казак не без счастья.

* * *

Горазд казак как ложкой, так и шашкой.

* * *

Казак-донец – и швец, и жнец, и на дуде игрец, и в хоре певец, и в бою молодец.

* * *

Не атаман при булаве, а булава при атамане.

* * *

Без атамана казак – сирота.

* * *

Атаманом артель крепка.

* * *

Без атамана дуван не дуванят.

* * *

Атаманом быть – порядок держать.

* * *

Пташка не без воли, казак не без доли.

* * *

Казак в беде не плачет.

* * *

Казак, что дети: и много поедят, и малым наедятся.

* * *

Слава казачья, да жизнь собачья.

* * *

Казак за казака горой стоит.

* * *

Кому Дон тих, а кому – лих.

* * *

Казан проверяют по звону, а казака – по слову.

* * *

Казак из пригоршни напьется, на ладони пообедает.

* * *

Крест на шее да шапка сбоку – не скоро быть смертному сроку.

* * *

Славу добыть – или дома не быть.

* * *

Пришли казаки с Дону, погнали врагов до дому.

* * *

Либо грудь в крестах, либо голова в кустах.

* * *

Станичники казака в армию снаряжают, что в могилу провожают.

* * *

В стремя ногой – расстанься с головой.

* * *

Кто пули боится, тот в казаки не годится.

* * *

Казак скорее умрет, чем с родной земли сойдет.

* * *

Казачье око видит далеко.

* * *

Донцы не раки – задом не пятятся.

* * *

Казак в бою – как орел в небе.

* * *

Казак донской – рубака лихой.

* * *

Ты еще в бочке кис, а на мне уже мундир вис.

* * *

У казаков обычай таков: где пролез, там и спать ложись.

* * *

Казак и гриву прихватит, чтобы сильнее ударить.

* * *

Казак и во сне шашку щупает.

* * *

За славой не угонишься – сама придет.

* * *

Целым бы остаться да с Доном не расстаться.

* * *

Веселы привалы, где казаки-запевалы.

* * *

У победы – богатый обоз.

* * *

У казака в бою нет спины.

* * *

Хороший казак бачет иде атаман скачет.

* * *

Кому война, а кому мать родна.

* * *

Не пил воды кубанской – не ел каши казацкой.

* * *

Казак без коня, что воин без ружья.

* * *

Казак с конем и ночью, и днем.

* * *

Конь познается в езде, а друг – в беде.

* * *

В бою казак себя славит не языком, а конем да клинком.

* * *

Казаку Бог помогает и казацкое счастье.

* * *

Казак в Запорогах, что пень при дорогах.

* * *

У наших казаков (молодцов) обычай таков: поцеловал куму да и губы в суму.

* * *

Если казак не зевает, в бою не плошает, то ему и Бог помогает.

* * *

Казак казаку – брат, а на войне – во сто крат!

* * *

Характер – что казачья лава в атаке.

* * *

Ломи напрямик, скачи, пока ноги коня несут!

* * *

Хоть рыло в грязи, да наша взяла!

* * *

Хоть жизнь собачья, так слава казачья!

* * *

Казак на добычу летит, как ангел на небо.

* * *

Знай край, да не падай!

* * *

От чужого стола не зазорно и повернуть.

* * *

Казачьему роду нет переводу!

А.В. СУВОРОВ О ДОСТОИНСТВАХ ОФИЦЕРА:

Герой, о котором я говорю, весьма смел без запальчивости; быстр без опрометчивости; деятелен без суетности; подчиняется без низости; начальствует без фанфаронства; побеждает без гордыни; ласков без коварства; тверд без упрямства; скромнен без притворства; основателен без педантизма; приятен без легкомыслия; единомыслен без примесей; расторопен без лукавства; проникателен без пронырства; искренен без панибратства; приветлив без околичностей; услужлив без корыстолюбия; решителен, убеждает неизвестности. Основательное рассуждение предпочитает он остроумию; будучи врагом зависти, ненависти и мщенья, низлагает своих недругов великодушием и владычествует над друзьями своею верностью. Он утомляет свое тело, дабы укрепить его; стыдливость и воздержание – закон его; он живет, как велит религия, его добродетели суть добродетели великих мужей. Исполненный чистосердечия, гнушается он ложью; прямой душою, рушит замыслы двуличных; знает он только с добрыми людьми; честь и честность составляют его особенные качества; он любезен командиру своему и всему войску, все ему преданы и исполнены к нему доверенности. В день сражения или похода размеряет он все подлежащее, берет все нужные меры и вручает себя совершенно промыслу Вышнего. Он никогда не отдает себя на волю случая, но, напротив, покоряет себе все обстоятельства по причине прозорливости

своей; он во всякий миг неутомим.

(Письмо А.В. Суворова П.Н. Скрипицыну. Октябрь – ноябрь 1793 г.)

ГЕНЕРАЛ ДРАГОМИРОВ О КОДЕКСЕ ОФИЦЕРСКОЙ ЧЕСТИ

– Атаману первая чарка и первая палка.

– Считай учение не с той минуты, когда сам выехал или вышел к части, а с той, когда солдат выходит из дому; не до той, когда сам уходишь домой, а до той, когда он домой приходит.

– Офицер должен прежде и главнее всего уметь держать своих людей в руках: держать силою воли больше, нежели мерами физического принуждения (они и в мирное время только для негодяев, а в бою на них совсем плохая надежда); держать так, чтобы люди, кроме вашего голоса, не знали другого голоса; кроме вашей воли, не знали другой воли; чтобы во всех трудных случаях их глаза и помыслы инстинктивно обращались к вам за решением – что делать? И тогда вы сольетесь в одно тело и одну душу.

– Дисциплина – дело взаимное, т.е. бывает крепка только там, где она существует не только снизу вверх, но и сверху вниз, ибо тот же самый закон, который налагает на солдата известные обязательства, обеспечивает его от неправых посягательств и начальствующих лиц, которые позволяют себе подобные посягательства, суть нарушители закона и дисциплины.

– В обращении никогда не унижать, а тем более не драться.

– Недаром сказано, что действительно храбрый презирает дуэль.

– Делить с солдатом все тяготы службы.

– Гг. офицеры! Учитесь беречь солдата в бою: солдат, который знает, что его берегут, сам себя не бережет; и когда дойдет до рукопашной, его самоотвержение становится безграничным...

– То время, когда думали, что через руки и ноги можно действовать на сердце и голову, прошло безвозвратно... Ищите, напротив, прежде всего укоренения долга воинского, т.е. развития головы, творческой постановки сердца, и остальное приложится.

– Незнание исправляется разъяснением, а не выговором... Во всяком случае должно воздерживаться от выговоров и замечаний начальнику, как бы он мал ни был, в присутствии его подчиненных.

– Для этого нужно, чтобы солдаты верили вам, как своей голове, как достойному руководителю; а тогда они будут и любить вас и не будет нашему солдату ничего невозможного. Это достигается умственным и нравственным превосходством с вашей стороны над теми людьми, жизнь которых в бою вверяется вам. Если они во всех положениях будут видеть в вас наставника, который знает дело лучше их и больше их; если они будут видеть в вас человека, готового первым сделать то, чего от них требует, то пойдут за вами беззаветно и безусловно, куда вы их поведете; и сами скорее лягут, чем выдадут дело, во имя которого идут за вами.

– Отдавая честь старшему, мы выражаем свое подчинение ему и исполняем долг вежливости, требуемый всяким вообще, а не одним только воинским общежитием. Но чиновничество – дело обоюдное, и нехорошо делают те офицеры, которые не отвечают на отданную им нижними чинами честь, ибо тем показывают, что они менее благовоспитанны, чем солдаты, да вдобавок подают этим последним пример неисполнения предписаний устава: нельзя не привить, ни утвердить исполнительности, когда сам таковою не отличаешься.

– Уметь держать себя по отношению к солдату, т.е. уметь установить свои отношения к солдату так, чтобы эти отношения способствовали делу воспитания и образования солдата, не обращая ни в стремление к излишней популярности, ни в излишнюю суетливость, ни в излишнюю суровость, ни в излишнюю доступность и т.п.

– Не нужно думать, чтобы солдат воспитывался быстрее и лучше при помощи строгих взысканий, вовсе нет: его воспитывают преимущественно одинаковость, неуклонность и постоянство раз поставленных требований. Девизом ротного командира да и всякого начальника должно быть: «Не рви, а тяни».

– Помнить, что солдат человек и поэтому для него, как и для всякого человека, ни одна обязанность не должна обходиться без соответственного права.

– В вопросе об исполнении приказа, даже явно преступного, по мнению исполнителя, офицер и солдат должны руководствоваться не статьями общих законоположений, если бы

даже таковые были доподлинно известны, а сущностью присяги, памятуя, что в деле исполнения приказа для него преступно только то, что против присяги, а в остальном ответчиком за последствия исполненного приказа всегда является начальник, отдавший приказание. Никакие иные толкования в этом вопросе недопустимы, потому что они нарушили бы святость приказа, способствовали бы увеличению числа случаев неповиновения в армии и в корне подрывали бы основы ее существования.

– Выработать в себе правильное отношение к приказанию... Офицер должен следить за самим собою, чтобы его требования и приказания не носили характера каприза: то, что он требовал известным образом раз, должно требовать таким же образом постоянно. Выработав, таким образом, законность в самом себе, офицер будет чуток к беззаконности и не даст развиваться ей в своих подчиненных, т.е. уберезет их от того, что составляет основу самых разнообразных и ужасных преступлений.

– Будьте ему примером во всем и тогда он в плоть и кровь примет ту исполнительность, которая одинакова как на глазах у начальника, так и за глазами; явив себя проникнутым долгом, вы и его поднимете на высоту долга; и тогда ни лишения, ни опасность, ни болезнь не собьют его с этого пути. Чувство долга растет не снизу вверх, а распространяется сверху вниз.

– Кто выходит из себя, тот служит своей личной потребности раздражаться, а не интересам службы, ибо располагает подчиненных более заботиться об угодливости ему, нежели о служебной исполнительности.

– Помните, что люди, которые будут вверены его попечению, не в состоянии применяться к нему, а он к ним должен примениться. В этом смысле от офицера потребуются бесконечная терпимость и снисходительность. Чем больше со стороны офицера будет теплоты, участия, терпения, тем легче он найдет доступ к сердцу и сознанию молодого солдата; в таком случае лучше пойдет его воспитание и образование, ибо солдат уверует в офицера и, уверовавши, во всем послушает.

– Товарищество серьезное, достойное людей, себя уважающих, не только не исключает служебной требовательности, но предполагает ее: не товарищ тот, кто может и должен научить меня делу, от коего зависит моя будущность, – и не делает этого из ложного понятия деликатности... Товарищество – святыня, которую нужно беречь как зеницу ока, ибо на нем все в бою держится. Нет жертвы, которой нельзя было бы принести для водворения и укрепления честного товарищества в войсковой семье.

– Смотрите на солдатство как на низшую степень великого воинского товарищества; не забывайте святых слов, что «солдат есть имя общее, знаменитое, что солдатом называется первейший генерал и последний рядовой».

– Во имя товарищества берегите солдата, но не балуйте его; будьте внимательны к малейшим его нуждам (не напоказ, а в настоящую), но непоколебимою рукою закона карайте за преступления, позорящие военное братство, и крепко держите в руках... Учите делать дело, а не болтать о деле; неприятеля разговорами не победишь.

– Требования ставить настойчиво и непрерывно наблюдать за их исполнением. Непрерывность наблюдения за исполнением требований положительно необходима, потому что она приучает и начальника, и подчиненного к равномерному напряжению по отношению к службе. У требовательного начальника безропотно исполняется и тяжелая служба; по привычке она даже не кажется тяжелой, а у того, кто бывает требовательным лишь периодически или случайно, даже и невысокие требования вызывают ропот на строгость.

КРАСНАЯ АРМИЯ: ОЦЕНКА ПСИХОЛОГИИ РУССКОГО СОЛДАТА

Можно почти с уверенностью сказать, что ни один культурный житель Запада никогда не поймет характера и души русских. Знание русского характера может послужить ключом к пониманию боевых качеств русского солдата, его преимуществ и методов его борьбы на поле боя. Стойкость и душевный склад бойца всегда были первостепенными факторами в войне и нередко по своему значению оказывались важнее, чем численность и вооружение войск. Это давно известное положение было справедливо и для Второй мировой войны; я думаю, что оно будет сохранять свою силу и в будущем. Никогда нельзя заранее сказать, что предпримет русский: как правило, он шарахается из одной крайности в другую. Его натура так же необычна и сложна,

как и сама эта огромная и непонятная страна. Трудно представить себе границы его терпения и выносливости, он необычайно смел и отважен и тем не менее временами проявляет трусость. Бывали случаи, когда русские части, самоотверженно отразившие все атаки немцев, неожиданно бежали перед небольшими штурмовыми группами. Иногда пехотные батальоны русских приходили в замешательство после первых же выстрелов, а на другой день те же подразделения дрались с фанатичной стойкостью. Русские очень непоследовательны: сегодня они не проявляют никакого беспокойства об обеспечении своих флангов, а завтра мысль о том, что их флангам угрожает опасность, приводит их в ужас. Русский солдат с пренебрежением относится к общепринятым тактическим принципам, но в то же время старается полностью следовать букве своих уставов. Его индивидуальность непрочна, она легко растворяется в массе; иное дело – терпеливость и выносливость, черты характера, складывавшиеся в течение многих веков страданий и лишений. Благодаря природной силе этих качеств русские стоят во многих отношениях выше более сознательного солдата Запада, который может компенсировать свои недостатки лишь более высоким уровнем умственного и духовного развития.

Русский остается хорошим солдатом всюду и в любых условиях. В век атомного оружия все это может иметь очень большое значение. Одним из главных преимуществ России является ее способность выдержать огромные разрушения и кровопролитные бои, а также возможность предъявить необыкновенно тяжелые требования к населению и действующей армии.

До некоторой степени высокие боевые качества русских снижаются их природной ленью. Однако в ходе войны русские постоянно совершенствовались.

Им удалось создать в русской армии то, чего ей недоставало в Первую мировую войну, – железную дисциплину. Подобная, не знающая жалости военная дисциплина – которую, я уверен, не выдержала бы ни одна другая армия – превратила неорганизованную толпу в необычайно мощное орудие войны. Дисциплина – главный козырь, движущая сила армии. Она также явилась решающим фактором и в достижении огромных политических и военных успехов...

(Меллентин фон Ф.В. Танковые сражения 1939 – 1945 гг.: Боевое применение танков во Второй мировой войне)

ВЫСКАЗЫВАНИЯ О ВОИНСКОМ СЛУЖЕНИИ

СУТЬ ВОИНСКОГО СЛУЖЕНИЯ

Кто любит свое Отечество, тот подает лучший пример любви к человечеству (А.В. Суворов).

* * *

Бей неприятеля, не щадя ни его, ни себя самого, держись зло, дерись до смерти, побеждает тот, кто меньше себя жалеет (А.В. Суворов).

* * *

Три воинских искусства: первое – глазомер, второе – быстрота, третье – натиск (А.В. Суворов).

* * *

Военные добродетели: для солдата – отважность, для офицера – храбрость, для генерала – мужество, руководимое началами порядка и дисциплины, управляемое бдительностью и предусмотрительностью (А.В. Суворов).

* * *

Геройство побеждает храбрость, терпение – скорость, рассудок – ум, труд – лень, история – газеты (А.В. Суворов).

* * *

Воевать не числом, а умением (А.В. Суворов).

* * *

Цель военного сословия в народе заключается в том, чтоб бить врагов его с возможно меньшими усилиями и потерями (М. Драгомиров).

* * *

Сущность воинского духа состоит в том, чтобы он привык к той мысли, что он есть воин и прямое назначение его – это война и что за время пребывания его на действительной службе или в запасе армии он может быть призван для настоящего своего дела, для войны (Д. Трескин).

* * *

Говоря об армии, как самостоятельном организме, не следует забывать что победоносная, непобедимая армия – могучее дерево, выросшее на почве своей родной страны, с корнями, глубоко проникшими в ее духовную и физическую толщу. Степень мощности дерева зависит от тех живительных соков, которые оно пьет из страны, из общества и которые, перерабатываясь в школе армии, не теряют все же своей первоначальной сущности. Отсюда – громадная роль писателей, затрагивающих вопросы в области духа, из области повседневной жизни общества и армии в философских и беллетристических произведениях, так как на их поучениях и образцах воспитываются мысли и чувства современников. (А. Куропаткин).

* * *

Армия, которая отдает или теряет свое знамя, признает этим, что национальная воля, воплощенная в нем, сломлена в ее слабых руках и отдана в распоряжение врага (П. Измestъев).

* * *

Искусство ведения военных действий не является ни строго математическим расчетом, ни делом отдельных случайностей, а своего рода теорией вероятности (П. Измestъев).

* * *

Вот четыре нравственных свойства, отличающих русских воинов: ревность к вере, любовь к Отечеству, преданность к государям и высокое чувство народного достоинства (Я. Толмачев).

* * *

Стремление бойца к победе есть всецело производная из чувства патриотизма. Вот почему всякой эпохе возвеличения, какого бы мы ни взяли государства, предшествует эпоха огромной внутренней работы, направленной к созиданию национального самосознания (Н. Головин).

* * *

Великий мастер военного дела Наполеон полагал, что всякое предприятие только тогда может считаться хорошо соображенным, когда 2/3 его отнесено к расчету и 1/3 оставлена на долю случая (П. Измestъев).

* * *

Залог успеха в военном деле определяется не столько степенью материальной потери противника, сколько поселением в нем убеждения в невозможности нам сопротивляться (М. Драгомиров).

* * *

В заботах об улучшении своего материального положения офицер должен прибегать лишь к таким средствам, законность которых не подлежит ни малейшему сомнению (Э. Свидзинский).

* * *

Наша передовая интеллигенция во время минувшей кампании вела себя преступно: она смотрела на войну, как на время, удобное для достижения своей цели – изменения существующего режима (М. Галкин).

* * *

Мало надежды можно возлагать и на нашу интеллигенцию... В ожесточении внутренней, политической распри они забыли святой лозунг – «Родина!» (А. Верховский).

* * *

Высокое патриотическое чувство должно резко отличать военного человека от обыкновенного гражданина. Присутствие этого чувства в солдате есть единственное условие ясного сознания им долга службы и понимания своего назначения – защитника престола и отечества. Следовательно, воспитание в солдате чувства патриотизма составляет крупную задачу, и весьма естественно, что для решения этой задачи должно быть направлено большое внимание начальников. Дух патриотизма лежит в основании и венчает всякую военную систему, в противном случае она не будет иметь никакой цены (Д. Трескин).

О СОЛДАТЕ И ЕГО ВОСПИТАНИИ

Имя «солдат» просто содержит в себе всех людей, которые в войске суть, от вышнего генерала даже до последнего мушкетера, конного и пешего (Петр Великий).

* * *

Офицеры суть солдатам, яко отцы детям, того ради надлежит их равным образом отечески содержать (Петр Великий).

* * *

Прапорщику подобает во все дни немощных посещать и смотреть, нет ли в чем-либо недостатка. Ему подобает великую любовь к солдатам иметь, и когда они в наказание впадут, тогда ему об них бить челом вольно (Петр Великий).

* * *

Капитан должен вести себя с солдатами, яко отец с детьми, увещевая непорядочных, поправляя их советами и наказывая милости недостойных, отличать и любить добрых (Петр Великий).

* * *

Солдату надлежит быть здорову, храбру, твердо, решиму, правдиву, благочестиву (А.В. Суворов).

* * *

Без честолюбия, послушания и благонравия нет исправного солдата (А.В. Суворов).

* * *

Нужное солдату полезно, а излишнее вводит в роскошь – мать своеволия (А.В. Суворов).

* * *

Сам погибай, а товарища выручай. За убитых Церковь Бога молит (А.В. Суворов).

* * *

Солдат дорог. Береги здоровье, чисти желудок, коли засорился. Голод – лучшее лекарство (А.В. Суворов).

* * *

Там, где пройдет олень, там пройдет и русский солдат. Там, где не пройдет олень, все равно пройдет русский солдат (А.В. Суворов).

* * *

Братцы! Бей штыком, колоти прикладом! Не задерживайся: шибко иди вперед! Ух, махни! Головой тряхни, вперед, братцы! Чудо-богатыри, вперед! Мы русские! (А.В. Суворов).

* * *

От храброго русского гренадера никакое войско в свете устоять не может (А.В. Суворов).

* * *

Ты присягал. Умирай за веру, царя и Отечество. Знамя защищай до последней капли крови (А.В. Суворов).

* * *

Стреляй редко, да метко. Штыком коли крепко. Пуля – дура, штык – молодец (А.В. Суворов).

* * *

Тяжело в учении – легко в походе, легко на учении – тяжело в походе (А.В. Суворов).

* * *

Ружье, сухарь и ноги береги пуще глаза! Неутомимость солдат и решимость офицера – вот вожжи к славе! (А.В. Суворов).

* * *

Солдат и в мирное время на войне (А.В. Суворов).

* * *

Русак не трусак (А.В. Суворов).

* * *

Зри в части – семью, в начальнике – отца, в товарище – родного брата (А.В. Суворов).

* * *

В русской солдатской среде много привлекательного. Здравый смысл в связи с безобидным юмором; мужество и храбрость спокойные, естественные, без поз и театральных эффектов, но с подбоем самого искреннего добродушия; умение безропотно довольствоваться малым, выносить невзгоды и беды так же просто, как обыденные мелочные неудобства (А. Петрушевский).

* * *

Одностороннее развитие уничтожает в солдате человека (М. Драгомиров).

* * *

Солдат, которого сметливость не только не была притуплена, но развита дельным направлением мирных занятий, сумеет примениться к любому предмету, и не получив на это указаний в мирное время (М. Драгомиров).

* * *

Для простолюдина нет лучше науки, как примером, особенно еще если он сразу видит, что его учат делу; не рассказывайте, что нужно делать, а покажите, как сделать, и один подобный показ будет стоить ста объяснений (М. Драгомиров).

* * *

Войска должно воспитывать так, чтоб разнообразие форм противника не поражало их неожиданностью (М. Драгомиров).

* * *

Уже давно сказано, что войска нужно учить в мирное время только тому, что должны они делать в военное, ибо там они могут делать только то, что знают и что привыкли делать (М. Драгомиров).

* * *

Господа, имейте прежде всего в виду здравый смысл; будьте внимательны к приметам; берегите и уважайте солдата, но не балуйте его и постоянно держите в руках; будьте внимательны к малейшим его потребностям, даже предрассудкам, но рукою закона карайте беспощадно за отступления от военных обязанностей; решайтесь быстро, без колебаний; действуйте так, чтобы для вас не было середины между гибелью и победой; не допускайте мысли о возможности поражения в самых отчаянных положениях – и смело можете быть уверены в том, что выйдете с честью из встречи с любой армией (М. Драгомиров).

* * *

Уча – учимся. Этот навык мы считаем важнейшим потому, что толковое исполнение чего-либо прежде всего обуславливается пониманием со стороны исполнителя того, чего от него хотят (М. Драгомиров).

* * *

Если офицер не сделает, то и никто не сделает. Он не имеет права ожидать от солдата исполнительности, пока сам не воспитает его (М. Драгомиров).

* * *

Цель воспитания выражается в двух словах: нужно, чтобы солдат был надежен, т.е. правдив и исполнял свои обязанности всегда одинаково, как на глазах у начальника, так и за глазами (М. Драгомиров).

* * *

Поздно учиться говорить с солдатом тогда, когда нужно уметь словом посылать его на смерть. Отдать приказание коротко и ясно, подбодрить словом, взглядом – великое и трудное искусство, которое большинству дается только практикой (М. Драгомиров).

* * *

Свойства рекрута нашего то, что длинных объяснений и отвлеченностей он не понимает или весьма трудно понимает; сам длинно не говорит; с показа легче учится, чем с рассказа; запоминает легче, чем усваивает (М. Драгомиров).

* * *

Генерал М.И. Драгомиров с предельной ясностью указал солдату, где лежит граница между подчинением приказу и выполнением велений совести: делай, что начальник прикажет, а против государя ничего не делай (Е. Месснер).

* * *

Француз Месельер в 1757 году... писал, что «русский солдат любит, чтобы с ним говорили». Результатом общения, а, следовательно, и его подтверждением является знание людей поименно и в лицо. Известна уловка Наполеона, состоявшая в том, что, обходя строй, он обращался к какому-нибудь украшенному орденом солдату, называл его по имени и спрашивал, не в таком ли сражении он получил свой крест. Ответ был всегда утвердительный, так как император заранее подготавливал этот эффект, дававший ему власть над многими сердцами. Суворов, более поглощенный войсками, действительно знал очень многих солдат в лицо, всегда узнавал их и не упускал случая беседовать с ними (А. Зыков).

* * *

Солдат, действующий в цепи с уверенностью, что офицер знает его, что он не даст его по движению затеряться в общем результате действий роты или эскадрона и оценит его поведение в бою, будет вести себя иначе, нежели солдат, полагающий, что офицер не знает его (П. Карцов).

* * *

Солдат очень ценит, если офицер, прежде чем искать себе удобства и покоя, позаботится о своем взводе. Если по ограниченности данных младшему офицеру прав и средств он не может

помочь солдату делом, пусть поможет словом и примером. Придя на квартиры или на бивак, не спешите уходить от взвода (П. Карцов).

* * *

Уверенность в победе составляет великое средство для ее достижения. Солдат только тогда приобретает эту уверенность, когда, вступая в дело, не видит ни суеты, ни унылых и озабоченных лиц своих офицеров. Суета – явный признак неуверенности и волнения; озабоченность наводит на солдата мысль, что офицер предвидит неудачу. Если бы взвод и действительно получил задачу крайне трудную или очутился в опасном положении, то и тогда его командир всеми силами должен стараться поднять дух людей и самую опасность задачи представить как знак особенного к ним доверия и как средство достигнуть отличий. Русский солдат склонен к самопожертвованию, что и самая смерть не страшна ему, если только офицер сумеет задеть те свойства его души, которые возвышают его дух и стремления. Вера, царь, святость присяги, честь знамени и слава своего полка – вот пружины, которые подвигают на подвиги самопожертвования даже тех, которые в обыденной жизни кажутся ко всему равнодушными (П. Карцов).

* * *

Роте или эскадрону нужен отец не балующий, не слабый характером, не лишенный энергии, а отец заботящийся, не распускающий, любящий, но и наказующий. Русский солдат своим простым, природным умом очень хорошо понимает это. Он чуток к каждому действию начальника и никаким баловством, никакими побрякушками к распущенности вы не привяжете его к себе (П. Карцов).

* * *

Чувство личного достоинства – это сила как для простого солдата, так и для офицера, это элемент энергии, а потому не следует пренебрегать никакими средствами, чтобы увеличить эту силу в сердцах солдат (А. Апухтин).

* * *

Русский солдат представляет собой отличный сырой материал, так как он близок к природе, не знает роскоши и исполняет с удивительной покорностью самые опасные поручения. Несчастья не могут его обескуражить. Наполеон I говорил, что убитого русского солдата нужно еще толкнуть, чтобы он упал. Сила русского солдата удваивается, когда он имеет хороших начальников (Клеман де Грандпре).

* * *

«Солдат должен быть чист честию, – говаривал он [Я.П. Кульнев], – а чтобы иметь право воздерживать его от похищения чужого добра, надо, чтобы он ни в чем не нуждался; у голодного брюха нет уха» (Д. Давыдов).

* * *

Солдаты и офицер – члены одного и того же великого тела – армии, и хотя солдат стоит ниже офицера по своему служебному положению, но, как люди и граждане, они равны, и это должен чувствовать офицер и давать это чувствовать солдату. Тот плохой офицер, кто ставит себя на недостижимую для солдата высоту и всячески его чуждает. Такого офицера солдаты любить не могут и никогда не будут (Л.Л. Толстой).

Полковнику надлежит знатному и искусному благовзрачному мужу быть, чтобы полку своему во всех случаях не гнусен был и имел бы старание о добрых обер- и унтер-офицерах (Петр Великий).

* * *

Бдение начальника – лучшее спокойствие подчиненных. Прозорливость оного побеждает нечаянности (А.В. Суворов).

* * *

Три главных достоинства вождя: мужество, ум, здоровье (телесное и душевное) (А.В. Суворов).

* * *

Тщательно изучай подчиненных тебе солдат и подавай им пример. Отличай честолюбие от гордости и кичливости. Войска, обученные по моей методе, будут победительными и без меня (А.В. Суворов).

* * *

Командиру необходимо непрерывное образование себя науками с помощью чтения (А.В. Суворов).

* * *

Необходимо, чтобы войска предводителя своего разумели (А.В. Суворов).

* * *

Начальник на войне не должен себя ничем связывать, а поступать соответственно обстоятельствам и всегда быстро (А.В. Суворов).

* * *

Беспрерывное изучение врага сделает тебя великим полководцем. Никакой баталии в кабинете выиграть невозможно. Умей пользоваться местностью, управляй счастьем (А.В. Суворов).

* * *

Твердость, предусмотрительность, глазомер, время, смелость, натиск, поменьше деталей и подробностей в речах солдатам (А.В. Суворов).

* * *

От строгости до жестокости полсажени, пол-аршина, полвершка, пол-полвершка (А.В. Суворов).

* * *

Свой пай съедай, а солдатский солдату отдавай (А.В. Суворов).

* * *

Тщательно обучай подчиненных тебе солдат и подавай им пример (А.В. Суворов).

* * *

Ночные поражения противников доказывают умение вождя пользоваться победой не для блистания, но для постоянства (А.В. Суворов).

* * *

Лень рождается от изобилия. Ближайший повод к лени – безначалие. Мудрый не дерется нечаянно (А.В. Суворов).

* * *

В кабинете врут, а в поле бьют (А.В. Суворов).

* * *

Руководитель должен вооружиться терпением, самоотвержением и уважением к чужим мнениям; он должен радоваться малейшим проблескам оригинальной мысли, уметь поддерживать и развивать их. Без этих качеств он не годится в руководители (М. Драгомиров).

* * *

Прежде всего следует надеяться не на какую-либо книжку, а на собственную голову, которой не может заменить никакая книжка в военном деле, не допускающем постоянных правил, ибо на всякий новый случай самому приходится создавать новое правило тут же, на месте, мгновенно (М. Драгомиров).

* * *

Субординация только для того и существует, чтобы был порядок; и кто перескакивает ее ступени, как бы ни были они скромны, тот прямо ведет к подрыву порядка, так как этим показывает якобы ненужность начальников, которых обходит, и тем приучает их равнодушно относиться к делу (М. Драгомиров).

* * *

Слово офицера в строю должно быть свято; должно быть понимаемо и исполняемо по прямому его смыслу и тону (М. Драгомиров).

* * *

Нет зловреднее того, когда выводят солдата на учение задолго до намеченного часа. Ты назначишь в шесть часов, ротный прикажет привести в пять, а если не по разуму усердный, то и в четыре; а фельдфебель поднимет в два. Учение два-три часа, а мучения – четыре, иногда больше. Как поучат так неделю-другую, кто послабее, в госпиталь, а может, и дальше. Человек пропал, труды на выучку его тоже. Нужно учить, а не мучить (М. Драгомиров).

* * *

Развиваться воинский дух может только тогда, когда начальники не требуют автоматического исполнения, и наоборот, он гибнет, когда торжествует рутинная убиваемая энергия, принижается гордость (П. Измestьев).

* * *

В письме к своему брату Фридрих Великий пишет: «На войне нужно рисковать иногда, но в то же время нужно уменьшить этот риск в возможной мере благоразумием». Генерал, по мнению Фридриха, должен осмотрительно взвешивать свои намерения (а это ведь равнозначно расчету), должен спокойно обдумать план действий и решительно приводить его в исполнение; необходимость может иногда заставить прибегнуть к самым отчаянным средствам, но, за исключением этого случая, следует поступать с осторожностью и действовать с осторожностью, так как тот наиболее ловок, кто меньше всего рассчитывает «на авось». Конечно, говорит он, нужно на войне иногда рискнуть, но, во всяком случае, и рисковать следует обдуманно (П. Измествев).

* * *

Злоупотребление правами и властью так же вредно, как и допускать их бездействие. Применять права свои к делу надо так, чтобы они не нарушали прав подчиненного (П. Карцов).

* * *

При обращении с солдатом младший офицер должен иметь всегда в виду следующие, так сказать, основные правила: а) справедливость и одинаковую, разумную строгость, не зависящую от расположения духа и от других личных условий; б) последовательность требований, не допускающую порывов и суетливости; в) ровность обращения, не допускающую ни излишней суетливости, ни слабости или доброты, доходящей до фамильярности. Младший офицер, сегодня требующий одно, а завтра требующий другое, сегодня взыскивающий за то, на что вчера не обратил внимания, подрывает веру солдат в свое знание и навлекает на себя справедливый ропот. Всякое требование и указание, если они не всегда одинаковы, будут считаться или произволом, или капризом; г) не злоупотребление своею властью, доходящее до нарушения прав и самолюбия подчиненного. Последнее особенно важно в отношении унтер-офицеров, в которых не только следует уничтожать, а напротив, должно поддерживать самолюбие. Различие между званием офицера и нижним чином, кто бы он ни был, фельдфебель или рядовой, так громадно, что нет надобности поднимать его превышением своих прав или обращением, унижающим личность солдата; наконец, д) участие к положению и быту подчиненных младшему офицеру нижних чинов (П. Карцов).

* * *

Остатки кадрового состава сохранили доверие солдат [пример из 1 й мировой войны 1914 – 1918 гг.]. Хуже было с офицерами военного времени. Большая часть «прапорщиков» – случайного элемента в офицерских погонах – не сумели надлежащим образом себя поставить. Одни напускали на себя не принятое в русской армии высокомерие и тем отталкивали солдата. Другие безвозвратно губили себя панибратством, попытками «популярничать». Солдат чуял в них «не настоящих» офицеров (А. Керсновский).

* * *

Военные речи должны быть кратки; они должны состоять из одних существенных частей. Иногда одно изречение достаточно для воспламенения воинов (Я. Толмачев).

* * *

Свобода – первый фактор человеческого достоинства, и в пределах воинской дисциплины она допустима и в армии. Все мы добровольно поработаем себя великой идее долга, но придавать добровольному подчинению вид вынужденного, обусловленного властью начальника, значит, нанести жестокий удар почетности воинского звания. Если мы говорим, особенно публично, с нашими офицерами, то пусть тон наш будет тоном человека, дающего указания своим сотрудникам в ин-

тересах общего дела. Мы должны помнить, что офицер служит не за страх, а за совесть (П. Измestьев).

* * *

Скромность и расчетливость осуждаемы не будут, напротив, заслуживают подражания; но излишняя скупость будет громадным недостатком (П. Карцов).

* * *

Офицер не должен легко давать свое честное слово. Слово офицера должно быть залогом правды, и потому ложь, хвастовство, неисполнение обязательства – пороки, подрывающие веру в правдивость офицера, вообще бесчестят офицерское звание и не могут быть терпимы (Э. Свидзинский).

* * *

Справедливость должна стоять во главе всех действий командира части. Это качество может проявляться или нарушаться им непрерывно, но нигде оно так не осязательно, как в аттестации офицеров и при представлении их к наградам (П. Карцов).

* * *

Истинная честь не допускает страстной торопливости в поступках; она взвешивает и обдумывает, прежде чем признать что-либо за оскорбление (Э. Свидзинский).

* * *

Берегите офицера. Ибо от века и донныне он стоит верно и бесменно на страже русской государственности, сменить его может только смерть (А.И. Деникин).

ПСИХОЛОГИЯ БОЯ

Истинное правило военного искусства – прямо напасть на противника с самой чувствительной для него стороны, а не сходитьсь, робко пробираясь окольными дорогами, через что самая атака делается многосложною, тогда как дело может быть решено только прямым, смелым наступлением (А.В. Суворов).

* * *

Где тревога, туда и дорога; где ура – туда и пора; голова хвоста не ждет (А.В. Суворов).

* * *

Идя вперед, знай, как воротиться (А.В. Суворов).

* * *

Кто удивил, тот победил (А.В. Суворов).

* * *

Нога ногу подкрепляет, рука руку усиляет (А.В. Суворов).

* * *

Победа – враг войны (А.В. Суворов).

* * *

Дисциплина – мать победы.

* * *

Ближайшая к действию цель лучше дальней (А.В. Суворов).

* * *

Чем больше удобств, тем меньше храбрости (А.В. Суворов).

* * *

Нет ничего страшнее отчаянных (А.В. Суворов).

* * *

Хотя храбрость, бодрость и мужество всюду и при всех случаях потребны, токмо тщетны они, ежели не будут истекать из искусства.

* * *

Скорость нужна, а поспешность вредна (А.В. Суворов).

* * *

Штык, быстрота, внезапность – это возжи россиян (А.В. Суворов).

* * *

Самым ложным правилом является убеждение, что после поражения врага все закончено, в то время как нужно стремиться к более крупным успехам (А.В. Суворов).

* * *

Кто испуган, тот побежден на половину. У страха глаза велики, один за десятерых покажется (А.В. Суворов).

* * *

Идешь бить неприятеля, умножай войска, опорожняй посты, снимай коммуникации. Побив неприятеля, обновляй по обстоятельствам, но гони его до сокрушений (А.В. Суворов).

* * *

Ни одного поста не должно считать крепостью... нет стыда уступить пост превосходному в числе неприятелю. Напротив того, в том и состоит военное искусство, чтобы вовремя отступить без потери, уступленный пост можно снова занять, а потеря людей невозвратима: нередко один человек дороже самого поста (А.В. Суворов).

* * *

Штыки, быстрота, внезапность!.. Неприятель думает, что ты за сто, за двести верст, а ты, удвоив шаг богатырский, нагрянь быстро, внезапно. Неприятель поет, гуляет, ждет тебя с чистого поля, а ты из-за гор крутых, из лесов дремучих налети на него, как снег на голову. Рази, стесни, опрокинь, бей, гони, не давай опомниться (А.В. Суворов).

* * *

Победа зависит от ног, а руки – только орудие победы (А.В. Суворов).

* * *

При всяком случае наивреднее неприятелю страшный наш штык, которым наш солдат исправнее всех на свете работает (А.В. Суворов).

* * *

Бегущего неприятеля истребляет одно преследование (А.В. Суворов).

* * *

Никогда не презирайте вашего неприятеля, каков бы он ни был, и хорошо узнавайте его оружие, его образ действовать и сражаться. Знай, в чем его сила и в чем слабость врага (А.В. Суворов).

* * *

Полк – подвижная крепость, дружно, плечом к плечу, и зубом не возьмешь! (А.В. Суворов.)

* * *

Не думай, что сразу дается победа; враг тоже бывает стоек, иногда не удастся взять и с двух, и с трех раз, лезь в четвертый и дальше, пока не добьешься своего. В бою бьет тот, кто упорен и смел, а не кто сильнее; претерпевший до конца спасен будет (М. Драгомиров).

* * *

Даже и обороняясь, никогда не думай о том, чтобы отбиться, но непременно о том, чтобы побить (М. Драгомиров).

* * *

Пока дерешься, выручай здоровых; только побив врага, вспоминай о раненых (М. Драгомиров).

* * *

Как бы неожиданно ни появился неприятель, не нужно забывать одного: что его можно бить или штыком, или пулей; из двух выбрать, кажется, нетрудно (М. Драгомиров).

* * *

Не путайся в чужие дела, пока видишь, что его толково ведут; в бою и своего довольно будет. Погонишься за чужим делом, свое упустишь (М. Драгомиров).

* * *

Каждый военнослужащий должен быть уверен, что закон стоит на страже интересов общего дела, что его судьба, его карьера не зависят ни от протекции, ни от случайностей, ни от умения ладить с окружающими (подлаживаться), а только лишь от его служебных достоинств, что оцениваться будет одна лишь польза, какую он может принести своему делу (В. Доманевский).

* * *

Мужество есть способность человека терпеливо переносить невзгоды жизни. Сила этого качества главным образом зависит от силы воли... Немцы говорят об этом очень остроумно: «Потерявший имение – ничего не потерял; потерявший честь – много потерял; потерявший мужество – все потерял» (Н. Бирюков).

* * *

Мужество зависит также от национальных свойств бойца – в силу этого наличие его тоже обуславливается социальными факторами. Следовательно, и в этом отношении победа готовится народом задолго еще до битвы. Интересным примером служит в Древнем мире Спарта, где все государственное устройство и жизнь были приурочены к одному – развитию в гражданах мужества. Мужество является очень сложным духовным состоянием и в прямом смысле слова не может быть названо чувством. Главную составную часть так называемого мужества составляет чувство мощи (Н. Головин).

* * *

Высокие добродетели мужества и самопожертвования развиваются только в виду угрожающей опасности, но у многих они дремлют и бездействуют в мирное время. Поэтому продолжительный мир опасен для духа армии (Наставление к самодисциплине, 1900).

* * *

Бодрость есть свойство человеческого духа никогда не находить свое положение отчаянным, считать, что бывают положения еще хуже, и искать средств и способов выйти победителем из неприятного положения. Бодрость есть энергия. Чем больше препятствий, тем больше энергии должен проявлять воин (Н. Бирюков).

* * *

Во всякого рода деятельности самое худшее – ни на что не решаться. Умение же решаться есть самая суть военной деятельности (Н. Головин).

* * *

Одно из отличительных свойств твердого духа есть постоянное терпение. Сие качество нужно воину не только во время трудных походов, во время продолжительных осад и в других несчастных случаях, но и в мирное время. Войско, теряющее навык терпения, теряет постепенно и другие воинские доблести (Я. Толмачев).

* * *

Преобладание ума над волей приведет только к тому, что далее обдумывания, комбинирования, т.е. расчета, человек не пойдет. Вот почему Клаузевиц говорит, что умнейшие люди зачастую бывают самые нерешительные (П. Изместьев).

* * *

Общепринятое средство – это внушать страх, и этот способ противоречит тому, что мы должны добиваться в солдате, требуя от него мужества, практикуется в ежедневном его запугивании. Идеал солдата – солдат, ничего не боящийся, а между тем в этом направлении мы мало работаем. Человек, не боящийся раны, с презрением относится к смерти, боится дисциплинарного взыскания и наоборот. Способ воздействия устрашением не логичен, и солдат, который не совершает проступков из-за страха наказания, – жалок (П. Измestъев).

* * *

Храбрость есть способность человека преодолевать свой страх в виду опасности. Хотя это, как сказано, способность, однако храбрость может быть до некоторой степени развита искусственными упражнениями, заразительностью примеров и может совершенствоваться параллельно с развитием воли. Нет человека, который чего-нибудь не боялся бы, но тот, кто этот страх в себе способен преодолеть, тот храбрый. Храбрость воина и солдата развивается вместе с приобретением уверенности, в умении управлять своим оружием и сознанием превосходства своего воинского искусства над искусством противника. Кроме того, убеждение в том, что товарищи в критическую минуту окажут поддержку, усугубляет храбрость (Н. Бирюков).

* * *

Психика бойцов есть явление сложное; сверх чувства доблести, воли и долга в нем равным образом играют роль чувство осторожности и военной хитрости, а над всем этим господствует высшее начало – разум! (В. Заглухинский.)

* * *

Душевное состояние людей имело, имеет и будет иметь первенствующее значение не только в вопросах войны, но и во всех остальных проявлениях жизни вообще. Гении искусства, литературы, великие законодатели и правители лишь тогда являются таковыми, когда им был понятен и близок дух современников (В. Заглухинский).